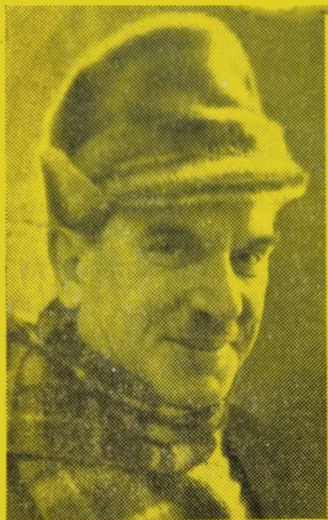

A stylized illustration featuring several faces in profile, rendered in yellow with red noses and lips. The faces are arranged around a central white star shape. The background is light blue with purple and yellow brushstrokes. The text is centered over the star.

Евгений
ММН

**СИРЕНЕВАЯ
ЗВЕЗДА**

Каждое утро ко мне приходит Лара, соседская дочка, маленькая темноглазая девочка. Она рассказывает о всех новостях во дворе и кем она будет, когда вырастет. Потом я работаю, а Лара, приткнувшись рядом, рисует то домик, из трубы которого идет дым, то собаку, то корову. Однажды я спросил ее:

— Скажи, Лара, почему бы тебе не нарисовать нашего кота!

— Не выйдет, — вздохнула она.

— Почему! Разве это труднее, чем собаку или корову!

— Ну, какой вы! — удивленно произнесла она. — Он же рыжий, а у меня нет рыжих карандашей.

Вечером я рассказал о Ларином ответе ее родителям, и все смеялись.

Но когда я пишу сказки и у меня ничего не получается, я вспоминаю Лару и думаю: «Должно быть это потому, что у меня нет рыжих карандашей».

Евгений Мин

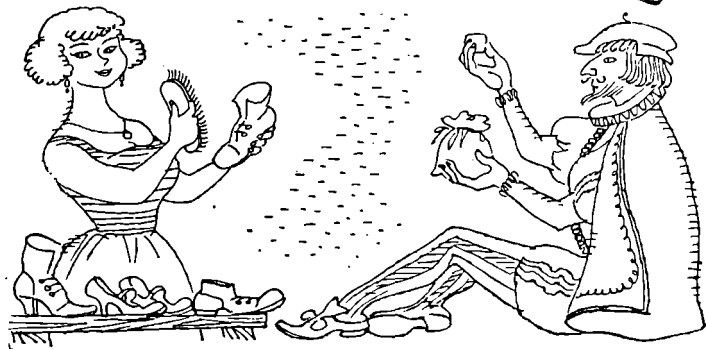

**СИРЕНЕВАЯ
ЗВЕЗДА**

P 2
M-62

ХУДОЖНИК Б. Ф. СЕМЕНОВ

ПЕРЕПЛЕТЧИК

В одной стране, где умным и счастливым считался тот, у кого много денег, жил Переплетчик.

Целый день сидел он в каморке, пахнувшей столярным клеем, одевая в разноцветные одежды книги, которых никогда не читал.

— Нет, это просто дико даже, — выговаривал Переплетчику домовладелец, сытый и важный господин. — Экий ты нелюбопытный. Неужели тебя не тянет раскрыть книгу? Попробуй только — не оторвешься! Знаешь, какие забавные штучки пишут про сыщиков и про женщин... Дух захватывает!

— Так-то так, — соглашался Переплетчик. — Конечно, я и сам бы не прочь, будто знатный барин, поваляться в постели с книжицей в руках и попыхтеть трубкой, да некогда: жена, дети. Надо трудиться, чтобы добывать им на пропитание. И сказать по правде, опасаясь я этих книжек. Вред от них один, ничего другого. Вот, к примеру, был у меня друг, отличный столяр и семьянин хороший. А как-то взял у меня книгу про любовь, ну и все наискосок у него пошло. Жену бросил, сошелся с подозрительной девицей, запил... А другой, маляр был, начитался сказок о миллионерах — и того хуже: продал свои кисти и краски, накупил сапожных щеток, ваксы, уехал за

океан, да и умер там с голода. Нет, не для простых людей эти книжки. Выдумки в них, а правды никакой.

Домовладельца очень сердили такие рассуждения. Он говорил, что у Переплетчика руки золотые, а голова дубовая и не выйдет из него ничего путного.

— Ладно уж, — добродушно отзывался Переплетчик, — живы будем, не умрем.

Домовладелец обзывал Переплетчика лентяем и, забрав у него несколько книжек, уходил, а мастер, продолжая орудовать над холстом и картоном, бормотал себе под нос:

— Дудки!.. Не собьете меня с толку. Некогда мне заниматься пустяками. Дай-то бог с делом управиться. Бьешься, бьешься, еле-еле концы с концами сводишь.

И вот однажды в мастерскую к нему забрел новый заказчик. Был он широкогруд, большелоб, с ясными, внимательными глазами.

«Вот ведь, — подумал Переплетчик, глядя на высокий лоб посетителя, — должно быть, у этого человека ума палата, а приспособить куда следует он его не умеет. Локти на сюртуке протерты, брюки заштопаны, а ботинки уже не раз чинены».

— Извините, — сказал заказчик, — что я потревожил вас в столь позднее время, но мне очень нужно срочно переплести вот это.

И он положил на верстак толстую папку.

Переплетчик взял ее в руки, долго взвешивал, что-то прикидывал в уме, а потом спросил:

— Чего здесь, стихи?

— Почему вы так думаете? — улыбнулся заказчик.

— Знаю я этих поэтов, — сказал Переплетчик, — люди они свободные, делать им нечего. Каждый день влюбляются в новую даму и каждой сочиняют по стишку. Гля-

дишь, и накопится. А бывает, другие господа пишут толстые книги про путешествия по разным странам, или еще генералы любят расписывать о своих сражениях.

— Нет, друг мой, — сказал владелец толстой папки, — здесь не стихи, не путешествия. Здесь книга, в которой написано про таких, как вы, и для таких, как вы.

«Чего он болтает, этот большелобый? — недоверчиво подумал Переплетчик. — Откуда ему знать про мою жизнь, если он в первый раз появился тут, а до этого и не слышал обо мне».

Он, конечно, не высказал своих мыслей, а странный заказчик, поглядев на него, повторил:

— Эта книга про вас и для вас, мой друг. Прочтите ее, и вы убедитесь, что я прав.

— Не мое дело читать, — угрюмо промолвил Переплетчик. — А сделать что нужно — сделаем. Вы только прикажите, какой материал ставить. Можно сафьян или бархат, а можно. . .

— Нет, ни сафьяна, ни бархата. Незачем наряжать ее, словно знатную даму. Я предпочел бы холст и картон покрепче. Просто и прочно. Вот и все.

— Не беспокойтесь, не подведем, — пообещал мастер.

Когда заказчик ушел, Переплетчик раскрыл толстую папку и обнаружил там стопу бумаги, исписанную мелким неразборчивым почерком.

— Ну и ну, — задумчиво покачивал он головой, перебирая один за другим листы бумаги. — Тоже называется книга. Все рукой писано, должно быть у бедняги не было денег, чтобы отпечатать в типографии. Не велика, выходит, птица. И в грамоте, видно, не слишком силен. Ишь ты, какие каракули развел. А еще хочет, чтобы я портил глаза, разбирая их. Много воображают о себе эти господа сочинители. «Прочтите, — говорит, — это про вас и

для вас». Интересно, что же все-таки он смыслит в моем ремесле? Ладно уж, прочту страницу-другую, а больше не стану.

Решив так, он уселся на табуретку, засветил тоненькую свечу и начал читать. Время потекло. Свеча догорела. Переплетчик зажег вторую, потолок. Башенные часы пробили двенадцать. Догорела вторая свеча. Переплетчик заменил ее новой. И так было много раз.

Оплыла и погасла последняя свеча. Рассвело. Переплетчик читал книгу, написанную мелким, неразборчивым почерком.

Все в этой книге было о нем и о его друзьях: печники и кузнецы, столяре и ткачи, о тех, кто целую жизнь бьется из-за куска хлеба; и о том, почему на свете есть бедные и богатые, и как богатые богатеют, а бедные беднеют, и что это не может продолжаться вечно, придет время, когда миром будут править не короли и банкиры, священники и генералы, а ткачи и столяры, печники и кузнецы.

Переплетчик читал. Ему было страшно и весело от грозных слов, выведенных каракулями на грубой, оберточной бумаге, и он чувствовал себя молодым и сильным, красивым и смелым.

Кончив читать, он оглянулся вокруг и увидел котел, где варился столярный клей, верстак, груды холста, ножицы, и все эти предметы показались ему сильнее пушек и ружей королевских солдат, и он засмеялся так радостно, как не смеялся с самого детства.

Ласково поглаживая стопу бумаги, исписанную мелким, неразборчивым почерком, он говорил:

— Да, да, он не обманул... Эта книга про меня, про таких, как я.

Но тут же он нахмурился, лицо его стало озабоченным, рот сурово сжался, в глазах мелькнула тревога.

— Но что я могу сделать для нее? — горько воскликнул он. — Разве я способен?.. Нет, я недостойн даже прикоснуться к ней... Но я попробую... Я должен.

И он отложил в сторону все выгодные заказы знатных господ.

В назначенный срок большелобый заказчик явился к Переплетчику.

— Вот, — сказал Переплетчик, протягивая ему книгу, одетую в черную, плотную одежду. — Я сделал все, что мог.

— Прекрасно!.. Как это прекрасно!.. — воскликнул заказчик. — Это просто и прочно.

— Это навечно, — сказал мастер.

— Друг мой, вечного ничего не бывает, — сказал заказчик.

— Это навечно, — повторил Переплетчик, и заказчик, поняв, что спорить с упрямым бесплодно, вынул из кармана кошелек.

Переплетчик крепко сжал его руку:

— Нет, и не подумайте даже!.. Я не возьму!.. Я прочел вашу книгу... Мы все в долгу перед вами.

Напрасно заказчик убеждал Переплетчика взять деньги, потому что каждый труд должен быть оплачен. Мастер стоял на своем:

— Не возьму!.. Хоть голову рубите, не возьму!

Они чуть было не поссорились, но все же расстались друзьями. Переплетчик проводил заказчика до самых дверей, а потом стоял с непокрытой головой на пороге мастерской и смотрел ему вслед.

Прошел месяц, и королевские герольды возвестили, что в первое воскресенье июня, в полдень, на главной площади столицы, перед королевским дворцом, будет свершена казнь над государственным преступником,

дерзостным смутьяном, чье злодейское имя недостойно быть названо, и все жители города обязаны прибыть на эту торжественную церемонию в праздничных костюмах, с веселыми лицами.

— Кто же этот злодей? Что он сотворил? — судили и ржали на все лады знатные сплетники.

Один, ручаясь своим благородным дворянским словом, говорил, что это королевский шут, вздумавший выкрасть принцессу и обвенчаться с ней, другой клялся памятью покойной матери, что это дворцовый парикмахер, мазавший волосы королевы такими зловредными мазями, что ее величество стала лысой, третий только поднимал указательный палец и таинственно шептал:

— У!.. Я знаю!.. Я знаю... Но не могу сказать никому.

Знатных дам не интересовал государственный преступник. Они были заняты туалетами и шили у модных портних новые платья, в которых можно будет щеголять во время казни, когда все соберутся, как на самом большом бале.

Настало первое воскресенье июня.

Главную площадь перед дворцом со всех сторон окружили войска. Плотным строем стояли плечом к плечу усаые гвардейцы. Жарко горели на солнце бронзовые стволы пушек.

Посредине площади возвышался деревянный помост. На помосте палач расхаживал вокруг сосновой плахи.

Затрубили в серебряные трубы трубачи. Отворились ворота дворца. Всадники с обнаженными саблями выехали на площадь. Они сопровождали медленно и важно шагавшего мужчину в черной мантии и бархатной шапочке.

Это был королевский судья.

Не спеша взошел он на помост и, высоко подняв руку, взмахнул широким рукавом мантии.

Стихла площадь.

— Именем его королевского величества, — возвестил судья, — объявляю, что злодей, посягавший на священные основы нашего королевства, бежал.

— Ах, ах, ах! — зашебетали дамы, стоявшие в первых рядах, а самые чувствительные из них попадали в обморок.

— Сбежал! — в ужасе воскликнули знатные кавалеры, стоявшие за спинами знатных дам.

— Жал!.. Жал!.. — раскатилось эхо по всей площади и достигло ткачей и кузнецов, столяров и печников, всех тех, кого не подпускали близко к месту казни.

Королевский судья снова взмахнул крылом мантии, и снова притихла площадь.

— Государственный преступник будет найден и повешен, — объявил судья, — а пока его величество король, мудрейший и справедливейший из всех королей на свете, повелел казнить сочинение этого злодея.

И, вынув из кармана мантии книгу, одетую в черную плотную одежду, судья закончил:

— Эта злонамеренная и грешная книга должна быть уничтожена.

Передав книгу палачу, судья спустился с помоста.

Гулко забили барабаны. Палач поднял над головой острый, тяжелый топор и с криком «эге-ге-ге!» обрушил его на книгу.

Страшный удар потряс площадь, закачались даже стены дворца, но книга осталась цела, а топор, вырвавшись из волосатых рук палача, ударил обухом по лбу королевского судью, тотчас же свалившегося за мертво.

Ну и суматоха поднялась на площади. Начальник двор-

цового караула взмахнул саблей, двенадцать солдат кинулись к деревянному помосту и, стащив с него палача, связали ему руки и ноги. Грохом ударили пушки. Отчаянно заверещали знатные дамы, а кавалеры бросились бежать, наступая тяжелыми каблуками на полы модных платьев.

— Я знал, что так будет! — ликовал Переплетчик, стоявший в толпе ткачей и кузнецов, печников и столяров. — Я знал, что это навечно... Ни топор, ни меч не страшны ей.

Неделю спустя, глубокой ночью, на дворцовой площади был сложен костер высотой с городскую ратушу. Били колокола во всех церквях. Приоткрыв тяжелую штору в своей опочивальне, в страхе смотрел бледный, длинноносый король на яростное пламя, взлетавшее до звезд. Мелко и тревожно перекрестился он, когда его преподобие епископ, сотворив молитву, кинул зловредную книгу в огонь.

Занялась заря. Стыли в серой горе пепла головешки, но по-прежнему невредимой осталась книга.

И, прослышав об этом, Переплетчик сказал:

— Я знал, что и огонь не возьмет ее.

Прошел еще месяц. Новую казнь придумали для опасной книги королевские советники. Они привязали к ней веревками тяжелый груз и опустили на дно глубокой реки, а на берегу установили сторожевой пост, и ни одному человеку, кроме начальника стражи и самого короля, не разрешалось приблизиться к этому месту ближе чем на ружейный выстрел.

Но не помогло и это. То ли щуки перегрызли веревку, то ли разрезали ее острые камни, но уплыла книга, иловили ее рыбаки.

А дальше... Дальше попала книга в руки типографских рабочих. Отпечатали они ее в тысячах и тысячах

экземпляров. Разошлась книга по всему миру. Прочли ее те, о ком она написана и для кого написана.

И случилось так, как написано было в этой книге. Пришло время, когда во многих странах света стали править не банкиры и короли, не священники и генералы, а ткачи и кузнецы, печники и столяры.

И настанет день, так будет везде.

ЖИЛЕТ

Этот Портной был мастер своего дела, но все считали его чудаком. Он шил только жилеты, одни жилеты, и ничего больше.

В то время жилеты были не в моде. Их носили лишь старые почтенные мужчины. Люди небогатые, они платили сколько могли, и все же Портной был счастлив.

Жил он бедно, не в пример товарищам по ремеслу, тем, кто изготавливал дамские пальто, фраки и мундиры.

У дамского пальтовщика была квартира с высокими потолками и полированной мебелью, закройщик фраков каждое лето отправлял жену, детей и даже тещу к теплему морю, а генеральский поставщик владел дачей, машиной и собирал старинные картины.

Чудак, шивший жилеты, обитал с женой, сыном и дочерью в узкой, темной комнате. Железные кровати, комод да стол, покрытый линялой клеенкой, — вот и все их имущество.

Знакомые и друзья жалели жену Портного.

— Бедняжка, — сокрушалась супруга дамского пальтовщика, — ты валяешься на солдатской койке и держишь вещи в бабушкином ящике. Это же неприлично. Теперь в деревнях и то серванты.

— Ах, не все ли равно на чем спать, — улыбалась жена Портного, — если нам тепло и мягко вместе.

— Ты не можешь даже пойти к хорошему парикмахеру и сделать прическу.

— Зачем? .. Ему и так нравятся мои волосы.

— Наверное, он ни разу не пригласил тебя в ресторан и не повез на такси?

— Я сама готовлю обеды, и мы любим ходить пешком.

— Это называется жизнь! — возмущалась жена пальтовщика и раздосадованная уходила от подруги, не забывая одолжить ей денег, потому что хотела казаться очень богатой и очень доброй.

Супруга закройщика фраков была еще суровей.

— Нет, это ни на что не похоже! — негодовала она. — Ты, молодая и красивая, бегаешь по чужим домам мыть окна, а твой лодырь не желает трудиться.

— Пожалуйста, не обижай его, — просила жена Портного. — Что он может поделатъ, если нет заказов, а в жилеты он вкладывает всю душу.

— Из жилета шубы не сошьешь, — острила жена закройщика. — Если он ни на что не способен, пусть шьет брюки. Слава богу, мужчины пока еще не могут обходиться без брюк.

— Он говорит, что ему не по душе шить брюки.

— Какие глупости! .. Муж должен обеспечивать жену, и все! ..

Она долго поучала жену Портного, что такое мужья и как нужно с ними обращаться, а уходя, одолжила ей денег, но гораздо меньше, чем жена пальтовщика, потому что была гораздо богаче ее.

Жена Портного занимала и у подруг, и у близких знакомых, и у дальних родственников. Матери и отца у нее давно не было в живых. Единственный брат, профессор гуманитарных наук, одалживал деньги только нужным людям.

Ровным почерком вносила она долги в книжку, при-

обретенную когда-то для записи крылатых слов, и скоро там не осталось ни одной свободной страницы.

Бедная женщина ни в чем не показывала своего недовольствия, не сердилась на мужа, верила, что придет время — ему повезет, и тогда она заплатит все долги.

— А потом, потом... — мечтала она, — мы купим нашей дочери уличные туфли на широком, низком каблуке, мальчику двухколесный велосипед, тебе шляпу, а мне две пары чулок.

— Шесть пар! — загорелся Портной. — И непременно ажурные. Без шляпы я обойдусь...

— Что ты! — ужаснулась жена. — Ажурные мне ни к чему. Я уже старая.

— Ты моложе и красивее всех женщин!.. И еще мы купим тебе бархатное платье.

— Нет, нет, мы не имеем права потратить все... Я стану бережливой, даже скупой.

Портной смотрел на запавшие глаза жены, на ее худенькое лицо и досадовал на свою беспомощность.

Каждый день он обходил мастерские, ателье, частных лиц, спрашивая, не нужно ли кому-нибудь шить жилеты.

И всюду он слышал одно и то же:

— Нет, нам не требуется.

Усталый и разбитый шел он домой и останавливался отдохнуть в городском саду, где играли дети, гуляли влюбленные и старушки в шерстяных носках грелись на солнце.

Там, в саду, и встретил он грустного юношу.

Они долго сидели молча на уединенной скамейке. Потом юноша сказал:

— Извините за назойливость, но мне кажется — у вас горе.

— Да, — ответил Портной. — Но как вы догадались?

— Я давно наблюдаю за вами. Каждый день вы при-

ходите сюда, и всегда один. Счастливый человек не бывает одинок.

Портной внимательно взглянул на юношу. Тот сидел глубоко втянув голову в плечи.

— Да, — сказал Портной, — я несчастлив.

И он поведал незнакомцу о своих горестях.

Юноша засмеялся:

— Пустяки!.. Не стоит огорчаться из-за таких пустяков.

— Чужая беда легка, — нахмурился Портной и подумал, что незачем было откровенничать с посторонним человеком.

Юноша встал со скамейки.

— Посмотрите, — сказал он, — хорошенько посмотрите на меня.

И Портной увидел, что юноша красив, высок, но между лопатками у него торчит горб, острый, как камень.

Портному стало стыдно и больно, и он принялся утешать своего собеседника:

— Чепуха!.. Просто вы сутулитесь. Это часто бывает с высокими людьми или с теми, кто неуверен в себе.

— Я горбат и не могу жениться на девушке, которую люблю.

— Для мужчины это не имеет значения, — утешал его Портной. — Вот я лысый, и одно плечо у меня ниже другого, а самая красивая девушка предпочла меня дамскому парикмахеру. Он полноценный мужчина — усы и сто восемьдесят сантиметров росту.

— Я не хочу сделать ее женой горбуна, — сказал юноша.

«Бедняга», — подумал Портной и отвернулся, чтобы скрыть свое лицо.

Долго и мучительно размышлял он, чем бы помочь молодому человеку, и наконец сказал:

— Хотите, я сошью вам жилет?

— Вы смеетесь надо мной, — горько усмехнулся юноша.

— Я сошью вам отличный жилет. Вы наденете его, и сразу вам станет легче и веселее жить. Не улыбайтесь. Вы даже и вообразить не в состоянии, сколько счастья может принести человеку красивый жилет. Мужчина без жилета — вообще не мужчина. Правда, сейчас никто не понимает этого. Жилеты не в моде, и у меня нет заказов. Но поверьте, я умею шить жилеты.

«Добрый чудак, — грустно подумал юноша. — Ладно, пусть он сошьет мне жилет, если это доставит ему радость».

— Я согласен, — сказал он, — только сейчас я не сумею расплатиться.

— Это неважно! — воскликнул Портной. — Я подожду. Вы еще успеете. У вас будет много денег.

Не дав юноше опомниться, Портной повел его к себе домой, снял с него мерку, пообещав, что через неделю заказ будет выполнен.

Ах, какая это была дивная и трудная неделя! Мастер словно забыл обо всем на свете. Он лишился аппетита и сна, не разговаривал с любимой женой, перестал бриться и выходить на улицу.

Была весна. Солнце. Цвели деревья. Пели птицы. Портной сидел на столе и, подложив под себя ноги, шил жилет. Лицо его сияло.

— Неужели ты не замечаешь, что твой муж рехнулся, — сказала жене Портного супруга дамского пальтошника. — Тратить столько времени на один жилет!

— Определенно у него мозговые явления, — заявила супруга фрачника.

— Ты должна показать его докторам, — сказали обеспеченные дамы хором.

— Нет, я не стану мешать ему, — сказала жена Портного, — пусть работает.

Спустя неделю юноша явился к Портному.

— Вы пришли! — взволнованно произнес мастер. — Как я рад, что вы пришли!

И он достал из комода какой-то предмет, завернутый в холщовую тряпку. Бережно держа сверток в руках, будто хрустальную вазу, он сказал:

— Не знаю, удалось ли мне... Но я очень старался.

Осторожно развернул он холщовую тряпку, и в руках у него оказался серебристо-серый жилет. В темной комнате сразу стало светлее.

— Что это? — спросил юноша.

— Жилет, — сказал Портной. — Наденьте, пожалуйста.

— Нет, это не для меня... Это слишком прекрасно.

— Наденьте, — твердо повторил Портной.

Юноша снял пиджак, надел жилет, и глаза Портного сделались большими и круглыми.

— Ах, — воскликнула жена Портного, взглянув на юношу.

— Ах! — словно эхо отозвалась дочь.

— Вот так номер! — закричал сын. Он учился в третьем классе и еще не умел изящно выражать свой восторг.

Юноша растерянно смотрел на Портного, на его жену, дочь и сына, не понимая, что с ними происходит. Затем он взглянул в зеркало и онемел от изумления. Из зеркала на него смотрел высокий, стройный красавец. Острый, как камень, горб исчез.

— Кто это? — еле вымолвил юноша.

— Это вы, — сказал Портной.

— Неправда!.. Не может быть!.. Ваше зеркало лжет!

— Идемте! — сказал мастер.

Они отправились к фрачнику, где зеркало было большое, как дверь, и к дамскому пальтовщику, у которого

все стены были из зеркал. Они обошли весь город. Всюду юноша смотрелся в зеркала и везде видел, что уродливого горба больше нет.

Журналисты написали во всех газетах об этом удивительном случае. Как только они не называли Портного: и кудесником, и волшебником, и магом. А он сидел на столе, подложив под себя ноги, и трудился над новым заказом, посмеиваясь:

— Ну и звонари эти ребята!.. Волшебник!.. Скажут тоже!.. Просто я люблю шить жилеты. Я умею шить жилеты и ничего больше.

СТАРОЕ КРЕСЛО

Муж и Жена, осторожно ступая, пробирались по узкой тропе между старинными вещами, обступавшими их со всех сторон.

— Ах! — трепетала она от восторга. — Как красиво!

— Тебе нравится? — взволнованно спрашивал он.

Ему очень хотелось выполнить каждое ее желание, и он очень страдал, если не мог сделать этого.

— Смешной! — крепко и нежно сжимала его руку Жена. — Что мы можем разместить на пятнадцати метрах? И потом, все это стоит ужасно дорого. Нет, мы только полюбуемся. Смотри, какой прелестный столик!.. А это...

Она тронула кресло, которое притаилось в пыльном углу.

Это было старое кожаное кресло, глубокое и мягкое. На высокой спинке его виднелись круглые, большие вмятины — следы, оставшиеся от голов его прежних владельцев, тех, кто проводил долгие часы в этом ложе уюта и покоя.

Молча стояла женщина, не слыша, как с улицы доносился звон трамваев, гудки машин, суета и шум людного города.

Строгий и вежливый продавец низко склонился перед ней:

— Я вижу, у вас хороший вкус. Вы не ошиблись — вещь редкостная. Ему лет двести, не меньше. Оно попало к нам по случаю и не задержится у нас.

— Мы берем, — поспешно сказала Жена, даже не спросив о цене, хотя была практичной особой.

Муж согласно кивнул головой. Он был еще молодой муж и во всем охотно соглашался с женой.

Гордые и счастливые, везли они драгоценную покупку домой, воображая, что все встречные завидуют им.

Соседи молодоженов дружно расхвалили старое кресло.

— Да, — сказал сосед-столяр, — не сыщешь нынче такого дерева, не сыщешь!.. А выработка какая!..

— Смею вас заверить, — сказал сосед-доктор, — мастер тонко знал анатомию человеческого тела. Не сомневаюсь, он внимательно штудировал медицину.

— Что там говорит, предмет стоящий, — сказал сосед банковский кассир.

И все вместе решительно заявили:

— Не умеют у нас так делать, не умеют!..

Целый вечер Муж и Жена переставляли кресло с места на место, пока не водрузили его у окна, за которым открывался вид на крыши домов и далекую дымку залива.

— Садись, — сказал Муж, — наслаждайся.

Жена удобно расположилась в старинном кресле, и вдруг лицо ее сделалось блеклым, как выцветшая фотография.

— Что с тобой? — испуганно спросил Муж.

— Боже мой, — тоскливо произнесла Жена, — какая унылая картина.

— Позволь, но раньше тебе нравилось. Мы любили отсюда наблюдать заход солнца.

— Где ты видишь солнце? На улице слякоть.

— Не беда, завтра все может перемениться.

— У тебя все завтра, и все может быть.

Муж обиделся, но сдержал свои чувства:

— Милая, ты устала, ложись спать.

— Отправляйся сам. Почему я вечно должна выполнять твои причуды?

— Да нет же, дорогая, просто я думал...

— Некоторым это вредно, — сказала Жена.

В первый раз в жизни они поссорились.

Утром, когда Жена открыла глаза, Муж еще спал.

«Какой он добрый и славный, — подумала Жена, — а я... кажется, вчера я была резка и несправедлива? Что это на меня нашло?»

Стремясь загладить вину, она приготовила вкусный завтрак и, подвинув кресло к столу, позвала Мужа:

— Садись, пожалуйста.

Он плотно уселся в старое кресло, и на лбу у него прорезалась тонкая, злая морщинка.

— Тебе нездоровится? — тревожно спросила Жена.

Муж отодвинул тарелку в сторону:

— От такой еды и умереть можно.

Жена обиделась, но не подала вида.

— Ты же говорил, что это твое любимое блюдо. И я так старалась...

— Напрасно тратила силы, — сказал Муж и ушел на работу, не поцеловав Жену, чего с ним раньше не случалось.

Весь день он корил себя: «Как же это вышло!.. Почему я был груб с моей заботливой Женой? Она может разлюбить и бросить меня!»

Вечером с букетом гладиолусов, полыхавших, как факел, спешил он домой. Задыхаясь от любви и нежности, ворвался он в комнату и упал на колени перед Женой, сидевшей в старинном кожаном кресле.

— Милая, родная, прости... — шептал он, касаясь губами подола ее платья.

— Что тебе нужно?.. Ты надоел!.. Оставь меня, — холодно сказала Жена.

Они опять поссорились. И так теперь было каждый день.

Спустя месяц они решили расстаться.

Об этом узнал старый учитель, у которого они когда-то учились в школе.

— Какой стыд!.. Какой позор!.. — ворчал почтенный старик. — Всему свету известно, что мои воспитанники мирно и счастливо доживают до золотой свадьбы, а эти шалопаи не выдержали и года... Ну хорошо же, я покажу им!..

Надев черный сюртук и вооружившись толстой тростью с серебряным набалдашником, он отправился в путь, не переставая твердить:

— Какой позор!.. Какой стыд!..

Муж и Жена радостно встретили школьного учителя, любезно начали расспрашивать его о делах и здоровье, но старик прервал их:

— Я-то здоров, — сердито стукнул он тростью по паркету, — мне некогда заниматься такими глупостями, как болезни. В жизни у меня не было даже насморка и кори. Я здоров, а вот у вас, кажется, не все ладно... А ну, выкладывайте, что вы надумали?

С этими словами он уселся в старинное кресло и тотчас же застонал:

— Ох, мое бедное сердце!.. Ах, моя милая печень!.. Ой, мои славные коленки!.. Слышите, как они скрипят?.. Ах, моя добрая поясница!.. Она раскалывается на части!.. Ой, ой!.. Ох, ох!.. Ай, ай!.. Я болен, я погибаю!..

Муж и Жена раскрыли рты и вытаращили глаза. Ни-

когда они не слышали от своего наставника таких жалких слов, а он продолжал охать:

— Ну, что вы торчите, чурбаны!.. Дайте мне бром, йоду, валерьянки!.. Нет, нет, ничего не нужно! Ничто не спасет меня!.. Помогите мне встать!.. Я пойду домой. Я хочу умереть в своей постели!.. Ой, ой!.. Ох, ох!.. Ах, ах!..

Муж и Жена с трудом подняли учителя из кресла. Ему сразу стало легче, но, все еще кряхтя, он ушел домой писать завещание, позабыв прочесть наставление о вреде разводов и пользе семейной жизни.

— Не понимаю, ничего не понимаю! — удивлялся Муж. — Он же никогда ничем не болел. Врачи считали его чудом природы, и вдруг... Не понимаю!

— Что ты вообще можешь понять? — сказала Жена, усевшись в кресло. — Где тебе?

Муж набрал полную грудь воздуха, но в это время кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — сказал Муж.

Дверь отворилась, и в комнату вошел худой мужчина с непроницаемым лицом.

— Добрый вечер, — сказал он так сухо и четко, словно отщелкивал каждое слово на счетах. — Я оценщик. Вы приглашали меня?

— Да, — сказала Жена, — нам нужно разделить имущество, и я не хочу, чтобы меня обманули.

Тут она поднялась с кресла и продолжала гораздо любезнее и мягче:

— Я очень рада, что вы пришли.

Оценщик равнодушным взглядом окинул комнату и вдруг увидел старинное кресло.

— О! — воскликнул он и вприпрыжку побежал к нему.

Муж и Жена удивленно переглянулись, а оценщик, не

обращая на них внимания, стоял перед креслом, молитвенно сложив руки.

— Да, да, — торжественно, нараспев произнес он. — Это его работа!.. Только он один был способен сотворить подобное!.. Он прославил свое имя в веках!.. Он создал сотни великолепных вещей, которые приносили радость... Это он!.. Видите, вот здесь его подпись и год...

На минутку оценщик задумался, а затем тяжело вздохнул:

— В то время мастер был счень несчастен. От него ушла жена, его предал друг. Он перестал верить людям, был раздражителен, тяжело болен... Но у него хватило сил выполнить заказ. Вы посмотрите, как оно прекрасно, это кресло!.. И вы хотите расстаться с ним?.. Нет, я даже не знаю, как оценить его!

Муж улыбнулся и крепко обнял Жену. Она ответила ему улыбкой любви и счастья.

— Возьмите его даром, — сказал Муж.

— Вы с ума сошли! — вскричал оценщик.

— Возьмите его даром, — повторила Жена.

— Нет, нет!.. Я не могу... Это чудо искусства... Оно должно принадлежать всем...

С тех пор прошло много лет. Муж и Жена успели отпраздновать серебряную свадьбу. Школьный учитель жив-здоров и по-прежнему смеется над болезнями. А старое кресло стоит в Музее редких вещей. Все любят его, но позолоченный витой шнурок отделяет его от посетителей.

ФИЛОСОФ И КОЛБАСНИК

Это было давно, в маленьком городе.

Они учились вместе в школе, сидели на одной скамье, и учитель часто беседовал с ними при помощи палки, потому что мальчики были рассеянны и думали о посторонних предметах.

«К чему мне зубрить древние языки, — думал сын колбасника, — если наши покупатели говорят только по-немецки, и даже мой папа, самый богатый и умный человек в городе, не знает, как сказать по латыни «кровавой зельц».

«Странная вещь, — размышлял сын сапожника, почесывая спину, — господину учителю известны все умные слова, а он предпочитает им палку. Неужели палка сильнее слова?»

Друзья жили рядом. Белый, под черепичной крышей домик сапожника был отделен невысоким забором от каменного дома колбасника.

Поздно вечером, когда другие соседи уже спали, сапожник все еще стучал молотком по колодке, а колбасник щелкал на счетах.

День бежал за днем, год за годом. Колбасник торговал, сапожник тачал сапоги. Мальчики росли, стали

мужчинами. Пришла пора, когда их родители умерли, завещав детям все, что успели нажить.

Сын колбасника открыл новый магазин и женился на пухленькой барышне. Она умела играть на клавесиных, печь пышки и обещала мужу народить кучу детей.

Сын сапожника остался холостым. Он продал мастерскую отца и занялся философией.

Философ поднимался рано утром и не спеша шел по тихим улицам города. Когда он выходил за ворота, все проверяли часы, зная, что сейчас ровно семь. Когда же возвращался домой, была половина восьмого.

Затем он выпивал чашку кофе, съедая два ломтика хлеба с сыром и начинал думать. Из окна его комнаты на горизонте вырисовывался шпиль городской ратуши.

Колбасник очень сетовал на то, что у школьного друга плохой аппетит.

— Моя дорогая жена, — вздыхал Колбасник, запивая имбирным пивом поросенка с кашей, — если бы все люди ели так мало, я бы давно разорился и пошел бы с сумой по миру.

— О, мой бог! — бледнела супруга. — Что ты говоришь? Мне страшно.

Колбасник хохотал и принимался за телячий окорок:

— Не бойся, милая. Всевышний мудр. Он создал людей для еды и питья. Не так ли, дети?

Три толстощеких мальчика и две сдобные девочки хором отвечали:

— Да, папа.

Лето сменяло весну, зима — осень. Снова наступала весна, за ней — лето, и так повторялось много раз. Колбасник торговал, Философ думал и писал книгу.

Когда книга была напечатана, он принес Колбаснику том, пахнувший свежей типографской краской.

Колбасник усадил свое семейство, надел очки и на-

чал читать вслух. На второй странице он захрапел, а проснувшись, сказал, что столько ученостей не перева- рит ни одна голова, и, поставив книгу на полку, больше не прикасался к ней.

Вскоре случилось неслыханное событие. Маленький город посетил великий Поэт. Он приехал рано утром и сразу же отправился в домик под черепичной крышей. Там он просидел до глубокого вечера и покинул город, даже не побывав в гостях у господина бургомистра.

На следующее утро Колбасник встретился с Филосо- фом во время прогулки и спросил:

— Любезный друг, не сочти за труд поведать, о чем это ты вчера толковал с высоким гостем?

— Пожалуйста, — ответил Философ. — Мы рассуж- дали о том, что есть истина и справедливость. Великий Поэт нашел, что я мыслю возвышенно. Он спросил, как я добился этого, и я сказал: «Это потому, что передо мною открывается горизонт и я весь день смотрю на шпиль на- шей ратуши».

— Ого! — усмехнулся Колбасник. — Да ты, оказывается, шутник. Представляю себе, как смеялся господин Поэт.

— Ничуть. Он даже сказал, что ему была полезна на- ша беседа.

— Жаль, что он не успел познакомиться со мной, — промычал Колбасник.

— Конечно, — вежливо согласился Философ.

А Колбасник высморкался и сказал:

— Я пошлю господину Поэту корзину сосисок, а ты напишешь ему, что мой свиной фарш и ветчина не менее важны, чем истина и справедливость.

— Извини, — возразил Философ, — но я ничего не смыслю в свином фарше и ветчине.

Тут он взглянул на часы, поклонился и ушел домой.

— Ах вот как! — злобно захрюкал Колбасник, глядя ему вслед. — Ты задираешь нос! Хорошо же, я проучу тебя!

На другой день к дому Колбасника подъехали подводы с камнем. Возчики сбросили груз, уехали и вернулись с новой поклажей. Так они возили камень, пока на улице не стемнело.

Назавтра появились мастера в кожаных фартуках. Они сломали забор, отделявший домик Философа от островерхого дома Колбасника, и принялись складывать стену. Колбасник щедро кормил их рубцом и ливером, а они клали камни и пели песни.

Философ, погруженный в ученые занятия, продолжал смотреть на небо.

Однажды утром он проснулся и вместо горизонта и высокого шпиля увидел желтую стену. На ней было нарисовано блюдо с дымящимися сосисками и огромными буквами написано имя Колбасника.

Впервые в жизни Философ изменил своей привычке. Вместо прогулки он зашагал к соседу. Долго стучал он в дубовую, окованную железом дверь. Наконец на пороге появился Колбасник в халате и колпаке.

— Извини, что я потревожил тебя, — сказал Философ, — но...

— Пожалуйста, пожалуйста, — перебил его Колбасник, — я очень рад. Заходи, мы вместе позавтракаем.

— О нет, спасибо, — сказал Философ, — я хотел бы только узнать, что это, откуда?..

И он показал на каменную стену.

— Тебе нравится? — приветливо улыбнулся Колбасник. — Я знал, что ты одобришь мой вкус.

— Видишь ли, — сказал Философ, — она мешает мне думать.

Колбасник изобразил на своем сытом лице огорчение:

— Неужели?.. Жаль, что я не успел посоветоваться с тобой. Впрочем, тебе было некогда. Когда я обдумывал это сооружение, ты был занят беседой с господином Поэтом. Какая досада! Но теперь уже поздно.

— Может быть, ты уберешь ее в память нашей школьной дружбы? — сказал Философ. .

Колбасник потер живот:

— Что и говорить, школьная дружба ценная вещь. Но эта штука обошлась мне тоже недешево. Однако для тебя я готов на все. Если стена мешает тебе, ты можешь купить ее и сделать с ней что тебе угодно.

И он назвал такую сумму выкупа, что у бедняги Философа потемнело в глазах.

Кто-то посоветовал ему обратиться к городскому адвокату и спросить его, можно ли найти управу на Колбасника.

Адвокат, выслушав ученого, сказал, что все законы бессильны. Земля, на которой воздвигнута стена, принадлежит Колбаснику и поэтому нужно уплатить владельцу испрашиваемую сумму, пока он не передумал и не запросил еще больше.

Философ поблагодарил адвоката, рассчитал единственную служанку, убиравшую домик, начал пить вместо кофе кипяченую воду, отказался от двух ломтиков сыра, заменив их сухарями. Думать и писать у него не было времени. Каждый день он ходил по урокам, обучая детей лавочников и мукомолов тому, что есть истина и справедливость, и нигде его не держали дольше недели.

Колбасник богател. Его ветчина и сосиски прославились на всю страну. Один сын Колбасника стал хозяином кожевенного завода, другой поставлял армии сапоги, третий варил пиво. Дочери выгодно вышли замуж и нарожали Колбаснику розовеньких, пухленьких внучат.

Минуло много лет. Старый Философ пришел к старому Колбаснику. Он принес выкуп.

Колбасник пересчитал деньги, спрятал их в шкатулку и приказал каменщикам сломать стену.

Когда стена исчезла, Философ уселся на излюбленное место и начал думать. Он мечтал написать второй том книги. Но хотя он снова видел острый шпиль ратуши, перед глазами его возникала ядовито-желтая стена с намалеванным на ней белым блюдом дымящихся сосисок.

Он не смог написать ни одной строки.

Вскоре Философ умер. У муниципалитета не оказалось денег, чтобы похоронить его с почетом. Колбасник принял похороны на свой счет. Все восхищались его благородством, а в «Торговом вестнике» поместили некролог, автор которого доказывал, что Философ был так мудр потому, что всю жизнь питался кровавым зельцем и сосисками фирмы своего школьного друга.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

Поздно ночью, когда город погружался во тьму, высоко на горе, в старинном замке, где помещалась тюрьма, зажегся свет в окне. Он горел до утра, пока не гасли звезды, и все знали, что это не спит хозяин мрачного дома — Тюремщик.

— Он честный малый, — говорил Лавочник, — и боится уснуть, потому что не доверяет бездельникам сто рожам. Стоит ему закрыть глаза, как эти негодяи тотчас же завалятся спать, и тогда все арестанты разбегутся, станут грабить порядочных людей и еще, пожалуй, прирежут кое-кого.

— Вы не правы, — возражал Школьный учитель, — днем Тюремщик занят своим грязным делом и совесть его дремлет. Ночью она пробуждается и не дает ему покоя. Если у таких людей вообще есть совесть.

— Друг мой, — мягко останавливал Учителя Адвокат, — к сожалению, вы некомпетентны в предмете, о котором беретесь судить. По роду занятий мне часто приходится бывать там. Смею вас заверить, что у него благопристойная внешность и хорошие манеры. Кроме того, он совсем неплохой человек и гуманно относится к заключенным. Я полагаю, что по ночам он читает мои судебные речи и это облагораживает его.

Так они спорили часто, и каждый оставался при своем мнении. Но вот один доносчик написал куда надо, что Лавочнику надоело торговать в розницу бакалейными товарами и он решил выгодно продать оптом все государство иностранной державе, Школьный учитель впал в крамолу и не верит, что дважды два — четыре, Адвокат сказал кому-то, что у диктатора страны слишком длинные руки.

Где надо прочли донос, наградили автора Орденом Большого Уха, а Лавочника, Школьного учителя и Адвоката отдали под суд.

Суд состоялся при закрытых дверях и окнах, чтобы, как писали в газетах, обвиняемые не простудились. Всем им было предоставлено право защищать себя.

Лавочник не любил болтать попусту и сказал коротко: — Все это чепуха на постном масле! Конечно, и я не без греха и, может, разок-другой обвесил покупателей, но кто не знает, что я торгую только свежими продуктами и никому не всучивал гнилой товар. Да и вряд ли найдется дурак, который согласится купить наше...

Судья позвонил в колокольчик и лишил Лавочника слова.

Растрепанный, с горящими глазами, Школьный учитель пытался увлечь присяжных заседателей такими забавными и опасными игрушками, как свобода слова, совесть и справедливость.

Почтенные отцы семейств слушали его, едва сдерживая смех, а прокурор хохотал в платок, делая вид, что его душит кашель.

Дольше всех говорил Адвокат. Он описывал свою безупречную жизнь, посвященную служению самому совершенному из государств и самым совершенным в мире законам.

Суд совещался недолго. Присяжные единодушно ре-

шили, что все трое виновны, и судья, не желая никого обидеть, приговорил их к одному сроку, а чтобы им не было скучно, поместил в одну камеру тюремного замка.

Первые три дня они ссорились. Адвокат обвинял Лавочника и Учителя в том, что своим поведением на суде они испортили все дело.

— Черт меня дернул связаться с образованными господами, — ворчал Лавочник.

А Школьный учитель язвительно смеялся над законом, которым всю жизнь служил Адвокат.

На четвертый день они перестали разговаривать и углубились в свои мысли. Лавочник подсчитывал в уме убытки, которые несет его заведение, Адвокат обдумывал прошение на имя диктатора, а Учитель тосковал о своих учениках, оставленных без доброго слова.

На пятый день — это было поздно вечером — в камеру вошел надзиратель и приказал Лавочнику отправиться вместе с ним к Тюремщику.

— Зачем я ему понадобился? — пробурчал Лавочник. — Кажется, он не купил у меня ни бутылки вина, ни пачки чая и ничего не забирал в кредит.

— Идите, мой друг, — поторопил его Адвокат, — и будьте с ним любезней. Это может пригодиться всем нам.

— По крайней мере вы узнаете, почему он не спит ночью, — сказал Школьный учитель.

Проклиная все на свете и ворча, что даже в тюрьме ему не дают выспаться, Лавочник поплелся к Тюремщику.

Тюремщик встретил его на пороге квартиры. Это был кругленький, лысый человек с добрыми виноватыми глазами.

— Очень рад, что вы пришли, — сказал он, протягивая Лавочнику маленькую, пухлую руку. — Я живу так

замкнуто. У нас почти никто не бывает. Пройдемте, пожалуйста, в мою комнату. К сожалению, жена спит, и я не смогу накормить вас ужином. Но мы отлично посидим, не правда ли?

Лавочник хотел было сказать, что он уже достаточно насиделся, но, вспомнив наставления Адвоката, учтиво произнес:

— Весьма польщен, ваша честь.

В комнате у Тюремщика не было ничего, кроме старой, продавленной кушетки, двух обшарпанных кресел и круглого, с потрескавшейся полировкой, столика. В углу под иконой висела связка ключей.

Заметив взгляд Лавочника, хозяин комнаты застенчиво улыбнулся:

— Вы удивлены? Не ожидали такой убогой обстановки? Я — человек скромный. Там, у жены, — модерн. Знаете вы этих женщин. А мне ничего не надо. Вот мое единственное развлечение.

И он показал детской, пухлой ручкой на доску с шахматными фигурами, стоявшую на столике.

— Это мое хобби, — продолжал он. — Вот так по ночам я сижу здесь, разбираю этюды, решаю задачи и, если повезет, сыграю несколько партий с моими постояльцами. Я бы, конечно, мог и днем. У меня есть свободное время, но...

Помолчав немного, он боязливо оглянулся кругом и тихо сказал:

— Жена не позволяет. Она считает это несерьезным занятием. Нет, не подумайте о ней ничего плохого. Она хорошая женщина, но несколько сурова. Это у нее семейное, дают знать гены. Видите ли, отец ее был палачом... Ну, так сыграем?

Лавочник не ответил. Он был человек деловой и умел играть только в подкидного дурака.

— Не бойтесь, — успокоил его Тюремщик. — Я играю слабо. Со мной нетрудно справиться.

Лавочник снова не ответил.

— Понимаю, — кивнул головой Тюремщик. — Вы при-
выкли извлекать из ваших занятий выгоду. Хорошо.
Я предлагаю вам сыграть на интерес. Если вы победите,
я помогу вам выйти на свободу. Свобода совсем непло-
хая штука. Не так ли?

Лавочник был здоровый, полноценный мужчина, но
от предложения Тюремщика у него закружилась голова
и начало чипать сердце. Черт побери, ведь он даже не
знает ходов. Но как же упустить подобный случай!

— Послушайте, ваша честь... — начал он.

— Не нужно формальностей, — поморщился Тюрем-
щик. — Зовите меня просто Мики. Так называет меня
мой младшенький.

— Послушайте, ваша честь, — упрямо повторил Ла-
вочник, — мы с вами тут не на равных... Сытый голод-
ного... В общем, не сердитесь, но я отощал на ваших
харчах.

В голубых глазах Тюремщика выступили слезы.

— Знаю, — печально махнул он рукой, — многие жа-
луются на питание. Я бы, конечно, мог улучшить, но...
У нас трое детишек. Впрочем, я постараюсь что-нибудь
для вас придумать.

Лавочника отвели назад в камеру. На следующее
утро Адвокат и Школьный учитель хлебали пустой кипя-
ток, а Лавочник уплетал булку с маслом, запивая ее ко-
фе, но друзья по несчастью не завидовали ему.

— Ешьте, — подбадривал его Адвокат, — набирай-
тесь калорий, вы наш лотерейный билет.

Целую неделю Лавочника усиленно питали, а Школь-
ный учитель и Адвокат, вылепив из хлеба самодельные
шахматы, учили его мудреной игре. Лавочник оказался

изрядно туп, путал короля с ферзем, долго не мог понять, как ходит конь, но это не огорчало его наставников.

— Не беда, — говорил Адвокат, — я уверен, что Тюремщик тоже не силен в шахматах.

— Человек такой профессии не способен думать, — поддержал его Учитель.

Настала решающая ночь. Лавочник снова предстал перед Тюремщиком.

— Ну-с, мой родной, — ласково сказал Тюремщик, — кажется, вы окрепли?

— Да, пожалуй.

— Тогда начнем. Вы предпочитаете черные или белые?

— Черные, — сказал Лавочник.

Он решил: «Буду повторять все его ходы и тогда, наверное, не пропаду».

— Как вам будет угодно, — сказал Тюремщик и двинул вперед на два квадрата пешку от короля. И лавочник сделал так же. Тюремщик прыгнул вперед королевским конем. И Лавочник сделал то же самое.

Минут через десять он очутился в безнадежно тяжелом положении.

— Вы слишком рассеянны, думайте лучше, — сказал Тюремщик, сняв с доски черного ферзя.

Лавочник начал думать. Он смотрел на доску, а в голове у него крутились мысли о том, что приказчики, наверное, растащили весь товар, жена дает в кредит кому попало, а покупатели, узнав, что хозяин лавки в тюрьме, обходят ее стороной.

Так прошло с полчаса, и Тюремщик сказал:

— Прошу вас...

Лавочник сделал самый плохой ход из всех возможных. Тюремщик ответил наилучшим ходом и объявил:

— Извините, вам мат... Ну, ничего, начнем снова. Только не поддавайтесь мне. В случае выигрыша вы получите свободу.

Они сражались до утра, пока звезды не погасли на небе, и Тюремщик участливо сказал:

— Не огорчайтесь, мой друг, тренируйтесь каждый день. Времени у вас достаточно. Я пришлю вам доску и шахматы.

— У нас там есть еще и другие, — сказал Лавочник, — они люди ученые... Может быть, они...

На следующую ночь Тюремщик позвал к себе Адвоката.

— Итак, вы гарантируете мне свободу, если я выиграю у вас хотя бы одну партию? — спросил Адвокат.

— Совершенно точно, — подтвердил Тюремщик.

— А может быть, мы заменим это картами? — попробовал вывернуться Адвокат. — Скажем, преферанс или бридж... Пригласим вашу супругу.

— О нет! — воскликнул Тюремщик. — Слава богу, по ночам моя дорогая спит, и к тому же ни мне, ни вам не обыграть ее.

— Жаль, — вздохнул Адвокат. — Ну что же, попытаемся...

Он слабо играл в шахматы, но очень надеялся заговорить Тюремщика.

Используя свое красноречие, он делал ходы и одновременно рассказывал смешные, страшные и поучительные истории из судебной практики. Тюремщик хохотал до слез, в ужасе хватался за голову, слушал Адвоката открыв рот и, не сделав ни одной ошибки, выиграл все десять партий.

— Увы, — жалостливо сказал он утром, — вам не везет. — Но у вас есть еще один...

Школьный учитель наотрез отказался играть с Тюрем-

щиком. Он заявил, что лучше кончит свою жизнь на виселице, чем свяжется с этим... Как интеллигентный человек, он не выговорил грубого слова, а просто плюнул. И Лавочник плюнул. Но Адвокат сказал:

— Я понимаю вас, мой друг. Понимаю и восхищаюсь вами. Ради самих себя мы никогда бы не пошли ни на какие компромиссы с этим душителем свободы. Но у нас есть дети... Бедные малютки протягивают к вам слабые ручонки. Они молят вас!.. Будьте гуманистом, спасите их!..

У Адвоката не было детей, и Лавочник был бездетен. Но Адвокат заплакал, и Лавочник заплакал, и Школьный учитель, больше всего на свете любивший детей, уступил.

Когда он пришел к Тюремщику, он сказал:

— Я знаю ваши условия!.. Они не подходят мне... Я предлагаю вам другие.

— Прошу вас, — любезно сказал Тюремщик.

— Если я проиграю, можете повесить меня. Если выиграю, вы должны освободить нас троих.

— Хорошо, — сказал Тюремщик.

— И во время игры ни слова. Я не желаю разговаривать с вами.

— Очень рад, — сказал Тюремщик. — Сразу видно, что вы настоящий игрок.

Они играли всю ночь одну партию, не слыша ни переклички часовых, ни боя часов на башне, и Тюремщик ни разу не взглянул на дверь, ведущую в спальню жены.

Погасли звезды.

— Ничья, — сказал Тюремщик.

— Ничья, — согласился Школьный учитель.

И на завтра они играли всю ночь. И опять — ничья, и так сорок ночей, сорок ничьих и ни одного слова во время игры.

Настало сорок первое утро. Тюремщик склонил го-

лову своего короля перед королем противника и сказал:

— Сдаюсь!.. Черт бы побрал эту испанскую партию.

— Я выиграл!.. Мы свободны! — воскликнул Школьный учитель.

В это время в комнату вбежал надзиратель.

— Ваша милость! — заорал он отчаянным голосом. — Они сбежали, Адвокат и Лавочник... Они сбежали!..

— Они не поверили в меня, — горько усмехнулся Учитель. — Но я свободен? — спросил он.

— Погодите, — сказал Тюремщик, — сначала я должен во всем разобраться.

Он разобрался и узнал, что Адвокату помог бежать богач, которому угрожал суд, а Лавочнику — жена, купившая его у сторожей.

Полгода они жили за границей, а затем диктатор страны помиловал их, потому что не мог жить без адвокатов и лавочников.

Тюремщик не дал свободы Школьному учителю. Говорят, что он хотел сдержать свое слово, но, посоветовавшись с женой, передумал.

Иные осуждали его, а другие оправдывали, говоря:

— Что он мог сделать? Он же всего только Тюремщик, а она — дочь палача.

АПТЕКАРЬ ИЗ ПАДУИ

Очень давно, когда болезни хозяйничали по всему свету как им вздумается и обыкновенный насморк мог свалить наповал здоровяка каменотеса, в Падуе жил Аптекарь.

Жил одиноко и тихо. Жены у него не было. Ни одна девушка не могла полюбить человека, от которого за три лье несло касторовым маслом.

Весь день кипятил он в стеклянных колбах лесные травы, растирал в фарфоровой ступке желтые кристаллы, варил в чугунных тиглях пахучие мази. И до позднего вечера не закрывалась дверь его маленькой лавки.

Говорили, что нет такого недуга, которого не мог бы вылечить Аптекарь, и слава об его искусстве простиралась по всей Италии.

К Аптекарю шли не только прачки и кузнецы, кружевницы и рыбаки — его посещали важные дамы и надменные кавалеры.

Конечно, знатные господа, прежде чем переступить порог жилища Аптекаря, осмотрительно прикрывали свои благородные носы батистовыми платками с вышитыми на них голубыми лилиями и серебряными лебедями.

Однажды ночью к Аптекарю явился незнакомый юно-

ша. От него пахло фиалками, и Аптекарь подумал, что это королевский парикмахер.

— Что стряслось, уважаемый синьор? — учтиво спросил Аптекарь. — С вами беда?

— О-о-о! — застонал Юноша, прижимая тонкие пальцы к белому шелковому камзолу.

— Сердце? — тревожно воскликнул Аптекарь и кинулся к шкафу, где стояла бутылка с ландышевой настойкой.

— О нет! — жестом остановил его Юноша. — У меня сердце как у буйвола!.. Дьявол меня побери, я совершенно здоров!

— Почему же вы пришли ко мне в столь поздний час, зачем я понадобился вам, ваша светлость? — спросил Аптекарь, решив по изысканным выражениям незнакомца, что это по меньшей мере граф.

Юноша топнул ногой, и в шкафу зазвенели банки и колбы.

— Почему, почему?.. Потому что я не хочу больше жить. Мне противно небо, солнце, вкус вина, запах пищи... Я не могу смотреть без содрогания на лица людей. Я засыпаю и просыпаюсь с отвращением к жизни.

— Ваше сиятельство, — пролепетал Аптекарь, — но ведь жизнь — бесценный дар.

— Для тебя, для таких червяков, как ты, — усмехнулся красавец, — но не для меня, старшего сына герцога Пармского, внука короля французов, правнука римского императора. Жизнь!.. Я сыт ею по горло!.. Как могу я жить, если мой младший брат оклеветал меня, сказав, что я хочу отравить отца. И старик поверил ему. Стоит ли жить, когда изменила любимая и предал лучший друг?.. Вот они, люди!..

— Герцогский двор велик и прекрасен, — почтительно вымолвил Аптекарь, — но это еще не весь мир.

— Молчи! — гневно вскричал внук короля французов. — Дай мне яд, и я умру.

— Ваше величество, — вздохнул Аптекарь, — я лечу, а не убиваю людей, я стараюсь сделать все, чтобы человек дольше жил. Это мое ремесло. Но уж если вы непременно решили умереть, зачем вам яд?.. Вы можете отправиться гулять и броситься с высокой скалы.

Сын герцога Пармского метнул в Аптекаря бешеный взгляд:

— Негодяй, ты хочешь, чтобы мое царственное тело превратилось в мешок из грязи и костей?!.. Нет, я и после смерти должен быть так же прекрасен, как сейчас. Сделай это, или я прикончу тебя.

— Ваше величество, — сказал Аптекарь, — вы можете заколоть меня, как последнего барана, но сейчас я не в силах помочь вам. У меня нет такого яда. Я постараюсь изготовить его, но для этого мне потребуется не меньше недели.

— Хорошо, — сказал правнук римского императора, — я приду к тебе через неделю в это же время, но берегись, если ты обманешь меня!

Шесть дней и шесть ночей лавка Аптекаря была закрыта. Напрасно стучались в дверь прачки и кузнецы, важные дамы и надменные кавалеры.

Все дивились, куда исчез Аптекарь, и начали даже думать: уж не похитил ли его синьор дьявол.

Между тем, закрыв дверь и плотно задвинув ставни, Аптекарь день и ночь кипятил в колбах травы, весь окутанный облаком зловещего пара.

Юный красавец явился на седьмую ночь в назначенный час.

Худой, с желто-зеленым лицом, встретил его Аптекарь и протянул ему маленькую железную коробку.

— Вот, — сказал он еле слышным голосом, — здесь

три пилюли. Вы должны принимать их одну за другой три дня подряд, начиная с завтрашнего вечера.

— Три дня! — вскричал юный красавец. — Опять ждать! Видеть, как улыбаются лицемеры, слушать дурацкие речи умников, есть, дышать... Я приму их сейчас.

— И тогда умрете в ужасных корчах и лицо и тело ваше будут обезображены.

— Проклятье! — пробормотал Юноша. — Ладно, по-лучай!

И швырнул на стол кошелек, набитый золотыми дукатами.

— Благодарю вас, ваше высочество, — поклонился Аптекарь, — но соблаговолите взять назад кошелек. То, что я сделал, не стоит денег.

— Ты набиваешь себе цену, мошенник, — засмеялся Юноша. — Хорошо, ты получишь еще больше, когда меня не будет. Даю тебе слово дворянина.

И, спрятав кошелек, он удалился.

На следующий вечер он принял одну из пилюль Аптекаря и сразу же уснул.

Утром он открыл глаза и увидел, как тонкий луч солнца пронзает тяжелые шторы на окнах спальни.

— Солнце, как хорошо, что на улице солнце! — воскликнул он и тут же удивился: — Мне нравится солнце, что со мной? Наверно, это признак близкой кончины?

Потом весь день он гулял в саду, любовался блеском солнца, слушал пенье птиц, журчанье ручья.

Вечером он принял вторую пилюлю и снова уснул безмятежным сном.

На следующее утро, когда старый слуга пришел, чтобы помочь ему одеться, сын герцога сказал старику:

— Благодарю вас, мой друг, не нужно, я оденусь сам.

И старый слуга заплакал, решив, что его господин сошел с ума.

В этот день внук короля французов вел себя очень странно. Он сам вычистил свои ботинки, помог садовнику вскопать грядки, конюху убрать навоз. Впервые за полгода он пообедал с аппетитом.

Вечером он принял третью пиллюлю.

Едва только взошло солнце, он оделся, оседлал коня и помчался в Падую.

Вскоре небо закрылось тучами, пошел дождь, поднялся ветер, но всадник радовался и дождю, и ветру, и тому, что он жив, здоров, молод, и думал о том, как щедро отблагодарит Аптекаря.

Он примчался в Падую поздно вечером. Лавка Аптекаря была закрыта, но в окне светился огонек.

Он сошел с коня и постучал в запертую дверь. Никто не отозвался. Он стучал снова и снова, пока какая-то старуха не высунулась из окна соседнего дома и не спросила:

— Эй ты, чего тебе надо?

— Мне нужен Аптекарь.

Старуха не видела в темноте, с кем разговаривает, и зашипела:

— Опоздал ты, парень, он умер два дня назад.

— Умер? От чего?

— Не знаю. Говорят, отравился парами, когда готовил лекарство для какого-то богатого бездельника.

— Скажите, синьора, где похоронили его?

— Его зарыли там, за церковной оградой. Не старайся, ты не найдешь могилу, на ней нет креста. И вообще, проваливай, не мешай людям спать.

Всю ночь бродил сын герцога Пармского за церковной оградой.

Утром он сел на коня и уехал.

Он не вернулся в замок, и ни отец, ни младший брат, ни бывшая возлюбленная больше никогда не увидели его.

ПОЭТ

Вся Венеция знала негоцианта Джузеппе Мазини и его сына поэта Каприччио.

Старый Джузеппе не одобрял легкомысленных занятий своего наследника и, когда Каприччио исполнилось двадцать лет, завел с ним серьезный разговор.

— Разве это дело, — сказал старик, — бренчать на лютне? .. Все твои предки торговали коврами и жемчугом. Нашему семейству обязана Венецианская республика богатством и благоденствием. А что ты оставишь после себя?

— Стихи, — гордо сказал Каприччио. — От моих серенад тают ледяные сердца. Мои песенки могут заставить принцессу полюбить погонщика мулов. Вчера я написал «Песнь о любви». Она прославит мое имя в веках.

— Дурень, — усмехнулся Джузеппе, — ты веришь бездельникам, с которыми проводишь бессонные ночи. Посмотрим, что скажут знатоки.

И он пригласил к себе во дворец учнейших людей Венеции — доктора словесных наук синьора Эрудицио, магистра красноречия синьора Формалио и маэстро вкуса синьора Комплименто.

— Дistinguished коллеги, — сказал синьор Эрудицио, — надеюсь, вы обратили внимание, как называется поэма? «Песнь о любви». Но что такое песнь? Есть ли

разница между песнью и песенкой, между пением и песнопением? ..

Ученый муж говорил долго, умно о том, о сем, о прочем, а когда кончил, старый Джузеппе спросил:

— Будьте добры, ваша милость, скажите, чего стоит штука, которую нацарапал мой птенец?

Синьор Эрудицио важно помолчал и, подсчитав в уме, что через три дня истекает срок векселя, выданному им негоцианту, с достоинством ответил:

— Это вещь бесценная. Так я считаю.

— Это новое слово, — авторитетно кивнул головой синьор Формалио, — поэма не похожа ни на что. Только оригинальный талант может рифмовать «луковица» и «лютя».

— Я буду резок, — приветливо улыбнулся синьор Комплименто, — и скажу, что Каприччио гениален, хотя другие наверняка назовут его гениальнейшим. Я буду суров и скажу, что он велик, хотя большинство может счесть его величайшим.

В ту же ночь старый Джузеппе скончался не то от радости, что его сына признали великим поэтом, не то от огорчения, что тому никогда не торговать коврами и жемчугом.

Каприччио погоревал, поплакал сколько нужно и начал жить жизнью великого человека.

Три года из вечера в вечер сверкал огнями дворец покойного Джузеппе, гнулись столы под роскошными яствами, рекой лилось вино. Три года из вечера в вечер юный Каприччио читал «Песнь о любви», а промотавшиеся кавалеры, голодные поэты и продувные адвокаты кричали: «Браво, брависсимо!»

Когда пошел четвертый год, Каприччио вдруг узнал, что отцовские склады опустели, дворец описан за долги, слуги разбежались.

Все это ничуть не огорчило поэта.

— Что такое деньги, — улыбнулся он, — презренный металл, золотые кружочки... Я — велик... Я напишу новую поэму.

Полгода жил он в каморке у садовника и день и ночь писал стихи. Он писал их и рвал, рвал и писал. Новые строки казались ему недостойными бессмертных строк «Песни о любви».

— Да, — решил он в конце концов, — мой талант иссяк.

И он покинул Венецию, где пришла к нему слава, и уехал в Геную.

В Генуе он был и грузчиком, и разносчиком зелени, и лодочником, пока его не заметила красавица Анита, дочь хозяина сапожной мастерской.

Трудно далось ему ремесло. Ладони его покрылись мозолями, твердыми, как грецкие орехи, румянец на щеках поблек, но зато он научился тачать сапоги, которые не снашивались годами, шить бальные туфли, воздушные, как облака, нарядные башмаки, способные покорить сердце любой красавицы.

Не было во всей Италии мастера искуснее, и сам герцог Пармский удостоил его ордена Колодки.

Минули годы. Полногрудая Анита вышла замуж за Каприччио, у супругов росли дети — мальчик и девочка.

И вот случилась беда. Вдохновение пришло к уже немолодому Каприччио. Как-то за одну ночь он написал поэму «Песнь о башмаке».

Он рассказал в стихах о людях, которые не имели и пары приличных сапог, и о тех, у кого башмаков было больше, чем звезд на небе, воспел босоногих красавиц, ступавших по земле как королевы, и осмеял королев в золоченых туфлях, шагавших как гусыни.

Утром он прочел поэму жене, открыл ей, что раньше был поэтом и хочет поехать в Венецию прочесть свое творение знатокам.

Целый день Анита ссорилась с Каприччио, уговаривая его не заниматься чудачеством, а вечером отправилась с ним в путь.

В Венеции она сняла зал в дешевой таверне, заказала обед и пригласила ученых мужей.

Синьор Эрудицио теперь был уже академиком, синьор Формалио — доктором, а синьор Комплименто — магистром.

После того как немолодой поэт прочел «Песнь о башмаке», выступил синьор Эрудицио.

— Башмак — это не туфля, а туфля не башмак, — сказал он, значительно подняв указательный палец. — Сапог отличается от сандалии, а сандалия от сапога. . .

Ученый муж говорил долго, умно о том, о сем, о прочем, и, когда кончил, Анита спросила:

— Скажите, ваша милость, чего стоит вещица, которую сочинил мой муженек?

Синьор Эрудицио подумал и, сообразив, что ничего не должен Каприччио, сказал:

— Ни сольди, сударыня, ни сольди.

— Поэма плоха, она ни на что не похожа, — авторитетно кивнул головой синьор Формалио, — в ритмах я не вижу рифм, в рифмах не чувствую ритма.

— У вас очаровательная жена, Каприччио, — улыбнулся синьор Комплименто стареющей Аните, — это лучшее, что принадлежит вам.

В ту же ночь Каприччио и Анита вернулись в Геную.

— Ученые люди не станут бросать слов на ветер, они строги и справедливы, — сказала Анита.

Каприччио промолчал и спрятал «Песнь о башмаке» в шкаф, где лежали испорченные заготовки дорогих бо-

тинок. Но иногда он вынимал поэму, перечитывал ее и потом долго сидел молча, сложив руки на груди.

Все это надоело жене. Когда мужа не было дома, она достала поэму из шкафа и отдала ее служанке, сказав:
— Выброси эту гадость.

Служанка была расчетливой девицей. Она унесла поэму на базар и продала по листику торговцам виноградом, макрелью и маслинами.

Прошло время, и вся Италия — рыбаки и кружевницы, странствующие комедианты и голодные поэты, знатные дамы и кавалеры — распевала грустные и веселые строфы «Песни о башмаке».

Каприччио так и не узнал об этом. Он безвыходно сидел дома, тачал сапоги, которые не снашивались годами, шил бальные туфли, воздушные, как облака, нарядные башмаки, способные покорить сердце любой красавицы.

МЕЧТАТЕЛЬ

У подножья гор, вечных, как жизнь, и прекрасных, как мечта, лежал маленький город. Люди в этом городе рождались, старели и умирали, и никто из них никогда не бывал по ту сторону сверкающих снежных вершин.

Так длилось до тех пор, пока в маленьком городе не появился Мечтатель.

Он был сыном прачки, бедной женщины с руками, изъеденными щелочью и содой.

Целыми днями она гнула спину над корытом, стирая белье для того, чтобы сын ее мог учиться в школе.

Учителя не любили сына прачки. Он задавал им слишком много вопросов, на которые они не могли ответить. Сверстники сторонились Мечтателя. Он не играл с ними в забавные детские игры, он часто уходил за город и стоял у подножья гор, поднимал лицо к небу, думая о чем-то своем.

Когда Мечтатель вырос, он сказал матери:

— Благослови меня, мать, на трудный путь.

— Куда ты собрался, сын мой? — спросила с тревогой женщина.

— Я должен узнать, что там, за горами.

— Не делай этого, — взмолилась мать. — Ты молод, умен. Самая красивая девушка любит тебя. Ты женишься на ней и станешь счастливым.

— Нет, — сказал Мечтатель, — я должен узнать, что там, за горами.

— Поговори с нашим мудрецом, — попросила мать. — Он знает все на свете.

— Глупый юноша, — сказал мудрец, — горы высоки, жизнь коротка, ты только зря потратишь время.

— Все равно, — сказал Мечтатель, — я должен узнать, что там, за горами.

И он покинул родной город. Мать плакала, мудрец укоризненно качал головой, а яблони роняли белые, душистые лепестки.

Минули годы. По улицам маленького города прошел человек. Лицо его было иссечено морщинами, но глаза смотрели молодо и жарко.

Это был Мечтатель.

Робко переступил он порог отчего дома и склонился перед постелью, на которой лежала мать. Она умирала. У постели женщины сидел мудрец.

Женщина открыла глаза и увидела сына.

— Это ты, мой мальчик, — еле слышно произнесла она. — Ты вернулся. Где ты был?

— Я был там, за горами, — сказал Мечтатель.

— Что же ты видел там, сын мой?

— Там такой же город, как наш. Но когда я пришел туда, там не было ни одного фруктового дерева, не цвел ни один цветок. Я научил людей выращивать яблони и вишни, тюльпаны и розы.

Мудрец усмехнулся:

— Если ты так много сделал для них, почему же они не отблагодарили тебя? Почему бедна твоя одежда и стоптана обувь? Почему они прогнали тебя?

— Нет, — сказал Мечтатель, — они не прогнали меня. Они обещали мне почести и богатство, если я останусь у них навсегда. Но я не захотел.

- Почему? — спросил мудрец.
- Почему? — слабым эхом откликнулась женщина.
- Видите ли, — сказал Мечтатель, — за тем городом тоже есть горы. Я должен узнать, что там, за горами.
- Ты неисправим, — горько усмехнулся мудрец.
- Ничего не поделаешь, — сказал Мечтатель, — но я должен узнать, что там, за горами.

Мать умерла. Мечтатель проводил ее в последний путь и ушел. И мудрец, качая седой головой, укоризненно смотрел ему вслед, и яблони роняли белые, душистые лепестки.

БЕДНЫЙ ТУРГИН

Впереди было пустынное, холодное море, позади — скалы, за ними дикий девственный лес.

Между скалами и морем, на каменистой земле, жил народ великанов.

Они были могучи и красивы все — мужчины и женщины.

Трем богам поклонялся смелый и мужественный народ — богу солнца, богу ветра и богу моря.

— Бог солнца сделал нашу кровь горячей, как огонь, бог ветра гонит наши челны и удерживает их на волнах, бог моря дарует нам пищу и одежду. Мы — дети солнца, моря и ветра.

Так говорил Верховный жрец. И народ, слушая его, восхвалял великих богов.

— Смешной старик, — усмехался Вождь народа великанов. — Глупый болтун! . . При чем тут боги?! . Мои далекие предки, мужчина и женщина, давным-давно поселились здесь. От них пошло племя людей, выше которых нет и не будет на свете.

И хотя Вождь великанов был слишком умен, чтобы высказывать свои мысли вслух, всеведущие боги услышали его.

И случилось так, что жена Вождя родила первенца, который был не больше нашего пятилетнего мальчика, в

то время как все новорожденные племени великанов были выше наших самых рослых мужчин.

Горе накрыло темной тучей семью Вождя.

Умер, не вынеся позора, его старик отец.

В одну ночь белыми, как гребни волн морских, стали волосы молодой жены Вождя. Упав на колени, скорбно молила она мужа:

— О мой властелин и повелитель!.. Прошу тебя, убей меня! Покарай смертью за стыд и несчастье, которые я принесла в твой дом. Возьми в подруги достойную тебя.

Но Вождь великанов был добр и справедлив. Он поднял с колен истерзанную муками женщину и сказал:

— Ты ни в чем не виновата!.. Ты будешь жить, моя любимая. Не нужно мне другой жены!.. Ты родишь мне высоких и сильных сыновей. И пусть живет этот жалкий урод. Все живое должно жить. Может быть, он еще станет таким же, как мы.

— Ты должен убить трех китов и принести их в жертву богам, — сказал Верховный жрец.

— Я убью пять китов, — ответил Вождь великанов и отправился в путь.

Сотни раз солнце всплывало над морем и уходило за скалы. Сотни раз оно выходило из-за скал и всплывало над морем, а Вождь великанов не возвращался. Многие уже решили, что он ушел в страну вечной тени. Но все-таки он вернулся, и за его челном тянулись туши семи китов, огромных, как наши океанские корабли.

Верховный жрец намазал сына Вождя с ног до головы китовым жиром. Три дня и три ночи народ великанов плясал и пел вокруг костров, славя своих богов.

От крика великанов падали навзничь деревья в ди-
ком, девственном лесу. От стука и топота великанских ног на другой стороне земли рушились дома и реки выходили из берегов.

— Придет время, — сказал Верховный жрец Вождю великанов, — и боги совершат чудо с твоим сыном.

Время шло. Пять сыновей высоких и сильных родила жена Вождя, но больше всех она любила первенца, прозванного Тургин, что на языке великанов означало карлик.

Боги не сжалились над несчастным. Он рос медленно и плохо.

Мужчины не брали с собой в море Тургина. Куда ему, такому малышу, бороться с китами и акулами! Мать не пускала его одного в лес. Еще бы — самый безобидный зверь в этом лесу мог случайно прихлопнуть его лапой.

Маленькие девочки носили Тургина на руках, играли с ним, как с куклой, и он полюбил дочь Верховного жреца красавицу Танид.

Ей слагал он песни, полные страсти и печали. Ее портрет высек он кремнем на скале.

Танид была холодна и надменна. Насмешливо и дерзко смотрела она на юных красавцев великанов. Чего же мог ждать карлик, едва доходивший ей до колен?

По ночам несчастному Тургину снились дивные сны. Он видел себя могучим и сильным. Видел, как укутывает плечи любимой мехами диковинных зверей, убитых им.

Он был весел и незлобив, маленький Тургин, приветлив и добр со всеми. Никто, кроме матери, не догадывался, как мучительно он страдает.

— Боги!.. Великие боги!.. — молила мать Тургина. — Возьмите мою жизнь, если она вам нужна, и сделайте моего сына высоким и сильным.

Но боги были равнодушны к мольбам матери. Они ждали, когда склонит перед ними свою гордую голову Вождь великанов.

А Вождь возненавидел богов за несчастье, посланное ему. С каждым днем сердце его наполнилось яростью и злобой.

Однажды он не выдержал и воскликнул:

— О вы, боги солнца, ветра и моря!.. Будьте прокляты навеки, вы, свирепые, бездушные существа!

Боги услышали это и наслали беду на весь народ великанов.

Бог солнца закутался в черную тучу, и днем стало темно, как ночью. Бог ветра обернулся ураганом и вместе с богом моря обрушил на каменистый берег лавину волн, взлетевших к самому небу.

Объятые ужасом, бежали великаны и укрылись в ди-
ком, девственном лесу.

Не день, не два—месяцы не унималось море, и по-
нял народ великанов, что не вернуться ему на родную
землю, и впал в безудержную скорбь.

И тогда сказал Вождь:

— Соберитесь с духом, вы, люди моего племени.
Мы уйдем отсюда. Я знаю, что за этим лесом есть море.
Мы пройдем через лес и будем жить на берегу того,
другого моря, где правят милостивые и справедливые
боги.

Но темен и неприступен был лес, и не видно было
дороги вперед.

Уныние охватило народ.

И тогда сказал Тургин, обращаясь к отцу:

— Отец мой, славный и мудрый Вождь, поставь меня
к себе на плечи, и я увижу, куда нам держать путь.

— Тебя?—удивился Вождь.—Что можешь сделать
ты, жалкий и слабый Тургин?

— Исполни его просьбу,—сказала жена Вождя.—
Он маленький, но у него острое зрение и хороший
слух.

Вождь великанов внял просьбе жены и поставил к себе на плечи Тургина.

— Я вижу море!.. Я слышу его!.. — закричал Тургин. — Иди, отец мой, куда я скажу.

Вождь с Тургином на плечах пошел туда, куда показывал маленький человек, и за ними пошел народ.

Маленький Тургин привел великанов на берег теплого и синего моря, прозрачного, как озеро, и огромного, как океан.

Неистовое дикование охватило народ великанов. Будто неразумные дети, мужчины и женщины катались на белом песке, оглашая воздух криками восторга. А Тургин стоял в стороне и улыбался застенчивой, тихой улыбкой.

Но тут подняла руку мать Тургина и сказала:

— О люди племени великанов!.. Мой сын вывел вас из страшного леса. Попросите же новых богов, чтобы они сделали его таким же сильным и высоким, как мы.

Весь народ великанов опустился на колени и, воздев руки к небу, молил, чтобы боги исполнили просьбу матери.

— Если он станет таким же, как мы, я отдам ему в жены свою дочь, — пообещал Верховный жрец.

— Я буду его женой, — сказала красавица Танид.

Долго и горячо взывал к новым богам народ великанов, а Тургин вспоминал дивные сны, которые посещали его.

Но, стоя на коленях, он не повторял слова молитвы.

Он думал: «Боги, великие боги, если можете, оставьте меня таким, каков я есть. Может быть, я еще окажусь нужным моим великанам».

ПУД СОЛИ

Двое мужчин сидели в маленьком ресторане и пили пиво.

— Ты настоящий парень, — сказал старший из них, — мы знакомы час, а мне кажется, будто я знаю тебя всю жизнь.

— Не спеши, — сказал младший, — чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли.

— Вздор! — сказал старший. — Это выдумали математики. Они непременно хотят все измерить.

Приятели выпили еще по кружке и разошлись. С этого вечера они стали друзьями.

Летом, в одном из загородных парков, друзья познакомились с хорошенькой веселой девушкой.

Они катались на лодке, угощали девушку мороженым и наперебой рассказывали смешные истории.

Следующий вечер и еще много вечеров подряд они проводили втроем, и друзья чувствовали себя превосходно, а хорошенькая, веселая девушка смеялась все меньше и меньше.

Однажды старший друг позвонил ей по телефону и, как обычно, начал:

— Сегодня мы ждем вас...

В ответ раздалось:

— Я не приду сегодня. Приходите ко мне вы один, понимаете — один.

И трубка была повешена.

«Нет, я не пойду, — подумал старший из друзей, — ни за что не пойду».

Спустя несколько часов он сидел на широком диване в комнате с цветастыми обоями, а хорошенькая девушка и десять ее портретов, приколотых к стене, улыбались ему.

При первой же встрече в маленьком ресторане старший друг признался во всем младшему.

— Видишь, — сказал младший, — а ты говорил — пуд соли...

И он ушел, не допив кружку пива.

Вскоре началась война, а с нею и голод.

Как-то младший друг проходил мимо маленького ресторана. Он поглядел на заколоченные двери, на вывеску, грустную, словно могильная надпись, и вспомнил своего бывшего друга.

— Где-то он теперь? Жив ли? ..

Когда он вошел в знакомую комнату, старший друг лежал в кровати. Глаза его были закрыты, зеленоватая кожа, поросшая колючками бороды, обтягивала скулы.

— Это я, — сказал младший друг. — Узнаешь?

Старший открыл глаза, сказал: «Прощай» — и снова опустил бледные, иссохшие веки.

— Погоди, — сказал младший, — возьми.

И он достал из кармана кусок хлеба, жесткий, как камень, и черный, как земля.

Старший друг схватил хлеб, поднес ко рту и вдруг, взглянув на младшего, увидел его лицо, обросшее жест-

кими колючками бороды, зеленоватую кожу на скулах и бледные, иссохшие веки.

Он разломил кусок хлеба и протянул половину младшему.

Младший взял кусок хлеба и спросил:

— А соль?

— У меня давно нет соли, — сказал старший.

И друзья молча ели хлеб, жесткий, как камень, и черный, как земля.

ЯСНО, НАК ДВАЖДЫ ДВА...

Он был такой рыжий, что ребята говорили, будто от него можно прикурить.

— Тебе повезет, сынок, — утешала его мать, — рыжим всегда удача.

И Рыжему везло. Старенький учитель, боясь ослепнуть, редко вызывал его к доске, соседский бык распол ему ногу так, что Рыжий целую неделю провалялся в постели, читая книги о знаменитых сыщиках, а стоило ему выздороветь — в город приехал цирк.

На базарной площади вбили колышки, натянули грязный, вздутый, как парус, брезент. Удивительные вещи творились под этим брезентом — ученые собаки пили кофе из чашечек и читали «Губернские ведомости», фокусник глотал раскаленные угли, словно пончики с повидлом, огромный Силач сгибал кочергу и повязывал ее бантиком вокруг шеи.

Другие мальчишки долго клянчили у родителей стертые пятики, мечтая хоть разок попасть в цирк, а Рыжий каждый вечер, совершенно бесплатно, сидел на первой скамейке и, когда кончалось представление, отправлялся гулять вместе с огромным Силачом по горбатым, пыльным улицам, и все завидовали ему.

— Этот Силач суеверен, — заявлял учитель истории, — он думает, что рыжие приносят счастье. Суевер-

рие — явление весьма распространенное. Еще Кай Юлий Цезарь...

— Оставьте! — перебивал его учитель арифметики. — При чем тут ваш Кай? Ясно, как дважды два, он приучает мальчишку к делу. Бесспорно, как трижды три, он сделает из него силовую величину.

— Всякому культурному человеку известно, к чему привело суеверие Филиппа Македонского и Андрея Суздальского младшего, — продолжал историк.

— Не тревожьте зря вашего Филиппа, — сердился математик. — Ясно, как семью семь, мальчик будет силачом. Бесспорно, как восемью восемь, мы еще услышим о нем.

До глубокой ночи спорили ученые люди, а рыжий узкоплечий мальчишка уже спал, и ему снились великолепные сны. Он видел себя огромным и сильным, как его покровитель. Мускулы у него на руках выросли большие и круглые, как два футбольных мяча, на голубой ленте через плечо висело столько серебряных медалей, что и не сосчитать.

Рыжему снилось, что он поднимает за шиворот и закидывает на самое высокое дерево злого и жирного городского мясника и тот хнычет и клянется больше никогда не бить своего маленького сына.

Наступало утро. Шел день. Вечером Рыжий снова сидел на первой скамейке под грязным, вздутым, как парус, брезентом, восторженно глядел на ученых собак, на фокусника, глотавшего раскаленные угли.

Три барабанщика что есть мочи били в три турецких барабана. Три трубача дули в три длинные трубы. Три музыканта гремели медными тарелками, и на арене появлялся Силач. Он кланялся публике, поднимал тяжелые гири, бросал их себе на плечи и на голову, сгибал кочергу, и все хлопали в ладоши. Силач ложился спиной на

песок. Десять здоровенных мужчин выносили деревянный помост, клали его на грудь Силачу, вытаскивали пианино и ставили его на помост. Затем выходила маленькая старушка и садилась за пианино. Хрипя и отдуваясь, на помост взбирался грузовик.

Силач держал на груди грузовик, пианино и старушку. Старушка дребезжала на пианино скрюченными пальцами и улыбалась публике, покачивая трясущейся головой.

Рыжий мальчишка знал, что Силач не может сколько угодно держать на своей груди грузовик, пианино и старушку. Рыжий должен был вовремя схватиться за голову и заорать во все горло: «Ух, и молодец же!»

После этого старушка переставала играть. Три трубача дули в три длинные трубы, грузовик, хрипя и отдуваясь, спускался с помоста, десять здоровенных мужчин убирали пианино, старушка покидала манеж. Силач одним движением скидывал деревянный помост, поднимался на ноги, и все хлопали ему.

Так было каждый вечер, но вот однажды за пианино вместо старушки уселась бледная, худенькая девушка. Пальцы у нее были такие тонкие, что Рыжий подумал, они сломаются, едва она ударит по клавишам. Но девушка начала играть, и случилось чудо. Старое, разбитое пианино запело, как орган. Под грязным брезентом раздались звуки, каких рыжий мальчишка не слышал в своей жизни. И он забыл, что находится в цирке, забыл, что Силач не может вечно лежать под помостом, держа на груди грузовик, пианино и девушку, забыл, что должен вовремя схватиться за голову и заорать во все горло: «Ух, и молодец же!..»

Он очнулся, когда Силач уже поднялся на ноги. Лицо у Силача было кирпичного цвета, тусклые, оловянные глазки впились в рыжего мальчишку.

Публика еще хлопала в ладоши, Силач еще кланялся, а рыжий мальчишка летел стрелой по пыльным улицам. Ему казалось, что Силач гонится за ним. Так он домчался до вокзала, прицепился к хвосту товарного поезда и навсегда уехал из родного города.

Он не сделался силачом, этот рыжий мальчишка. На руках у него не выросли мускулы большие и круглые, как футбольные мячи. Он не носил через плечо голубую ленту, не закинул на дерево злого и жирного мясника.

Рыжий мальчишка стал знаменитым пианистом, и когда об этом узнал учитель математики, он заявил исторiku:

— Помните, я же говорил: ясно, как пятью пять, — он будет музыкантом. Бесспорно, как шестью шесть, — в этом его сила. Да-с!

...Прошло много лет. Рыжий музыкант объездил с концертами весь мир и наконец решил навестить родной город. Все изменилось здесь: люди, дома, улицы. На бывшей базарной площади, где когда-то натягивали грязный, вздутый, как парус, брезент, сейчас стояло внушительное здание с круглым куполом. Над входом по вечерам зажигалась надпись: «Дворец искусств».

В одной из комнат дворца помещался кабинет Доктора музыкальных наук.

Доктор был так учен, что из трех слов произносил два иностранных, и так строг, что соловьи замолкали в его присутствии, боясь взять неверную ноту или погрешить против хорошего вкуса, а всякие там малиновки или пеночки замертво падали от страха. Доктор одевался по последней моде, знал наизусть малую энциклопедию и мог сыграть на рояле одним пальцем «Чижик-пыжик, где ты был?»

Когда Рыжий пианист познакомился с Доктором, тот заканчивал одиннадцатый том научного труда «Муки зву-

ка», и все предсказывали, что Доктору будет присвоено звание академика.

Перед первым концертом Доктор пригласил музыканта в кафе «Минутка».

— Ну-с? — спросил Доктор, помешивая ложечкой кофе. — Ну-с, что вы будете играть сегодня?

— Сегодня я дам концерт старых мастеров, — сказал пианист.

— Старые мастера, — тонко улыбнулся Доктор, — это метафизика реализма. Они устарели. Мелодия, гармония — это все прошлое. Теперь нужна музыка без музыки, мелодия без мелодии. Берегитесь, вы провалитесь.

— Но я же играю всю жизнь, — возразил Рыжий пианист, — и, позвольте, как можно без мелодии?..

Но Доктор перебил его:

— Жизнь реактивна, мой дорогой, она летит с неслыханной скоростью вперед. Время меняет вкусы.

— Но публике нравится, — попытался продолжить Рыжий пианист, — нравится, когда...

Доктор поднял указательный палец вверх:

— Вы наивны. Что такое публика? Среди тысячи едва ли сто способны отличить бемоль от диеза. И потом, разве вы можете судить о публике? Вы сидите, уткнувшись носом в рояль, а я тридцать лет штудирую слушателя из директорской логи.

— Я чувствую зал каждой клеткой мозга, каждым нервом, — сказал пианист.

— Проверьте себя, — предложил Доктор, — посмотрите в зал, и вы увидите, что одни из слушателей пришли показать себя, другие — взглянуть на вас.

— Если я обнаружу хоть одного равнодушного к моей игре, я больше никогда не подойду к инструменту! — воскликнул Рыжий пианист.

— Идеализм! — сказал Доктор.

На следующем концерте Рыжий пианист решил посмотреть в зал, но едва он коснулся клавишей, как забыл о споре с Доктором. Он страдал, радовался, любил и ненавидел. Он жил в мире звуков.

— Фундаментально, — сказал Доктор. — Сегодня вы были в форме, но у вас результативно не хватило смелости посмотреть в зал. Впрочем, не делайте этого никогда. Берегите иллюзии. Иллюзия — единственно реальная субстанция.

— Иллюзия — единственно реальная субстанция! — повторили хором двенадцать кандидатов музыкальных наук, и Доктор сказал им:

— Да-с!

На втором или на третьем концертах Рыжий пианист клятвенно обещал себе посмотреть в зал и не выполнил обещанья. Только на четвертом он сумел сделать это.

Не отрывая сильных рук от клавиш рояля, он бросил беглый взгляд в зал и увидел, как по-молодому блестели выцветшие глаза стариков, горели щеки женщин, смягчились жесткие лица мужчин. И лишь один человек хранил ледяное равнодушие. Это был Доктор музыкальных наук. Он сидел в директорской ложе, развесив на бархатном барьере свои ученые записки, и, протирая очки, думал о кофе со сливками.

Один человек во всем зале! Но все-таки он был. А ведь помните, Рыжий пианист сказал: «Если я обнаружу хоть одного равнодушного к моей игре, я больше никогда не подойду к инструменту».

Но Рыжий пианист не мог жить без музыки. Он продолжал играть. Он страдал и радовался, любил и ненавидел, смеялся и плакал в тысячу раз сильнее, чем раньше.

Когда он кончил играть и встал из-за рояля, он увидел и услышал, как безумствовал зрительный зал. И, представьте себе, громче всех кричал и хлопал в ладоши Доктор музыкальных наук. Ученые заметки его летали по воздуху, и двенадцать кандидатов музыкальных наук, отталкивая друг друга, ловили их. А Доктор, сняв полосатый галстук, размахивал им, как флагом, и, позавывая иностранные слова, кричал на чисто русском языке:

— Ух, и здорово же! .. Ух, и молодец! ..

Кричал так же, как те, кто не мог отличить бемоль от диеза.

В ту же ночь Рыжий пианист уехал из города. Он не узнал, что Доктор музыкальных наук, придя домой, сжег научный труд «Муки звука», перестал писать и говорить как по нотам и служит сейчас поваром-кондитером в кафе «Минутка».

Двенадцать кандидатов музыкальных наук считают, что искусство понесло неизгладимую потерю, но соловьи и малиновки придерживаются другого мнения.

НЕ БЕДА

В городе, жители которого больше всего на свете гордились своими прямыми благородными носами, в одной здоровой семье родился мальчик со вздернутым, широким, как валяный сапог, носом.

— Это ужасно! — сокрушалась мать. — Ну будь он коротконогим или косоглазым — не беда. Живут же люди. У Главного судьи уши, как у африканского слона, а у Мастера Золотые Руки зубы кривые, как у бенгальского тигра. Но с таким носом, как у нашего, лучше носа не высовывать.

— погоди, — успокаивал ее муж, — ты же знаешь, все меняется. Еще десять лет тому назад наш Хранитель Нравственности требовал заклеить каждого, кто ходил в коротких брюках, и уже был объявлен конкурс на лучшее клеймо... А теперь он сам разгуливает в штанах выше колен. Может быть, настанет день, когда все захотят носить такие носы, как у нашего мальчика.

И супруги стали ждать, но мода на носы не менялась, а сыну пришла пора идти в школу.

Тогда родители, надев траурные платья, отправились в Совет Мудрых Голов.

Бледные, тихие, предстали они перед высоким собранием.

Первым взял слово Блюститель Чуткости.

— Уважаемые головы, — скорбно произнес он, — мы разбираем сегодня печальный, из ряда вон выходящий случай. Подобного носа в нашем городе не было с древних времен, с той поры, когда у нас были распространены верхоглядство и заносчивость. Однако мать, отец, а тем более несчастный ребенок ни в чем не виноваты. Всякое бывает. Разве мало людей родилось у нас без мозгов и разве не нашли они себе достойного применения? А сколько мужчин и женщин появилось на свет без сердца? И все они спокойно дожили до глубокой старости. Уважаемые лбы, мы гуманисты. Наш город славится своей человечностью. Чуткость — наша сила. Пусть же бедное создание никогда не узнает о своем недостатке, пусть никто не посмеет ему намекнуть об этом.

Речь произвела огромное впечатление, и Совет решил окружить ребенка чуткостью, создать ему необходимые условия для счастливой жизни.

Мальчика направили в образцовую школу. Его посадили на первую парту, ему подарили мраморную чернильницу-непроливайку, в то время как у других детей были обыкновенные пластмассовые. Наставник смотрел на мальчика нежным взором и, вызывая его к доске, говорил:

— Мой дорогой, может быть, ты скажешь, сколько будет дважды два?.. Мой милый, если тебе не трудно, напиши, пожалуйста, «Маша любит кашу».

Мальчик, если ему хотелось, отвечал, что дважды два — пять, когда же у него было плохое настроение, бурчал: «Вот еще глупости, терпеть не могу каши!» Наставник ласково гладил его по голове, веря, что чуткость возьмет свое.

Спустя два года, увидев, что его ожидания не оправ-

дались, Наставник, проливая горючие слезы, оставил мальчика на второй год.

— Неужели наш сын так глуп, — сказал отец, — что не способен хорошо учиться, несмотря на...

— Несмотря на то, что ты мой муж, ты недалекий человек, — перебила его жена. — Наставник пристрастен. Он смотрит на нашего мальчика и не видит ничего дальше носа. Какой позор!.. Но слава богу, мы живем в городе, где правит справедливость.

И справедливость восторжествовала. Старый Наставник был вскоре смещен с должности, а новый сумел сделать из этого случая соответствующие выводы: он вывел мальчику самые высокие отметки.

Мальчик кончил школу и поступил в институт. Все шло хорошо, и вдруг мальчик — впрочем, он был уже не мальчиком, а юношей — влюбился в студентку с прямым, благородным, как у всех жителей города, носом.

Юноша страдал, чах от любви, а девушка не отвечала ему взаимностью.

Мать возмущалась, и девушку вызвали для объяснения в Комиссию по Родимым Пятнам.

— Послушайте, — строго сказал Председатель Комиссии, — почему вы мучаете несчастного юношу, почему вы так возноситеесь? Нам неприятны ваши жестокосердие и эгоизм.

— При чем тут эгоизм? — удивилась девушка. — Просто он не нравится мне.

— Откуда у вас это? — нахмурился член Комиссии, специалист по пережиткам.

— Просто я не люблю его, — сказала девушка.

— Просто?.. Нет, не так это просто, — сказали хором все члены Комиссии, — советуем вам подумать, иначе мы будем вынуждены...

Девушка ничего не надумала, и ей пришлось оставить институт.

Юноша был в отчаянии. Мать негодовала:

— Это все ты виноват, ты! — кричала она, топая ногами на мужа. — Это твоя наследственность. Ты не имел права жениться. Только недавно я узнала, что у твоего прапрадедушки пнос был, как спелая слива.

— Но, дорогая, это не помешало ему народить семейных детей.

— Замолчи!.. В те проклятые времена женщины не отличались требовательностью, а теперь... Нет, я должна что-то придумать.

На другой день мать с сыном уехали из города, а когда вернулись, на лице у юноши красовался такой прямой, благородный нос, какому мог бы позавидовать сам Ценитель Красоты.

— Видишь, — ликующе заявила родительница мужу, — а ты утверждал, что медицина бессильна. О, теперь наш мальчик пойдет далеко!

И юноша пошел сдавать экзамены.

Перед дверью аудитории толпилось много студентов.

Юноша, как всегда, хотел пройти без очереди, но его остановили:

— Эй, парень, куда суешь свой нос, чем ты лучше других?

Юноша был удивлен и с тех пор удивлялся каждый день.

Профессора принимали у него экзамены так же, как у остальных студентов, и ставили двойки, пожилые женщины больше не уступали места в автобусах.

И все-таки юноша не унывал. Он отправился к своей жестокосердной возлюбленной.

Мать девушки открыла дверь. Она не узнала юношу.

Он с гордостью назвал свое имя и спросил, дома ли девушка.

— О нет, — сказала мать, — моя дочь уехала в другой город и вышла замуж...

И она достала фотографию, на которой был снят молодой человек со вздернутым, широким, как валяный сапог, носом.

Вот и вся история.

**СКАЗКИ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ**

ОШИБКА

Человек явился на свет.

Добрые боги и богини собрались у его колыбели.

Их позвала мать новорожденного, и они пришли, потому что были отзывчивы и сердечны.

— Ори, парень, громче ори! — усмехнулся краснощекий Бог здоровья. — У тебя отличные легкие и крепкие кулаки. Я наделю тебя долголетием, и ты проживешь жизнь, не зная ни одной болезни. Рости, цыпленок, будь петухом! — громко захохотал пунцовый богатырь и шлепнул мальчишку по задку.

— Не слушай его, дитя, — велеречиво произнесла большелобая Богиня. — Что такое здоровье без мудрости? Я награжу тебя умом — величайшим богатством мира.

Богиня мудрости коснулась лба младенца тонкими, длинными пальцами, и он, почувствовав холод разума, закричал еще сильнее.

— Ты будешь прекрасен, — поцеловала ребенка в губы Богиня красоты.

— Ты будешь храбр и смел! — громовым голосом воскликнул Бог отваги и трижды подкинул к потолку красное, сморщенное существо.

Тихая, растроганная, лежала в постели мать. Еле слышно прошептала она слова благодарности:

— Спасибо вам, добрые боги и богини, за то, что вы так щедро наградили моего сына.

— Он будет счастлив! — хором вскричали небожители и удалились по своим делам.

Годы шли. Младенец стал мальчиком, мальчик — юношей, юноша — мужем, и все свершилось так, как было предсказано.

Другие люди болели коклюшем и тифом, умирали от воспаления легких и разрыва сердца, а он никогда не узнал даже, что такое насморк и несварение желудка.

Первые красавицы мира превратились в уродливых старух и боялись посмотреть на себя в зеркало, а он, дожив до седых волос, был так красив, что молоденькие девушки заглядывались на него.

Он прошел через три войны, и трижды смерть отступала, сраженная его мужеством.

Он написал много книг, и люди разных стран света — белые, желтые, черные — плакали и смеялись, благословляя его талант.

И все-таки он не был счастлив.

Злобный, завистливый критик сказал о лучшей из его поэм, что это бумажный хлам, и он расплакался как ребенок.

Политический деятель забыл пригласить его на званый обед, и он огорчился и не спал две ночи.

Любимая девушка, которой он подарил свою самую прекрасную книгу, предпочла ему спекулянта, подарившего ей кольцо с драгоценным камнем. И он страдал.

Старуха мать сокрушалась:

— Чего ему не хватает, моему бедняжке?

Бедная женщина! Это ведь она, пригласив к сыновьей колыбели добрых богов и богинь, забыла позвать Бога юмора — великого целителя маленьких огорчений и больших невзгод.

ДА БУДЕТ СВЕТ!..

Они начинали жизнь одновременно, два уличных фонаря, и, когда покидали завод, где родились, услышали от старого мастера одни и те же слова:

— В добрый путь, ребята!.. Светите не жалея сил! Светлого вам будущего, мальчишки!

Прошло десять лет, и они встретились в ремонтной мастерской.

Один из них был по-прежнему молод, красив и только чуть потускнел, другой же измят, избит так, словно вышел из тяжелого сраженья.

— Привет, — сказал помятый фонарь. — Привет!.. Узнаешь меня?

Красавец презрительно посмотрел на изломанного, забрызганного грязью незнакомца.

— Извините, я не люблю фамильярности. Вы, кажется, ошиблись.

— Вот те на, Светик! — воскликнул помятый фонарь. — Неужели забыл?.. Мы же вместе вступали в жизнь. Помнишь; ты мне подмигнул на экзамене: «Держись, не робей!» — и чуть не схлопотал двойку.

— Так это ты?.. Честное слово, трудно поверить... Здорово же помяла тебя жизнь.

— Ничего не поделаешь, зато ты весь светишься. Наверное, у тебя была легкая работа?

— Не скажи... Я занимал ответственный пост на главной площади у большого театра. Я освещал колонны, скульптуры, машины, сверкавшие никелем и лаком, рядных мужчин и женщин, спешивших в театр. Знаешь, среди них были иностранцы. Заметив их, я старался светить еще лучше, чтобы они видели, как красива наша площадь, наш театр, наши женщины.

— Ты был там один?

— Нет, нас было штук десять.

— Ты много работал?

— Три-четыре часа каждый день. И в праздники тоже. Тогда меня украшали флагами, шарами, гирляндами цветных лампочек. Я был похож на рождественскую елку. Меня фотографировали. Говорят, мои портреты напечатаны даже в журнале.

— Выходит, ты был фигурой?

— Еще бы! И все-таки меня не уберегли от дождя и снега. А потом сказали, что я стал тускло светить, и сняли... Да что я все о себе, рассказывай ты.

— У меня все сложилось иначе, — сказал помятый фонарь, — я попал на Север в маленький город. Зимой там ночи длинные, черные... Я стоял в глухом тупике и освещал старые, развалившиеся дома. Кое-кому это не понравилось, сказали, что я слишком ярко свечу, и меня перевели на пустырь. Представляешь... Ямы, колдобины. Люди боялись ходить по этому пустырю, но я светил, и они шли. Правда, были такие, которым мешал мой свет, и видишь, чем все кончилось.

— Бедняга, — вздохнул красавец фонарь. — И кто это придумал сунуть тебя в такую дыру?.. Мы должны освещать то, что красиво. Ничего, ты подлечишься здесь, станешь опять молодым и блестящим, и тебя возьмут к нам. Хочешь?

Помятый фонарь задумался на минуту и сказал:

— Нет, пожалуй, нет.

— Не прикидывайся!.. Каждый не прочь занять хорошее место.

— Видишь ли, — тихо сказал помятый фонарь, — вас тут много, а я там один...

— Ах вот как!.. Да ты, оказывается, гордец!.. Ну что же, поступай как знаешь.

Минуло время. Фонари вышли из ремонтной мастерской. Красавец вернулся на главную площадь у большого театра, а его друг уехал куда-то на Север, где черные, длинные ночи, грязь и немощеные улицы.

И стоит там один на пустыре.

УГОЛЕК

Была война. Холод и голод.

В осажденном городе, в сырой комнате у железной печурки сидел немолодой человек.

Дрова горели. Человек знал: погаснет огонь — и он умрет.

Человек смотрел на затухающие угли и медленно считал последние минуты своей жизни:

— Шесть, пять, четыре, три, два, один. . .

Один Уголек, красная мерцающая точка, светился среди черной золы.

— Один ты остался, — сказал человек, — ты да я, я да ты. . . Скоро и мы с тобой. . .

Но Уголек не гас. Он теплился слабым светом, и так же едва теплилась жизнь в теле человека.

Уголек понимал речь людей, и он воскликнул:

— погоди!.. Не смей умирать!.. Я еще продержусь. . . Я сделаю все, что смогу.

Зола вокруг Уголька становилась холодной и серой.

«Нужно во что бы то ни стало не погаснуть, — думал Уголек, — нужно согреться».

И он вспомнил, как был частицей юной березы. Стройная, белоногая стояла она в лесу на поляне. Солнце золотило ее. Ветер перебирал ее листья. Юноша и девушка сидели у ее подножья.

И лишь только Уголек вспомнил поляну, солнце и ветер — он разгорелся.

Человек у железной печурки открыл глаза, протянул к огню иссохшие руки и сказал:

— Вон что, ты еще горишь. Значит, я еще живу, но это ненадолго. Ты уже начинаешь темнеть.

И верно. Уголек вспомнил, как однажды в ясный майский день на поляну забрел медведь и, обхватив березу лапами, принялся сдирать с нее кору и пить березовый сок. Медведь урчал, береза стонала, и Уголек, который был частицей березы, снова почувствовал боль и потускнел.

А человек у железной квадратной печурки закрыл глаза, опустив голову на грудь.

— Нет, я не должен об этом думать, — приказал себе Уголек. — Это дурной сон. Было другое: ручей, птицы, капли дождя на ветвях, почки. . .

И снова Уголек разгорелся, и опять человек поднял голову и сказал:

— Я еще живу.

В комнату вошла худая, бледная девочка. Она несла вязанку дров. .

— Дядя, вот и я, — сказала девочка.

И Уголек погас.

Потом, много лет спустя, рассказывая о военной зиме, старый человек вспоминал и девочку с вязанкой дров, и солдат, отстоявших город, и Уголек, который сумел продержаться чуть дольше других углей.

РАКОВИНА

Жил на свете моряк. Два-три месяца в году проводил он на берегу, а остальное время плавал по морям и океанам. Все, даже мальчишки в доме, где он жил, называли его не по имени и отчеству, а просто Капитан.

Как-то, когда его корабль стоял на ремонте, Капитан познакомился с молодой Девушкой и полюбил ее. В одно прекрасное утро Капитан надел парадный мундир, начистил ботинки, взял в каждую руку по горшку с хризантемами и пришел к Девушке.

— Разрешите считать вас своей невестой, — сказал он.

Девушка очень обрадовалась и очень растерялась.

— Позвольте подумать, — ответила она.

— Думайте, — сказал Капитан, а на следующий день отправился не то в Холодный, не то в Теплый океан.

Плавал он долго, писем от него не было, хризантемы увяли.

— Выбрось его из головы, — сказала Девушке практичная Подруга, — моряки легкомысленны. Должно быть, у него всю любовь из головы выдуло.

Спустя год Капитан вернулся. Он надел парадный мундир, начистил ботинки, взял какую-то вещь, завернутую в бумагу, и пошел к Девушке.

На окошке ее комнаты, в горшках из-под хризантем, зеленел лук.

— Отлично пахнет, — сказал Капитан, понюхав тонкое стрельчатое перо лука, — я очень люблю жареную картошку с луком.

Помолчав немного, он прибавил:

— Вот, — и протянул Девушке вещь, завернутую в бумагу.

Там была голубая прозрачная раковина.

— Это для вас, — сказал Капитан, — она поет.

Девушка поднесла голубую раковину к уху, но не услышала ничего, кроме протяжного гудения.

— Нравится? — спросил Капитан.

— Очень, — сказала Девушка, чтобы сделать ему приятное.

Капитан наступил каблуком одного ботинка на блестящий носок другого и сказал:

— Будьте моей женой.

Через месяц после свадьбы Капитан отправился в рейс не то в Море Мечтаний, не то на Остров Сбывшихся Желаний.

Молодая жена осталась дома и, слушая, как тревожно гудит голубая прозрачная раковина, скучала и плакала.

— Ты сама виновата во всем, — учила ее практичная Подруга, — скажи мужу, если он не перестанет шататься по всяким там океанам, ты уйдешь от него.

— Он любит море, — вздохнула жена Капитана.

— Я устрою его здесь, на берегу, у меня есть связи, — пообещала практичная Подруга. — И плачь, побольше плачь, это подействует.

Капитан вернулся домой. Жена стала плакать. Она плакала утром и днем, вечером и ночью. Капитан не выдержал слез, остался на берегу и поступил служить в музей хранителем Большого глобуса.

Днем капитан сидел у себя в кабинете, вертел Большой глобус, вечером смотрел телевизор и забивал с соседями в домино «морского козла».

Все шло хорошо, но Капитан, раньше такой веселый и приветливый, теперь стал молчалив и улыбался лишь тогда, когда подносил к уху голубую раковину.

— Ты должна избавиться от этой уродины, — сказала практичная Подруга жене Капитана, — она мешает вам жить. Подари мне эту раковину, а мужу скажешь, что случайно разбила и выбросила осколки.

Жена Капитана так и поступила. Подруга поставила голубую раковину на туалет рядом с постелью, но раковина так тревожно и невнятно гудела, что практичная женщина каждый вечер долго не могла заснуть, а когда засыпала, видела водяных, танцующих гопаки.

В конце концов она не выдержала и подарила раковину... Впрочем, вернемся к нашему Капитану. Он по-прежнему служил в Морском музее, охранял Большой глобус, но никто не мог объяснить, почему он начал глохнуть. Сначала он перестал слышать, когда ему говорили неприятные вещи, потом — когда его хвалили, и наконец он оглох окончательно.

Любящая жена пришла в отчаянье. Она сбилась с ног, бегая по врачам. Все светила уха, горла и носа ничего не могли поделать.

— Есть еще средство, — сказала практичная Подруга, — музыка. Я знаю одного композитора. Даже до музыкальных критиков доходят его мелодии. Хочешь, я приглашу этого музыканта к вам? Я скажу, что у твоего мужа день рождения.

Жена Капитана устроила большой праздник. Пришло много гостей и среди них практичная Подруга с молодым Композитором.

— Я давно мечтал познакомиться с вами, — сказал молодой Композитор Капитану.

— Совершенно верно, завтра будет зюйд-вест и наоборот, — любезно ответил Капитан.

— Позвольте подарить вам, — сказал Композитор и протянул Капитану сверток.

Там была голубая прозрачная раковина.

Капитан поднес раковину к уху и вдруг сказал:

— Вы слышите, она поет?!

Гости передавали друг другу голубую раковину, но никто не слышал ничего, кроме тревожного и невнятного гудения, а Капитан в это время незаметно вышел из комнаты.

Минул час, другой. Он не вернулся.

Спустя месяц жена получила от него радиограмму с Мыса Великих Свершений.

«Люблю, — телеграфировал он, — ты слышишь меня?»

Жена поднесла к уху голубую прозрачную раковину и услышала, как вздыхает далекий океан, бьются о скалы волны и зовет вперед и вперед ветер открытий и надежд.

СИНИЙ ГЕОРГИН

Солдат вернулся с войны. Дом его сожгли враги, сестра погибла в плену, мать и отец умерли от голода.

Солдат поступил на завод механиком, женился, построил новый дом и зажил в нем с женой и тещей.

— У вас все должно быть как у людей, — сказала теща, — телевизор, огород и кабанчик весом в добрую корову.

— У нас будет сад, — сказал механик, — я выращу георгины.

— У нас будет ребенок, — сказала жена.

— Цветами сыт не будешь, — заявила теща и уехала к другой дочери, которая кормила себя и все семейство клубникой. — Вы еще пожалеете, что не послушались меня, — пригрозила она.

— Ауфидерзейн, — сказал механик.

Если ему что-нибудь не нравилось, он всегда говорил «ауфидерзейн».

Прошел год.

В саду перед новым домом расцвели георгины — желтые, как подсолнухи, багряные, как закат при ветре, розовые, как облака в морозный день.

Жена механика родила дочку, и все знакомые вос-

хищались ребенком, но еще больше восторгались они удивительными цветами.

— Скажите, — спрашивали они молодую женщину, — как вам удалось вырастить такое чудо?

— Это не я, — отвечала жена, — это мой муж. Он встает раньше, чем поднимается солнце, ложится поздно ночью, он прочел много книг, написанных учеными садоводами, и еще...

— И еще он ненормальный, — ворчала теща.

Она приехала поглядеть на внучку и не могла простить зятю, что он не послушался ее мудрых советов.

Однако теща была умна и практична и, когда увидела, что многим людям, молодым и старым, нравятся георгины, сказала механику:

— Дорогой зятек, цветочки можно выгодно продать, выручить деньги, пристроить к вашему домику веранду и сдавать ее летом дачникам.

— Ауфидерзейн, — сказал механик и подарил все цветы Дворцу Счастливых Молодоженов.

Теща обиделась и уехала, предсказав, что все семейство с таким мужем пойдет по миру.

Несколько дней механик ни с кем не разговаривал, ночью притворялся, будто спит, а сам лежал с открытыми глазами.

— Что с тобой? — спрашивала жена. — Ты болен?

— Нет, я здоров.

— Посмотри на нашу дочку. Видишь, какие у нее синие глаза.

— Да, это очень трудно, — рассеянно сказал механик, — это никому не удавалось, но я попытаюсь...

Минуло три года, и в саду перед домом зацвел синий георгин.

Фотографию необычного цветка напечатали во всех

газетах, и даже теща, которая читала лишь программу телевизионных передач и таблицу лотерейных выигрышей, увидела снимок.

«Поздравь своего, — телеграфировала она дочери, — надеюсь, теперь он успокоится».

Жена прочла телеграмму механику.

— Ауфидерзейн, — сказал он. — Георгины должны пахнуть.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Юбиляр вернулся домой.

Он устал от жаркого, душного зала, от длинных, скучных речей, от того, что весь вечер должен был улыбаться разным приятным и неприятным людям.

Он разделся, лег в постель, уснул, и вещи, служившие ему, затеяли свой разговор.

Неправда, будто вещи разговаривают только по ночам и в сказках. Просто днем в шуме городской суеты вы не слышите их голосов, а когда наступает тишина, никто не мешает им вести спокойную, неторопливую беседу.

— Ну, как погуляли? — спросила Диванная подушка у Модного костюма.

Она была мягкая, добродушная домоседка. Еще бы, с самого дня рождения она не выходила на улицу и поэтому очень любила узнавать у своих товарищей о новостях, которые случаются в мире.

— Что я могу сказать? — высоко поднял плечи Модный пиджак. — Люди легкомысленны и ненаблюдательны. Даже самые умные из них поверхностны в своих суждениях. Представьте себе, сегодня целый вечер все восхищались Юбиларом. Говорили, как он строен, молод и держится, словно юноша. Но это же видимость!.. Ведь всем он обязан мне. Я-то знаю, что одно плечо у него

выше другого, спина круглая, грудь ямой. И если бы не моя вата, он выглядел бы совершенным стариком. И ни один, понимаете, ни один из выступавших не сказал обо мне ни слова. А там были ученые люди. Странно, за что они получили звания, если не способны разобраться в сути вещей, не могут...

— Простите, — перебили его Брюки, перегнувшиеся через спинку кресла. — Простите, нам очень неудобно говорить в таком положении, но мы попытаемся со свойственной нам прямоотой высказать нашу мысль. Конечно, мы не отрицаем вашего значения, уважаемый Пиджак, тем более что мы принадлежим к одной костюмной семье и, так сказать, близкие родственники. Однако не будете же вы отрицать, что без нас Юбиляр ровно ничего бы не стоил? .. Да нет же, он был бы просто смешон и жалок. Да, да, жалок! Здесь, в своем кругу, мы можем признаться, что у него тощие и, откровенно говоря, кривые ноги. А мы скрываем их. Мы...

— Минуточку! — щелкнули застегками и вытянулись во весь свой рост эластичные Подтяжки. — Минуточку! Вы слишком самонадеянны и забыли, что без нас вы не имеете никакого вида. Мы поддерживаем вас и придаем форму.

Услышав это, Брюки от возмущения перегнулись еще сильнее и не могли вымолвить ни слова.

Этим воспользовались Английские туфли. Они высунулись из-под кровати и произнесли с сильным иностранным акцентом:

— Извините, дорогие друзья, но все знают, что джентльмена судят по штиблетам. Это придумано не нами. Это сказал наш знаменитый соотечественник писатель Бернард Шоу. И он прав. Вспомните, сегодня на вечере все говорили, что Юбиляр выглядит блестяще. Это потому, что все смотрели на нас.

И тут Английские туфли высунули еще дальше свои тупые лакированные носы и начали отбивать каблуками легкомысленный танец.

Модный пиджак и Брюки растерялись, не зная, что ответить хвастливым иностранцам. На минуту в спальне стало тихо. Но вскоре тишину прервало чье-то жужжание.

— Жж... Жж... — прогудела Электрическая бритва. — Пож... жалуйста, не спорьте!.. Я примирю вас всех. Надеюсь, вы не станете спорить, что лицо — это зеркало души? А кто делает лицо молодым и красивым? Только я!.. Одна я — Электрическая бритва. Пусть ваш Юбиляр попробует не побриться два дня. И в трамвае ему начнут уступать место. Я продлеваю его молодость и красоту.

Электрическая бритва, наверное, долго еще важничала, если бы ее не прервал чей-то глухой голос:

— Кхе!.. Кхе!.. — сдавленно произнес стянутый узлом Галстук. — Кхе!.. Кхе!.. Дайте откашляться и выслушайте меня. Конечно, лицо самая главная часть человеческого тела, но галстук должен быть к лицу. Без хорошего галстука никто не обратит внимания даже на писаного красавца. А наш Юбиляр, сами знаете, не отличается красотой.

— Ха!.. Ха!.. Ха!.. — засмеялась всеми сорока молодыми зубами хорошенькая Расческа. — Лицо?.. Что значит лицо без прически?.. Видели, какой встрепанный вскакивает Юбиляр утром с постели! Жутко смотреть. Если бы не я, он был бы форменным уродом. Я...

Но тут все начали кричать разом.

Шум поднялся страшный. Он нарастал все больше и больше, как вдруг хлопнула и раскрылась дверь платяного шкафа и, покрывая все голоса, громко заговорил старый выцветший Китель без погон:

— Прошу вас, будьте потише, — твердо и отчетливо произнес он. — Прошу вас, дайте мне слово.

Все стихли, но молоденькая Расческа не выдержала:

— Вам?.. Смешно!.. Уж не скажете ли вы, что заштопанные дырки на вашей груди и боках украшают Юбиляра?

— Это не простые дырки, — так же твердо, как раньше, сказал Китель. — Это следы от пуль и осколков.

— Хи!.. Хи!.. — залилась хорошенькая Расческа. — Начинается вечер воспоминаний!.. Ну что за народ эти старики?.. Никак не могут забыть своего прошлого.

— Да, — сказал Китель, — такое не забудешь. Мы прожили с ним самые трудные годы, я знал, какой он был храбрый и стойкий, я мог бы много рассказать о нем...

Но в это время зазвенел первый трамвай, загудели машины. Наступил рассвет, и никто уже в дневной суете не мог расслышать голос старого боевого Кителя.

ПОЛКОВОДЕЦ И СМЕРТЬ

Смерть собиралась в поход. Она стояла в кладовке и перебирала оружие. Долго она отбрасывала в сторону ржавые косы, пока не нашла новенькую, блестящую, как серебро при луне.

— Эта, пожалуй, будет хороша.

— Куда ты поплелась, старуха? — спросила ее соседка по квартире, Вечность.

— Я иду к Полководцу. Говорят, никто не может победить его. Но я-то справлюсь.

— Посмотрим, — сказала Вечность.

Враг жестокий, беспощадный напал на мирную страну. Воинами стали кузнецы и учителя, хлебопашцы и музыканты. Полководец вел их в бой.

Полководец был ранен. Он лежал в палатке и бредил. Он просил налить ему стакан солнца, зажечь море и называл главного, толстого доктора принцессой.

Когда Смерть подошла к палатке, врачи совещались.

— Надо впрыснуть ему морфий, — сказал младший врач.

— Вы думаете? — сказал тот, что был постарше.

— Пожалуй! Только покой может спасти его, — сказал главный, толстый доктор.

А за палаткой кипела война, рвались снаряды, генералы ждали приказов Полководца и боялись войти к нему, потому что врачи запретили это.

Смерть откинула полог палатки, вошла и приблизилась к Полководцу. Смерть увидела его глаза и прочла в них страх.

— Ага, — засмеялась Смерть, — он такой же, как все. Он боится меня.

Смерть занесла косу над головой Полководца.

В это время в палатку ворвался Гонец. Он упал на колени перед постелью Полководца и прошептал:

— Полководец, скажи хоть слово, скажи, что делать?

Полководец взглянул на Гонца и сказал:

— Дай мне карту.

Смерть отошла и села у порога:

— Ладно, пусть он отдаст свой последний приказ.

Полководец нарисовал на карте три кружка, провел три длинные стрелы и что-то сказал Гонцу.

Гонец ушел. Смерть снова приблизилась к постели Полководца, но в палатку вбежал другой Гонец. Он упал на колени перед постелью Полководца и прошептал:

— Полководец, скажи, что делать? Скажи хоть слово.

Полководец взглянул на Смерть, и ей показалось, что он усмехнулся и подмигнул одним глазом.

Смерть отошла в сторонку.

— Дай мне карту, — сказал Полководец Гонцу.

Полководец и Гонец долго беседовали. Смерти стало скучно слушать их. Она закрыла глаза, зевнула и захрипела.

Когда Смерть проснулась, она увидела, что Полководец стоит окруженный толпой генералов и отдает приказы. Полководец взглянул на Смерть и презрительно улыбнулся.

Смерти стало обидно и стыдно. Она положила косу на плечо и отправилась домой. У нее было плохое настроение. По пути она скосила тысячи голов.

ДВА САПОГА — ПАРА

Борису Лихареву

Жили на свете братья Сапоги. Они были так неразлучны и так похожи, что даже родная тетушка — старая Сапожная щетка — часто путала их. Братья весело смеялись над ошибками доброй старушки. Они-то знали, что один из них правый Сапог, другой — левый и что характеры у них разные.

Правый был немного постарше и еще в юности любил поскрипеть, левый же чуть задира́л нос, как всякий мальчишка, которому хочется прослыть взрослым. Но в общем, братья Сапоги никогда не ссорились, и недаром все говорили про них:

— Два сапога — пара.

Есть такая публика, что дальше своего порога ничего не видит, а наши братья любили путешествовать и знали свет.

Шли они там, где дорог нет, проваливались в болото, зарывались в снег, вязли в горячих песках пустынь.

Другие бы на их месте давно размякли, раскисли, хлюпать бы носом стали, а братья Сапоги идут себе да идут. Трудно станет — старший начнет скрипеть на младшего:

Терпи, терпи, вперед шагай!
Терпи, терпи, не отставай!

А младший еще выше задерет нос.

Из каждого странствия братья возвращались в родной дом под кровать усталые, но довольные. Добрая тетушка Сапожная щетка гладила их, чистила, приговаривая: «Эх, непоседы вы мои дорогие!»

Едва успевали братья Сапоги отлежаться и отоспать-ся, как снова отправлялись в путь, даже не поговорив с соседями по квартире.

А между прочим, занятая публика были эти соседи, и у всех находилось, что порассказать.

Подружки-модницы Лаковые лодочки каждый вечер уплывали на танцы, а утром трещали, кто был на балу, как одет и какие теперь носят бантики и пряжки.

— Нехорошо, нехорошо, — шушукались сестры Ночные туфли, — девушки по ночам должны быть дома, а не шлепать где попало.

Услышав слово «дом», застенчиво мялись супруги Валенки и тихо повторяли:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой.

Братья Сапоги не участвовали в этих беседах. Не за-сигивались они дома. И случилось однажды, что ушли они и пропадали без вести почти четыре года. Пополз слух, будто нет уже братьев в живых, утонули они при переправе через чужую далекую реку, в чужой далекой стране.

Горько оплакивала гибель своих любимцев тетушка Сапожная щетка. Даже волосы у нее все вылезли.

И вдруг сиреновой весенней ночью, когда модницы Лодочки еще отплясывали на балу, услышали сестры

Ночные туфли, страдавшие бессонницей, знакомую песенку:

Терпи, терпи, вперед шагай!
Терпи, терпи, не отставай!

Объявились пропавшие без вести братья. Пришли они в порезах и заплатах, седые от дорожной пыли, повзрослевшие, словно век прожили.

И снова не задержались дома неугомонные молодцы. Видели их у каменных запруд на быстрых холодных реках, встречали на полях, где раньше жили суслики и кроты, а ныне поселилась многодетная мать-пшеница, остался след братьев и в горах, что ведут к самому небу, и в темных недрах земли.

Но всему приходит конец. Кончились странствия братьев, вернулись они под родной кров.

Многое изменилось здесь. Вышли из моды подружки Лодочки. Все чаще и чаще проводили они долгие зимние вечера в пыльном углу, предаваясь воспоминаниям и грустно напевая: «В вихре вальса все плывет. . .» Супруги Валенки уехали в деревню. Одна из Ночных туфель осиротела. Представьте только, ее любимую сестру съели крысы!

Погоревав и поплавав, Ночная туфля решила устроить свою судьбу. Она выбрала старшего из братьев. Красивый мальчик, видный, сильный, не то что драный шерстяной Носок, который давно сватался к ней.

Однажды ночью, когда младший брат крепко спал, Ночная туфля чуть придвинулась к старшему мягким боком:

— Я не помешала вам? . . Вы не спите? . .

— Нет, нет, — проскрипел старший Сапог, и ему стало холодно и жарко.

— Вы зябнете? . . Я тоже.

Так это началось. Каждую ночь Туфля прижималась ближе и ближе к Сапогу, он скрипел все нежнее и нежнее, а младший брат безмятежно спал.

Спустя месяц Ночная туфля и старший Сапог перебрались в темный чулан.

— Это временно, — предупреждала она всех. — Скоро нам дадут отдельную квартиру. Он заслужил это.

В темном чулане жили пузатый Самовар с прогоревшей трубой, тощая Кочерга, прошедшая огонь и воду, Коврик, когда-то гордившийся пышной растительностью, важный паровой Утюг, Чехол от диванной подушки. Сюда же приплелся и драный шерстяной Носок.

Ночная туфля окружила своего избранника таким уютом, на который только была способна ее мягкая, женская душа. Старший Сапог спал на постельном Коврике, под головой у него лежал Чехол от диванной подушки.

Не знаю, как бы понравилось другим в темном чулане, а наш Сапог заскучал. Он привык жить новыми впечатлениями, а здесь только и говорили о прошлом. Пузатый Самовар все рассказывал о шумных годах молодости и клялся, что погорел не по своей вине. Тощая Кочерга хвалилась огненно прожитой юностью, а паровой Утюг вспоминал о тех счастливых днях, когда в квартире перегорали пробки.

Время шло. Сапогу стало душно в чулане, а Ночная туфля не замечала ничего и была счастлива. Но вот однажды она проснулась и не нашла его рядом. Он исчез, ушел даже не скрипнув.

— Я вам говорил, напрасно вы связали с ним свою жизнь, — сказал шерстяной Носок.

— Молчите, он еще вернется! Я ведь столько сделала для этого бродяги.

Если вам приходится странствовать по дальним дорогам, если вы взбираетесь на высокие-высокие горы, опускаетесь в недра земли, проваливаетесь по пояс в снег, зарываетесь в жаркие пески пустынь, вы непременно встретите их.

Идут они, немолодые уже, избитые, все в порезах и заплатах, поседевшие от дорожной пыли.

Трудно станет, так старший начнет скрипеть:

Терпи, терпи, вперед шагай!
Терпи, терпи, не отставай!

А младший только выше задерет нос.

Идут они вперед и вперед: два сапога — пара!

У СТАРОГО ДУБА

Была ранняя осень. Воскресенье. Отец и Сын ходили по городу.

Они всегда бродили по городу в воскресные дни, и всегда по новым местам.

В этот день Отец повел Сына на старое кладбище.

— Зачем мы идем туда? — спросил Сын. — Что там интересного?

Хотя он учился в последнем классе школы, он все еще не отвык задавать вопросы.

— Увидишь, — сказал Отец. — Нужно знать не только тех, кто живет с тобой рядом, но и тех, кого уже нет на свете.

— Почему? — чуть не спросил Сын, но удержался. Все-таки он был почти взрослый парень и умел вовремя помолчать.

На кладбище было сухо и солнечно.

Отец с Сыном шли мимо могил с мраморными памятниками, с деревянными крестами и пирамидами, увенчанными звездочками. Они читали надписи на крестах и плитах, и Отец рассказывал Сыну о людях, погребенных под этими плитами.

На самом краю кладбища, там, где за оградой началось поле, рос могучий, узловатый дуб — единственный на всем погосте.

— Вот, — сказал Отец, — здесь похоронен самый замечательный человек, живший в нашем городе.

Сын удивился и посмотрел на Отца.

— Здесь?.. Но почему же нет ни памятника, ни креста, ни пирамиды со звездочкой?

— Он не верил в бога, — ответил Отец. — У него не было богатых родственников, чтобы поставить мраморный памятник, и, хотя он был солдатом, умер он после войны в своей постели.

— Кто же он был? — спросил Сын.

— Он был Школьный учитель. Он учил детей быть справедливыми, храбрыми и самоотверженными, когда многие заботились лишь о своем благополучии. Его ученики прославили не только наш город, но и нашу страну, весь наш народ. Они стали и солдатами, сложившими головы за Родину, и великими учеными, и мореплавателями, и кузнецами, и столярами, каких не знал мир. И самое главное, каждый из них был настоящим человеком.

— Но почему же город не поставил ему памятника? — воскликнул Сын. — Это неблагородно!

Отец немного помолчал и тихо промолвил:

— Так завещал Школьный учитель. Он сказал, чтобы его похоронили даже без надгробной плиты. Он сказал, что человеку, отдавшему жизнь другим людям, ничего не нужно после того, как кончится его жизнь. И еще он сказал, что природа воздаст каждому то, чего он достоин. И ты видишь, на могиле его вырос могучий дуб. На всем кладбище нет такого дерева.

Сын оглянулся. Вокруг росли сосны, березы, тополя, клены — и ни одного дуба.

Сын задумался и больше не задавал вопросов Отцу. Оба они стояли молча, склонив головы перед могучим дубом.

В это время к Отцу подошел Скучный мужчина и сказал:

— Позвольте вас на минуту. Я должен поговорить с вами наедине.

— Пожалуйста, — сказал Отец и отошел с ним в сторону.

— Послушайте, — строго проговорил Скучный мужчина. — Как вам не стыдно морочить голову мальчику?

— Не понимаю, о чем вы, — сказал Отец.

— Как вам не стыдно забивать ему голову вредной чепухой? Каждый знает, что мы должны свято чтить память наших предков. А вы? .. То, что вы говорите, непедagogично! Это недостойно гражданина нашего города! .. И наконец, это идеализм! .. Да, да, идеализм! — повторил Скучный мужчина и оттопырил нижнюю губу. — Дуб вырос, потому что здесь подходящая почва... Или, может быть, ветер занес сюда желудь с другого дуба... Вот и все! Ваш Учитель здесь ни при чем! .. А вы насаждаете мистику. Вы отравляете ядом мозги молодого создания...

• — Извините, — сказал Отец. — Мне некогда беседовать с вами.

И он ушел с Сыном с кладбища. Сын улыбался, а Скучный мужчина шипел им вслед:

— Мистика! .. Идеализм! ..

ВОЛНА И КАМЕНЬ

На берегу моря лежал Камень, огромный как гора. Никто и никогда не приближался к нему — ни человек, ни зверь. Птицы, летавшие из дальних краев в дальние края, не опускались ему на грудь, волны, шумевшие вдалеке, не добегали до него. Камень был одинок, так одинок, как бывают одиноки только камни.

Тысячи и тысячи лет лежал он и думал о том, как хорошо быть одному, потому что болтливые стрижи и синицы не смеют тревожить его, он думал о том, что минет еще тысяча лет, а он будет все таким же, как сейчас. Но больше всего Камень думал о море.

Изменчивое, оно пело и пенилось, манило к себе и гнало прочь. Но Камень был равнодушен к зову моря — так равнодушен, как бывают равнодушны только камни.

Он видел паруса, мелькавшие над зелеными волнами, видел, как волны ласкали и гладили борта кораблей, слышал песни людей, славивших море, видел, как эти волны, становясь свинцовыми, обрушивались на корабли, топили их, люди звали на помощь и проклинали море.

И снова море пело и пенилось, пенилось и пело. Снова мелькали белые паруса, и снова люди восхваляли море.

«Так вот оно, море, — думал Камень, — как хорошо, что оно не смеет приблизиться ко мне».

Однажды, когда Камень лежал и думал о чем-то очень умном и очень скучном, быстрая Волна подлетела к нему, ударила его в грудь, рассыпалась брызгами смеха и умчалась назад.

Камень не разглядел ее. Он запомнил лишь, что она была зеленой, как все остальные волны.

Это случилось утром. Ярко светило солнце, но жарче жгучих лучей его были соленые, острые брызги Волны.

В этот день Камень не размышлял о суетности всего земного, о том, что он избранный Камень среди других камней.

Весь день и всю ночь он думал о быстрой Волне.

Едва занялась заря, Камень начал ждать ее. Он зорко смотрел вдаль, где пело и пенилось море.

Волна подлетела к нему внезапно, и на этот раз он успел заметить, что она уже не зеленая, а синяя.

Синяя Волна прильнула к груди Камня, прошептала: «Я еще вернусь!» — и улетела.

Камень видел, как приняли ее другие волны, как подхватили в свои объятия, — и Камень застонал.

Назавтра Волна явилась опять. Теперь она была серебристо-серой, но Камень узнал ее издали по гибкой спине, какая была только у нее одной.

Серебристо-серая Волна рассказала Камню, что другие волны смеются над ней, но она любит его и будет верна ему всегда.

И Волна сдержала свое обещание. Она приходила каждый день, и несколько раз в день, и утром, и ночью.

Она всегда была разной, какими бывают только волны: то задумчиво-сиреневой, то гневно-фиолетовой, то счастливо-золотой.

Волна рассказала Камню о мире, который лежит за горизонтом, там, где море сливается с небом, — и Камень полюбил мир.

Камень переменился. Глубокие трещины, рассекавшие его могучее тело, поросли молодой травой, седой мох на груди зазеленел, птицы вили в нем гнезда и выводили птенцов. Камень не сердился на них. Напротив, Камню приятен был их трогательный лепет, наивные чувства, которые хоть немного, но все-таки походили на его огромную любовь.

Все радовались счастью Волны и Камня, и лишь завистник Уж, выползая погреться на солнце, шипел:

— Смешно, страшно смешно!.. Что он нашел в ней? Он стар, она молода. Она превратит его в песок.

Сколько лет Волна и Камень любили друг друга? Может быть, тысячи и тысячи лет, и Волна по-прежнему была прекрасной и юной, потому что волны и любовь не стареют никогда.

Но настал конец их счастью. Однажды Волна ушла и не вернулась больше, а вскоре за ней ушли и другие волны, ушло море.

— Видишь, она бросила тебя, — шептал завистник Уж, — я знал, что так кончится. Я предупреждал тебя, старик!

Но Камень не слушал его. Камень думал о своем.

Он и сейчас еще лежит на том берегу, где пенилось и пело, и пенилось море. Он смотрит вдаль и слышит голос:

— Я еще вернусь!..

Он ждет.

Он терпелив, как бывают терпеливы только камни.

ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ С КАЖДЫМ

Жил на свете Архитектор. Он был очень талантлив и очень беден. С утра и до вечера и даже ночью рисовал он воздушные замки и дворцы, а сам жил на кухне у старухи, вечно ворчавшей, что он не вытирает ноги у входа и зря жжет керосин. Все называли Архитектора смешным гордецом и удивлялись, почему самая красивая девушка в городе любит этого чудака, у которого рваные ботинки и пальцы желтые от табака.

Девушка была прекрасна, как утренняя звезда, и скромна, как незабудка.

— Это удивительная девушка, — говорил Архитектор, — она понимает искусство и любит меня, потому что я — гений.

Каждый день Архитектор и Девушка гуляли по городу, и он рассказывал ей, что наступит время, когда мир признает его и матери будут показывать на него детям и говорить: «Смотрите, вот идет знаменитый художник!» Девушка слушала Архитектора и шептала:

— Да, я знаю, так будет.

И Архитектор называл ее своей невестой и обещал, что они пожениятся, когда слава придет к нему.

Но слава не торопилась к Архитектору.

Однажды, когда Архитектор и Девушка сидели на бульваре и мечтали о будущем, Девушка сказала:

— Дорогой мой, прошу тебя, нарисуй домик, в котором мы будем жить, когда поженимся.

— Хорошо, — сказал Архитектор.

Он работал день и ночь, и еще день, и еще ночь и смеялся и плакал от радости, и сжег весь керосин, и старуха прогнала его из дому.

Когда Архитектор принес свой проект и развернул его перед Девушкой, он ждал, что она вскрикнет от восторга, потому что это было чудо искусства, лучшее из созданного им.

Девушка посмотрела на рисунок и сказала:

— Наверное, это очень хорошо, но это совсем не то, о чем я мечтала. Ты нарисовал дворец для королевы, а я хотела, чтобы это был маленький домик с кухней и детской.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве, — сказал Архитектор, — ты такая же, как все женщины.

И он ушел, а Девушка сидела на бульваре и плакала.

Прошло много лет. Мир признал Архитектора, и матери показывали на него детям и говорили:

— Смотрите, вот идет знаменитый художник.

Но Архитектор по-прежнему жил один. И однажды, когда ему стало скучно, он сел и нарисовал маленький домик с кухней и детской.

Каменщики построили этот домик, и Архитектор поселился там с женщиной, которая бранила его, потому что хотела жить во дворце, роскошном, как у королевы. И Архитектор жил с ней и грустил о Девушке, прекрасной, как утренняя звезда, и скромной, как незабудка.

А Девушка давно вышла замуж и жила в одном из роскошных дворцов с важным и скучным человеком и тосковала о маленьком домике с кухней и детской и о смешном чудаче, у которого были рваные ботинки и пальцы желтые от табака.

КРАЙ СВЕТА

Была осень, и дождь, и ржавые листья в лужах.

По бульвару, взявшись за руки, как дети, шли Юноша и Девушка.

Свет от фонаря упал на лицо Девушки, и спутник увидел, что она красива.

— Я люблю тебя, — быстро прошептал он, — ты как солнце, как жизнь. Я готов пойти за тобой на край света! А ты?

Девушка улыбнулась. Капли дождя дрожали на ее ресницах. Она была прекрасна.

Спустя месяц была зима, и снег, и кружева мороза на стеклах. В комнате сидели двое — Мужчина и Женщина. Мужчина брился, а Женщина смотрела, как стынет мыльная пена у него на щеках.

— Когда мы пойдем на край света? — тихо спросила Женщина.

Мужчина ничего не ответил и подложил язык под щеку.

— Когда мы пойдем на край света? — настойчиво повторила женщина.

Мужчина хотел что-то сказать и порезался.

— Не болтай глупости, — пробормотал он.

— Ты же обещал мне.

Мужчина опять хотел что-то сказать и опять порезался.

— Не будь душой, никакого края света нет. Ты ведь знаешь, что земля круглая.

Женщина промолчала и ушла. Он искал ее повсюду и нигде не мог найти.

Говорят, что она ушла на край света с другим.

ТОНКАЯ НАТУРА

На зеленом бархатном лугу, там, где цветут фиалки и перезваниваются по утрам лиловые колокольчики, росла Бледная роза.

Она была очень бледна, все время грустила и жаловалась, что ей, такой красивой, бледной городской красавице, приходится жить рядом с колхозными ромашками и одуванчиками.

— Это кошмар, — шептала она, — я создана для трелей соловья, а здесь трещат кузнечики. У меня от их шума лепестки вянут.

— Жу-жу-жутко! — поддакивал ей Черный жук. — Уж-жас!

Удивительно несимпатичная личность был этот Жук. Ворчун и придира. Все ему не нравилось. Солнце — почему оно жаркое, дождь — отчего он мокрый. Бабочек порицал, зачем они порхают, гусениц осуждал за то, что они медленно движутся, про маки выдумал, будто они красятся, гвоздике сказал, что от нее дурно пахнет.

Лежит как-то Черный жук у маленькой лужицы, смотрится в нее, жужжит:

— Я ужасно красивый, я черный, я блестящий. Лучше меня никого нет.

Жужжал, жужжал и пополз. Подполз он к Бледной

розе. Она только что проснулась и вся дрожала от холода, а Черный жук вообразил, что Бледная роза трепещет от страсти, увидев его.

Черный жук остановился и начал жужжать еще сильнее:

— Не бойтесь, не бойтесь, я не сделаю вам ничего плохого.

— Кто вы? — спросила Бледная роза. — Вы соловей?

Подумайте только — принять навозного жука за соловья! Вот что значит тепличное воспитание!

— Нет, это не соловей... Это я, я, самый красивый, самый черный, самый блестящий. Меня зовут Жу-жу-жук... Заметьте, какие красивые слова начинаются со звука «ж»: жизнь, жасмин, жемчуг, жена...

— Жена, — вздохнула Бледная роза, — мама хотела, чтобы я вышла замуж за Тюльпана. Правда, он был уже стар, но зато занимал видное положение. И вот теперь я здесь, в деревне, одна...

— Я с вами, — прогудел Черный жук, — я сумею оценить вас. Вы изящная, в вас столько очарования, женской нежности.

— Как красиво вы говорите, — прошептала Бледная роза. — В наше время никто так не умеет говорить. Сразу видно интеллигентного мужчину. Наверно, вы раньше тоже жили в столице?

— Да, — бархатным баритоном пропел Черный жук, — но я уехал оттуда, я почувствовал, что на свете есть вы. Я не мог жить без вас. Мы созданы друг для друга. Вы бледная, а я черный, блестящий. Черное и белое рядом — так красиво!

— Так стильно, — прошептала Бледная роза.

В это время мимо пролетел Золотой шмель. Он прогудел: «Жж!.. Жж!..»

— Видели этого Шмеля? — спросил Черный жук. —

У него недостойный моральный облик. Он прыгает с цветка на цветок, гонится за новыми ощущениями. А я — однолюб. Я обож-жаю вас, обож-жаю... Жить стоит только друг для друга.

Тут он коснулся усиками стройной ножки красавицы Розы и пополз вверх, подбираясь к ее головке.

Утром на том месте, где цвела Бледная роза, лежали сухие, все в дырах, лепестки.

Черный жук полз по зеленому бархатному лугу и жу-ждал:

— Не вижу ничего хорошего в этих травах. Я еще най-ду отличную помойку. Не может быть, чтобы их все за-крыли.

!

ЛЩ 025300, ЛЩ 025320

Она сидела на высоком табурете в кассе. Булочная была маленькая, покупателей немного — жители соседних домов да случайные прохожие.

Кассирша знала почти всех покупателей, и они знали ее. Входя в булочную, они приветливо здоровались, а она советовала им, какой выбрать товар.

На столике в кассе раскинулись голубым веером лотерейные билеты. Они были очень похожи друг на друга, но все-таки разные. На каждом — напечатаны буквы серии и номер. А для лотерейного билета это то же самое, что для человека его имя и фамилия.

Отсчитывая сдачу, кассирша говорила:

— Не хотите ли купить билет? Вы можете выиграть ковер, или телевизор, или другую хорошую вещь.

Покупатели отвечали:

— Спасибо, я не раз ожегся на этих билетах.

— Извините, но я лучше буду рассчитывать на свои руки и голову, чем на случай.

— Почему бы не попытаться? Трата пустячная, а вдруг...

— Давайте попробую. Моему приятелю недавно чуть не повезло, один номер не совпал.

Постепенно голубой веер становился меньше и меньше, и наконец остались только два билета: ЛЦ 025300 и ЛЦ 025320.

— Бедненькие вы мои, — погладила их кассирша быстрыми, легкими пальцами. — Никому вы не нравитесь, а ведь вы не хуже других.

Ночью, когда в булочной было темно и тихо, билеты затеяли беседу. Первым заговорил ЛЦ 025300. Он появился на двадцать номеров раньше брата и поэтому считал себя гораздо умнее и опытней.

— Странная женщина, — насмешливо прохрустел он. — Жалеет нас! Если мы так долго лежим здесь, значит, в нас что-то есть. Люди суетливы и недогадливы. Они хватают первое попавшееся им под руку и не замечают настоящих ценностей. Клянусь своими нулями, я выиграю большую черную машину, а ты, по крайней мере, мотоцикл или велосипед.

— Не знаю, — задумчиво сказал ЛЦ 025320, — не знаю, что мне выпадет. Но пусть это будут хотя бы часы или электробритва.

— Бритва! .. Такая мелочь! .. Право же, ты совсем лишен честолюбия! Подумать только, что мы напечатаны на одной и той же бумаге! ..

— Все равно! Пусть будет хотя бы авторучка. Это же прекрасно принести людям какую-нибудь радость. Я сам стою так мало.

— Каждый стоит то, чего он стоит! — назидательно изрек ЛЦ 025300. — Нет, ты далеко не пойдешь! .. Авторучка! .. Какая чепуха! .. Надо выиграть так, чтобы тобой восхищались, тебя благодарили всю жизнь. Будь уверен, что я сумею достичь этого!

Он долго и напыщенно рассуждал о своем предназначении, а ЛЦ 025320 не слушал его и спал.

На следующее утро в булочную пришла женщина с

большой сумкой. Она поговорила с кассиршей о делах, пожаловалась на то, что сейчас лето, трудно вести хозяйство, продукты портятся, а холодильника нет.

— Это очень плохо, — сказала кассирша и предложила: — Купите лотерейный билет.

ЛЩ 025320 задрожал от нетерпения, так ему хотелось, чтобы женщина выбрала его, а ЛЩ 025300 презрительно подумал:

«Нет, эта покупательница не для меня. Очень уж робкие у нее желания».

— Вы советуете? — спросила кассиршу женщина. — Знаете, я невезучая, но риск невелик.

— Я принесу тебе счастье! — воскликнул ЛЩ 025320.

Словно услышав его, женщина взяла билет, положила в большую сумку, где уже лежали хлеб, булки и приземистые пакеты с сахарным песком.

— Не забудьте только сообщить, — попросила кассирша, — если счастье улыбнется вам.

И сама улыбнулась.

Она умела так хорошо улыбаться, кассирша, что ни один покупатель, хоть раз побывавший в этой булочной, уже не заходил в другую.

— Ну вот, — сказала кассирша последнему лотерейному билету. — Ты и остался один. Ничего, найдется и на тебя охотник.

«Конечно найдется, — подумал ЛЩ 025300, — и, разумеется, это будет человек достойный меня».

ЛЩ 025320 поселился в квартире, где жила женщина с мужем и детьми. Нового жильца поместили на туалетном столике в хрустальной вазе, и он лежал там, любуясь своим отражением в зеркале.

Старший брат прозябал в булочной.

Ожидая, когда придут за ним, он посерел от скуки и злости, но по-прежнему держался гордо и сухо.

Однажды в булочную пришел низенький, толстый мужчина. Неторопливо вышагивая, он торжественно нес свой круглый, тугой живот. Он был очень важен, этот покупатель. Нельзя было понять, как могло уместиться столько важности в таком маленьком человечке.

Важный покупатель выбрал две сайки и протянул кассирше деньги с таким видом, будто сделал ей одолжение.

Кассирша не решилась улыбнуться напыщенному коротышке, а он ткнул пальцем в лотерейный билет:

— Дайте этот.

Кассирша сидела на высоком табурете, а маленький человек из гордости никогда не говорил больше двух слов людям, которые были выше его.

— Пожалуйста, — сказала кассирша. — Говорят, последний билет самый счастливый.

— Чушь! — вознегодовал ЛЩ 025300. — Я не последний, я — единственный.

Важный покупатель посмотрел билет на свет, сложил пополам и засунул в бумажник. В бумажнике было темно, душно, пахло кожей, но ЛЩ 025300 не унывал.

— Ничего, ничего, потерплю немного. Скоро розыгрыш. Тогда все поймут, чего я стою.

Спустя две недели маленький важный человек протянул голубой билет контролеру:

— Вот!

Контролер внимательно посмотрел на билет, потом взглянул в газету с таблицей и сказал:

— Поздравляю, стиральная машина.

ЛЩ 025300 чуть не задохнулся от обиды.

— Стиральная машина!.. Не может быть! Это ошибка! Недоразумение!.. Я не мог выиграть такой жалкий предмет!.. Я самый совершенный из всех билетов на свете!

Однако он не склонен был предаваться печальным размышлениям и тотчас же утешил себя:

— Все-таки стиральная машина тоже полезная вещь.

— Возьмете машину или деньгами? — спросил маленького человека контролер.

— Деньгами.

Выигрыш, по его мнению, был незначителен и поэтому не стоило тратить больше одного слова.

Контролер больно ударил резиновой печаткой по лотерейному билету, простриг в нем ромбовидное отверстие и передал билет сидевшему рядом кассиру. Маленький человек уложил деньги в бумажник и не спеша, вышагивая короткими ножками, бережно унес свой круглый живот.

— Куда же он уходит? — недоумевал ЛЩ 025300. — Почему он не взял меня? .. Он должен положить меня на самое почетное место, любоваться мной! .. Он еще вернется, я знаю!

Но маленький важный человек не вернулся, а ЛЩ 025300 вместе с другими выигрышными билетами запаковали в пачку, отправили в большой город и сожгли. Так всегда поступают с выигрышными билетами.

ЛЩ 025320, ничего не зная об участии, постигшей его старшего брата, продолжал лежать в хрустальной вазе, пока хозяйка не вспомнила о нем.

— Тьфу ты! — воскликнула она. — Совсем закрутилась с делами.

Она взяла билет и побежала в сберегательную кассу.

— Посмотрите, пожалуйста, — сказала она, — может быть, мне повезло и я выиграла холодильник?

Контролер внимательно посмотрел на билет, потом взглянул в газету с таблицей и сказал:

— Нет, ничего нет.

И вернул билет.

— Жаль, — сказала женщина, — а я так надеялась. Ну, ничего не поделаешь.

Она бросила ЛЩ 025320 в деревянный ящик, где уже лежали другие билеты и разная бумага.

Бедняжка ЛЩ 025320 ужасно огорчился.

— Ах, как досадно! Я ведь хотел выиграть ей хотя бы авторучку.

Но ему не пришлось долго размышлять над своей грустной судьбой. Скоро его вместе с другими билетами и хорошей бумагой, попавшей в ящик, отправили на бумажную фабрику и там...

Впрочем, неизвестно, что там случилось с ним. Может быть, он снова стал лотерейным билетом и выиграл телевизор или большую черную машину? Может быть. Говорят, такое случается с билетами, которые очень хотят принести людям счастье.

СМЫЧОК И СКРИПКА

Скрипка и Смычок не расставались никогда. Это ужасно не нравилось старому, одинокому Барабану.

— Позор, какой позор! — бубнил он. — Где же ее гордость и достоинство? Быть первой скрипкой и позволять обращаться с собой будто с обыкновенным бревном! Он пилит ее каждый вечер. Он терзает ее, заставляет рыдать. Послушаешь, право, готов лопнуть от жалости.

— Скрипка умеет и смеяться, — пропела Гитара, — а вот я совсем лишена юмора.

— Поживите с таким типом, и вы станете истеричкой, — не унимался Барабан.

— Ха-ха-ха! — захохотал Саксофон. — Ничего не поделаешь, мы, мужчины, теперь в цене.

— Глупости! — басил Барабан. — Не судите о всех по танцплощадке. Посмотрите вокруг. Наша красавица Арфа живет одна и отлично выглядит. Или, например, Гармонь. Ее одиночество даже в песне прославили.

— Дорогой Барабан, не фальшивьте, — возразила Гитара. — Гармони тоскливо. В песне сказано: «Будто ищет в потемках кого-то и не может никак отыскать».

— Не придирайтесь. Я расстроен. Я знаю, чем все это кончится. Смычок бросит Скрипку и уйдет к какой-нибудь Виолончели.

— Я попросила бы вас, — обиженно прогудела Виолончель, — у меня есть свой...

— Виноват, — бухнул Барабан, — я ничего такого не хотел сказать. Просто я не понимаю, какая польза нашей Скрипке от Смычка? Подумайте, она ездит с ним повсюду, трясется по разбитым дорогам, выступает в деревенских клубах. А что у них дома? Один старый футляр на двоих!.. Вот ее приятельница, тоже скрипка, недавно вышла на пенсию и живет в музее, в роскошном зале. А эта носится со своим Смычком! Зачем?

— Может быть, она любит его, — вздохнула Гитара.

— Любит? — удивился Барабан. — Да известно ли вам, что они живут вместе уже тридцать лет?

— Тридцать лет! — прозвенела красавица Арфа. — Прожить вместе тридцать лет и еще уметь смеяться и плакать... Как это прекрасно!

— Ерунда, ерунда! — бубнил Барабан. — Это совсем несовременно.

Он бубнил, злился и сох от одиночества, пока окончательно не расстроился и не рассохся.

На днях его сдали в утиль.

А Скрипка и Смычок продолжают жить вместе и смеются и плачут и заставляют всех вокруг смеяться и плакать.

И это прекрасно!

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Не то в Милане, не то в Неаполе, а может быть, и в Мантуе жила синьора Логика.

Она была нестара, недурна собой и к тому же пользовалась репутацией умной женщины. Однако дружили с ней больше всего пожилые мужчины, женщины же недолюбливали ее, а синьориты Беспечность и Ветренность даже называли ее за глаза ханжой и пугалом.

И представьте себе, у синьоры Логики была подруга, синьора Фантазия.

Этого никак не мог понять синьор Рассудок.

— Извините, милейшая Логика, — говаривал он, — мы давние приятели, но я не в силах объяснить, что связывает вас с таким вздорным существом? Берегитесь, она собьет вас с толку.

— Не тревожьтесь, — тонко улыбалась Логика, — со мной этого не случится.

И вот однажды, когда Фантазия осталась ночевать у подруги, а та лежала с ученой книгой в руках, Фантазия сказала:

— Милая, как ты красива!.. Но почему ты живешь одна? Ты должна выйти замуж.

— Это мысль, — сказала Логика. — Но за кого?

— Не бойся, я найду тебе подходящего мужа.

На следующий день она пришла с женихом. Он был рассеян, небрежно одет и растрепан.

— Познакомься, это синьор Талант, — сказала Фантазия.

— Очень рада видеть вас, — сказала Логика.

Потом синьора Логика и синьор Талант сидели рядом. Она задавала ему самые трудные загадки, а он тотчас же отгадывал их, и Фантазия, решив, что дело сделано, исчезла.

Она появилась через месяц и застала подругу в одиночестве.

— Милая, — удивилась Фантазия, — а где же синьор Талант?

— Мы не сошлись характерами, — сухо ответила Логика, — и это хорошо. Лучше, когда это выясняется до свадьбы. Я не спорю, он смел, оригинален, однако не годится в мужья. Во-первых, он расточителен, во-вторых, не признает правил и выходит из рамок, в-третьих, непременно все хочет сделать по-своему, в-четвертых, не любит сидеть дома и предпочитает моему обществу компанию Гения, в-пятых. . .

Логика так долго перечисляла недостатки Таланта, отщелкивая их на счетах, что Фантазия соскучилась. Она покинула подругу и спустя два дня привела нового жениха.

— Познакомься, душенька, — сказала она, — это синьор Юмор.

— Очень рада, — сказала Логика и, взглянув на жениха, невольно улыбнулась.

Минуло три недели, и она говорила Фантазии:

— Да, он мил и забавен, твой Юмор. Сказать по правде, мы весело проводили время. Но, знаешь ли, он ни к чему не относится серьезно, даже к синьору Рассудку. А ведь серьезность — главное в браке. Конечно, он

симпатичен, и отец его, Смех, славный старик, но его ма-тушка Ирония... Опасно иметь такую язвительную све-кровь.

— Милая, ты слишком разборчива, — сказала Фанта-зия, — на тебя не угодишь. Ничего, я попробую еще раз.

Вскоре с ней пришел синьор Темперамент.

Лишь только жених и невеста остались одни, синьор Темперамент, упав на колени, воскликнул:

— Дорогая моя, я люблю вас!

— Я не верю в любовь с первого взгляда, — потупи-лась Логика. — Любовь — это общность духовных интере-сов. Прежде чем сделать шаг, нужно...

— Я люблю вас, — шептал, подкручивая ус, Темпера-мент, — вы прекрасны, как сны моего детства, вы — луч-шая из сказок!.. Позвольте мне быть вашим рабом, це-ловать следы ваших ног.

У Логики закружилась голова.

— Будьте моей, — жарко настаивал Темперамент, сжимая ее в объятиях.

— Нет, нельзя так сразу, не сейчас, — лепетала Ло-гика, чувствуя, как слабеют ее логические способности. — Я прошу вас, приходите завтра.

Назавтра Темперамент опять клялся в любви, грозил, что покончит с собой, а Логика опять твердила:

— Завтра.

На третий день он не пришел, и все видели, как он разгуливал по главной улице, подкручивая ус и обнимая за плечи синьориту Чувственность.

— Он аморален, — обиженно сказала Логика.

— Боюсь, ты останешься старой девой, — сказала Фантазия.

И подруги поссорились.

Снова синьора Логика зажила уединенной жизнью. Но,

должно быть, ей очень хотелось посрамить Фантазию, и она сама нашла себе жениха.

Его звали Расчет. Он был аккуратен, умерен, не позволял себе ничего лишнего в поступках и суждениях.

Они поженились.

Синьор Рассудок и синьора Добродетель поздравили молодых супругов, пожелали им долгих лет счастья и хорошего потомства.

— Мы не будем с этим спешить, — сказала Логика.

— Торопливость здесь неуместна, — согласился Расчет.

Через десять лет у синьоры Логики и синьора Расчета родилась двойня — сын Абсурд и дочь Нелепость.

КОЛОДЕЦ

Расулу Гамзатову

В одном селении на юге, где солнце нещадно палит летом и зимой и можно сосчитать по пальцам все капли дождя, жил темный Колодец.

Он был очень глубок и очень гордился этим.

— Только ты можешь постичь до дна мою глубину, — говорил Колодец железному Ведру. — Чего стоит рядом со мной мудрость мудрецов? Мудрые люди стареют, их мысли становятся мелкими и плоскими, а я всегда глубок. Недаром луна засматривается на меня, а молоденькие звезды теряют от любви ко мне голову и падают с неба. Я нужен всем. Не будь меня, в этой деревне давно бы никого не осталось в живых. Ты согласно со мной?

— Согласно, согласно, — позвякивало Ведро.

— Но скажи, почему я так глубок? — настойчиво спрашивал Колодец.

— Ты глубок потому, что темен, и темен потому, что глубок.

И Колодец говорил, что Ведро обладает железной логикой и мыслит свободно и смело, хотя и приковано к цепи.

Шли годы. Колодец старел. Зеленый мох между его венцами стал седым, все меньше и меньше воды поднимало Ведро, и вот однажды вытащило лишь песок.

На следующее утро Колодец напрасно ждал Ведро.

Оно не явилось ни днем, ни вечером, не звенело цепью, не рассказывало, как жарко и пыльно на земле и как холодно и хорошо на дне Колодца.

— Что случилось с моим верным другом? — беспокоился Колодец. — Должно быть, оно утомилось опускаться низко и подниматься высоко и решило немного отдохнуть. Правда, оно железное, но и железо может устать.

Минула неделя, другая. Ведро не появлялось. Затем Колодец плотно прикрыли толстой доской, и он уже не видел ни луны, ни звезд.

— Что произошло там, на земле? — скрипел Колодец. — Где мое Ведро? Почему все забыли меня?

— Ты иссяк и больше не нужен, — прошамкал сморщенный Гриб, поселившийся во мху между бревнами Колодца.

— Что значит «иссяк»? Разве я не глубокий, как прежде?

— Ты по-прежнему глубокий, но в тебе нет ни капли влаги. Люди вырыли другой колодец. Он мельче, но в нем много воды.

— А Ведро? Где мое Ведро?

— Твое Ведро опускается в новый источник влаги.

— Позор, предательство! — возопил Колодец. — Сколько лет я позволял ему опускаться ко мне на дно и пользоваться моей глубиной. И вот оно изменило мне, перебежало к другому, к тому, кто мельче меня. Какая неблагодарная, железная душа у этого Ведра!

— Ты не понимаешь, — прошепелявил Гриб. — Ведру нужна вода. Ведро ушло по воду.

— Нет, нет, я никогда не пойму этого, — скрипел Колодец, — променять меня на какую-то воду!

Так он высох окончательно и ничего не понял, этот Колодец. Да и где ему понять! Ведь он был не только глубокий, но и темен.

ПРИНЦ ТРИ-ТРУ

Жили-были папа Король, недалекий отсталый старик, и дочь Принцесса, вполне современная девица.

Папа Король был слаб здоровьем, боялся, что скоро протянет ноги, не дождавшись, когда единственная наследница выйдет замуж, станет матерью и подарит ему внука.

— Малышка Лу, — часто спрашивал папа Король, — не думаешь ли ты, что тебе уже пора... Если бы ты только захотела... Твоя юность, красота...

— Ха! — восклицала Принцесса. — Не будем спешить. Пусть выскакивают замуж разные там низкооплачиваемые фрейлины. Слава богу, у меня королевская жилплощадь и мой папочка пока еще обеспечивает меня.

— Хорошо, дитя мое, — соглашался папа Король и откладывал разговор.

Каждое утро усаживался он в сторожевой башне и, приложив подзорную трубу к глазам, смотрел, не появится ли на дороге золоченая карета, а в ней жених со шпагой, усыпанной бриллиантами.

Светлому королевскому взору открывались замки вельмож, хижины селян и толпы оборванцев.

— Неужели это моя страна? — удивлялся Король — Не может быть!.. Я же читал в газетах и слышал по радио, что у нас королевство всеобщего благоденствия.

Он переворачивал трубу обратной стороной, и неприглядная картина отодвигалась вдаль. Король облегченно вздыхал:

— Ну да, разумеется, это не у нас. Это у других.

Однажды он задержался в сторожевой башне до позднего вечера. Во дворце шла праздничная уборка. Король, как всякий мужчина, этого терпеть не мог.

Принцесса, непричесанная, лежала на постели, уткнув свой нестандартный нос в детектив.

— Хо! — взвизгивала она. — Ха! — и била голыми пятками одна о другую.

В это время в зале главных церемоний мебель была сдвинута к стенам, посредине зала стояло ведро с мастикой и кистью, а на королевском троне, дымя сигаретой, развалился здоровенный парень, босой, в одних джинсах.

«Вот черти драповые, — лениво размышлял парень, — отмахали комнатищу, семь потов сойдет, пока с ней управишься. Да, нелегкая работенка. Двигай ногами целый день. Лучше быть лодочником... Хотя тоже ничего хорошего — намахаешься руками, потом спину не разогнешь... Или неплохо бы — кучером. Сидишь на козлах, посвистываешь, а лошадка бежит и бежит... Нет, тоже мало приятного, потом возись с этими лошадьми — запрягай, распрягай... Нет, лучше бы сейчас посидеть в трактире у Мариты. Ты, значит, сидишь, пиво холодное попиваешь, раками закусываешь, а здесь за тебя щетка-самотерка действует. Прибыл сюда, все уже готово — будьте добры, получайте денежку. Ну, ты сразу домой, переоденешься, лютю захватишь и в Королевский парк на гулянье, а там кого нравится выбирай, хочешь — Элиду-прачку, а хочешь — Эльвиру-кружевницу. Вот это жизнь!.. Будь бы я королем, я бы...»

Не успел он придумать, что бы он сделал, как двери

в зал главных церемоний распахнулись и на пороге появилась Принцесса.

Она кончила читать и от нечего делать пошла прошиваться по дворцу.

Сердце у Принцессы забилося так же, как у ее прапрабабки, когда та впервые увидела своего будущего супруга в серебряных латах.

Взглянув на Принцессу, парень улыбнулся. Ему приглянулась гладкая девчонка с круглыми коленками.

— Привет! — сказал он. — Это кто же ты будешь? Из горничных, что ли?

— Я Принцесса, — ответила Лу.

Парень бросил сигарету в ведро с мастикой.

— Принцесса!.. А как зовут?

— Можешь звать меня просто Луша, — милостиво разрешила Принцесса, которая, как все современные девицы, сразу же переходила с молодыми людьми на «ты».

— Годится! — сказал парень. — А я — Дудуша, — и встал с трона.

«Метр девяносто!» — мысленно прикинула Принцесса, почувствовав странную слабость в коленях.

— Чего смотришь? — спросил Дудуша. — Помоги-ка мне справиться с этой дурой.

И он непочтительно ткнул в сторону трона.

— Порядок! — сказал Дудуша, когда трон был отодвинут в сторону, и, надев на правую ногу щетку с кожным ремнем, начал неохотно двигаться по залу, медленно размахивая в такт руками.

— Прелестно! — пискнула Принцесса. — Что это за танец?

— Этот танец три-тру называется, — усмехнулся Дудуша. — Надевай щетку и шагай за мной.

Принцесса торопливо просунула под ремень свою

маленькую ножку и начала двигаться вслед за Дудушей. Но хотя ее высочество имела призывы за исполнение новейших танцев, на этот раз у нее ничего не получалось. То она скользила и шлепалась на пол, то щетка срывалась с ноги и летела через весь зал.

— Эх ты! — покачал головой Дудуша. — И зачем вас только тут держат?

Он прихватил Принцессу за плечо грубой рукой:

— Поехали!.. Шире шаг!.. Раз, два... Вот так!.. А ну, давай теперь сама.

Он отпустил Принцессу и, усевшись на троне, продолжал командовать:

— Раз, два!.. Раз, два!.. Не прыгай!.. Молодец!.. Вот так... А из тебя выйдет толк.

В это время в зал вошел папа Король. Дудуша не узнал Короля, потому что видел его величество лишь на портретах — молодым, завитым, в адмиральском мундире, с алой лентой через плечо и орденом Святого Льва величиной с обеденную тарелку. Сейчас же перед ним явился облезлый старикашка, в халате и выцветшем колпаке.

Увидев, что здесь происходит, папа Король лишился дара речи, а Принцесса, ничуть не смутившись, помахала ему рукой.

Папа Король стал красным, как помидор.

— Что?.. Что это значит? — еле выговорил он.

— А ну, не мешай, папаша, дай девчонке уборочку закончить, — ласково сказал Дудуша.

Папа Король стал желто-зеленым, как перезрелый огурец.

— Молчать, болван! — рявкнул его величество во весь голос. — С кем ты разговариваешь?.. Я — Король.

Дудуша от смеха едва не упал с трона.

— Короли!.. Да что вы все здесь — спятили?

Папа Король от ярости стал синим, как баклажан. Он затопал ногами:

— Стража, сюда, ко мне!.. Стража, сюда!

Королевские стражники дулись в кости во дворе и не сразу услышали своего повелителя.

— Успокойся, папочка, — вмешалась Принцесса. — Все знают, кто ты. А это — Дудушка. Он очень милый.

— Стража, ко мне! — бушевал Король.

Наконец явились двое стражников, злые потому, что их оторвали от любимого занятия.

— Взять его, — приказал Король, показывая на полотера.

— Не смей! — закричала Принцесса.

— Арестовать!.. Посадить!.. Испепелить!.. — надрывался Король.

— Не позволю!.. Это мой жених! — объявила Принцесса.

Стражники топтались на месте, не зная, что делать.

Выручил всех Дудуша.

— Ладно, ребята, — сказал он. — Пойдемте.

И, захватив ведро с мастикой, ушел из зала.

Стражники поплелись за ним.

— Верни его, сейчас же верни! — завизжала Принцесса, как только Дудуша покинул зал. — Извинись перед ним.

— Позор, позор! — стонал папа Король. — Принцесса и полотер!

— Молчи!.. Ты не видел, какая у него фигура!.. Я люблю Дудушу и буду его женой.

— Через мой труп! — твердо сказал папа Король.

— Хочу Дудушу!.. Хочу Дудушу! — закричала Принцесса и убежала к себе в опочивальню.

К ужину она не вышла, сказавшись больной. Папа Король созвал медицинских светил.

— У нее сердечная недостаточность, — сказал дворцовый Кардиолог.

— Она видит все в ложном свете, — заявил королевский Окулист.

— Она не слышит голоса здравого смысла, — поставил диагноз придворный Отоляринголог.

— Лечите ее, ничего не жалея, — повелел Король.

Светила принялись лечить Принцессу, не жалея ее сил и королевских денег. Принцесса чахла, тихо твердя:

— Дудуша, Дудуша...

Тогда папа Король по совету своей фаворитки обратился к Тайному советнику сексологии. Тайный советник обругал светил шарлатанами и сказал, что ее высочеству не нужны никакие лекарства, кроме Дудуши.

— Как? — недопонял папа Король.

— Выдайте ее замуж за этого Дудушу, иначе она иссохнет от тоски.

Папа Король пришел в отчаянье, но, подумав, решил, что этот брак может оказать благотворное влияние на народ, который увидит в нем демократизацию страны.

После того, как Лорд-информатор собрал справки о политической благонадежности Дудуши и его моральном облике, Король уступил.

Дудуша тоже не возражал. Правда, трактирщица Марита была толще, прачка Элида веселее, а кружевница Эльвира румянее Принцессы и всем трем он клялся в любви, обещая жениться, но все-таки принцессами не бросаются, и, когда старик Король помрет, Дудуша сядет на трон и сумеет помочь своим подружкам так, что они будут до гроба благодарить его.

Свадьба была торжественная. Завитой, в нарядном

камзоле, принц Три-Тру (такой титул был присвоен Дудуше) сидел рядом с Принцессой, исцелившейся от всех болезней. На ней было надето люкс-платье, как утверждала королевская портниха, или, вернее, почти ничего не надето. Принц Три-Тру кубками глотал столетнее вино и хватал невесту за открытые коленки. Она призывно хихикала, а молоденькие камеристки чернели от злости.

После ужина все танцевали новый танец три-тру. Папа Король поскользнулся, ушиб свою слабую головку и через неделю умер.

Принцесса стала Королевой.

В канун коронации Дудуша приказал дворцовому кладовщику принести на примерку корону.

Это распоряжение было отменено Лордом хранителем порядка.

— Ваше высочество, — почтительно склонился он перед Дудушей, — должен вас огорчить, но по законам нашей страны, установленным еще тысячу лет назад, королем может быть только тот, кто происходит из королевского рода, вы же...

На минуту он замялся, а потом продолжал еще любезней:

— Вы же останетесь принцем Три-Тру и счастливейшим из супругов.

— Вот еще новости! — буркнул Дудуша. — Жена — королева, а муж кто?.. Не желаю!.. Должен я чем-нибудь заниматься?

— Самое трудное искусство заключается в том, чтобы ничего не делать, — сказал Лорд хранитель порядка, — этим искусством владеют лишь высочайшие особы. Привыкайте, ваше высочество.

Прошло время, и принц Три-Тру, постигнув науку безделья, стал считать себя занятым человеком.

Вставал он поздно и, прежде чем подняться с постели, долго раздирал обеими руками слипшиеся веки. Затем шагал в ванную комнату, мок в теплой душистой воде, пока тело его не становилось розовым. Тогда он вылезал из ванны, накидывал халат и вызывал королевского ногтестрига.

Развалиясь в мягком кресле и скрутив из газеты сигарку (табак был из сигар лучшего качества), Три-Тру совал в лицо ногтестригу свои выдающиеся конечности и спрашивал:

— Скажи, приятель, видел ты у кого-нибудь из ваших дворцовых кляч такие ножки?

— Никогда, ваше высочество, — признавался мастер, стараясь отодвинуться чуть подальше.

— То-то же! — ликовал Три-Тру. — А ну, займись ими, дружок. Немало эти мозолистые ножки поработали на вас.

Мозолей у Три-Тру давно уже не было, но он любил вспоминать о них.

Ногтестрига сменял цирюльник.

— Сукин ты кот! — орал на него Три-Тру. — Привык угождать начальству, а своего брата работягу и завить как следует не можешь.

Покончив с утренним туалетом, Три-Тру садился завтракать. Ел он самые изысканные блюда и требовал от править поваров на виселицу, уверяя, что они готовят хуже, чем в последней харчевне, но при этом нажирался так, что трое лакеев, бывшие цирковые силачи, с трудом выволакивали его из-за стола.

Время от завтрака до обеда было у принца заполнено. Он принимал дворцовых портных, шапошников, сапожников, шивших ему самые модные на свете камзолы, панталоны и шляпы.

Как-то Лорд хранитель порядка намекнул принцу, что

его гардеробные расходы могут разорить королевство. Принц Три-Тру назвал Лорда жмотом и пригрозил Королеве разводом. Королева испугалась неслыханного скандала и умолила Лорда не сокращать трат принца.

Разделавшись с портными, сапожниками и шапошниками, проверив, что супруги нет дома, принц Три-Тру начал звонить по телефону своим бывшим подружкам. Всех он называл милыми девочками, хотя они уже стали женами и матерями семейств. Три-Тру жаловался им на свою тяжелую жизнь, на эту старую дуру Королеву и злился, когда они, не дослушав его, отправлялись стирать белье и кормить мужей.

После обеда Три-Тру спал, потом зевал у телевизора и оживлялся, если показывали петушинные бои.

Он болел за команду «Королевских гребешков» и, когда она проигрывала «Дворцовым шпорам», свистел, заложив два пальца в рот, и хватался за сердце.

В одно прекрасное утро народ прогнал Королеву, Лорда хранителя порядка и всех прочих лордов, фрейлин и камеристок.

Они бежали, не подумав даже о принце Три-Тру, который в это время мусолил новый «Журнал камзолов».

Королева долго моталась из страны в страну, предлагая свои услуги, но должности королев были либо заняты, либо сокращены. Отчаявшись устроиться по специальности, она решила преподавать детям иностранные языки, однако родители предпочитали учителей с высшим образованием, а Королева окончила только среднюю Дворцовую школу.

Впав в уныние, она пошла в Заведение балльных танцев и показала там танец три-тру. Хозяин Заведения сказал, что танец устарел, но, пожалуй, он возьмет ее бывшее величество в качестве полотера, так как ему нужно эко-

номить электроэнергию. Королева поспешно согласилась. Говорят, что она освоила еще профессию уборщицы и живет теперь на широкую ногу.

Что же случилось с принцем Три-Тру?

Едва только Королеву изгнали, он опять стал называться Дудушей, переехал к старушке матери и сидел у нее на шее, ничего не делая, пока не выбил себе персональную пенсию, как лицо, пострадавшее от королевского режима.

ПРОХОДНАЯ ПЕШКА

Шахматная партия была в разгаре, а Пешка белых Π_2 еще стояла на месте.

— Нет, все-таки это ужасно скучно, — жаловалась она Королю, — торчишь будто вкопанная, а какой-то конь уже успел побывать повсюду.

— Не спешите, милая, — наставительно заметил Король, — придет время, и вас двинут.

— Глупости! — капризничала Пешка. — Очень весело ждать, пока тебя выдвинут. Прождешь всю жизнь, состаришься и не успеешь пожить как следует. Ой, что это? — вдруг воскликнула она, увидев, что конь, которому она завидовала, слетел с доски. — Что это? Коня съел слон!

— Лучше говорить не «съел», а «сбил», так грамотно, — поправила ее Ладья.

— Чепуха! — пожала плечами Пешка. — Не будьте педанткой. Главное, что коня уже нет. Скакал, скакал и доскакался! Нужно быть осмотрительней. Впрочем, куда ему, с его лошадиной головой.

— Послушайте, вы же не понимаете... — начала Ладья, но, не закончив фразы, уплыла на другой край доски.

— Чего я не понимаю? — возмутилась Пешка. — Чего?! И прошу вас быть вежливой. Думаете, если вы фигура, так вам все позволено.

Ладья не успела ответить. Ее тоже сбили.

— Ха-ха-ха!.. Хи-хи-хи!.. — заливалась Пешка, покачивая хорошенькой точеной головкой. — Вот вам!.. Умничала!.. Умничала и попалась.

— Дорогая моя, — рассудительно сказал Король, — это жертва. Она необходима. Сейчас завяжется очень сложная комбинация. Пожалуйста, наблюдайте внимательно.

Закипел бой. Он был долг и жесток. Столкнулись в поединке два ферзя, попал в ловушку белый слон, соседки Пешки h_2 , другие пешки, связали прочную цепь. Прижавшись плечом к плечу, они держались, пока не погибли все до одной.

Пешка h_2 притихла. Дрожа от страха, она радовалась, что все еще стоит на месте и не участвует в битве.

Но вот пришло и ее время. Пешку двинули сразу на два поля, и Король встал рядом с ней, как часовой.

На доске было просторно. Тяжелые ладьи, быстрые кони и грозные ферзи лежали в ящике.

Пешка прибодрилась.

«Наверное, я незаурядная личность, — подумала она, — если меня берегли до конца игры и сам Король не отходит от меня ни на шаг».

Король словно услышал ее мысли и сказал:

— Вперед, дитя мое, вперед! Сейчас вы проходимая пешка. Как только вы достигнете последней горизонтали, вы сможете превратиться в любую фигуру. Вперед!

И Пешка пошла.

Она шла и радовалась тому, как легко идти, когда перед тобой открыт путь, никто не угрожает тебе и ничто не может остановить. Она очень спешила сделаться фигурой и очень сердилась, что с каждым шагом может переступить только с одного поля на другое.

Когда она достигла предпоследней горизонтали, черный Король склонил голову перед белым.

Случилось так, что Пешка после окончания партии попала не в ящик с шахматами, а в коробку с шашками. Пешка быстро познакомилась с новыми друзьями и рассказала им, какая она умная и смелая и как она одна выиграла партию.

Жаль только, что она забыла сказать, какие фигуры погибли и какие жертвы были принесены, прежде чем она стала проходной пешкой.

/

,

БУКВА ЯТЬ

Весь переполох в типографской кассе ручного набора затеяли Многоточия. Эти неразлучные подружки всегда любили что-то недоговаривать, на что-то намекать. И сейчас, подгоняя друг друга, они трещали:

— Мы слышали, будто... Нам говорили... **У** нас в распоряжении...

— Не можете ли вы объяснить более подробно? — спросил Знак вопроса. — Откуда у вас такая информация?

— Собственно говоря... Имея в виду... По нашим сведениям...

— Итак, буква Ять возвращается домой из эмиграции!.. Не поверю! — воскликнул Знак восклицания. — Это сенсация!

— В наш век спутников и ракет нет ничего сенсационного, — заметила рассудительная Точка с запятой. — Характерно, что...

Здесь выскочила Запятая. Она считала своим долгом появляться перед любым «что».

— ...что каждый в конце концов находит свое место, — заметила Запятая. — Это вы хотели сказать? Правильно. Вот, например, і с точкой не ужилося у нас и написано на Украине.

— Позвольте, — вмешалось Двоеточие, любившее разъяснять всем и все. — Одно дело братская Украина и совсем другое — граница. Вы же отлично знаете, что Ять проживает десятки лет за границей вместе со своими подругами Ижицей и Фитой. И они вовсе не эмигранты, их просто туда выставили.

— Конечно! — вскричал Знак восклицания. — Всем известно, что Ять — никому не нужное, бессмысленное существо, с которым боролись еще сто лет назад. Зачем она нам сейчас?

— Да, но все-таки... Может быть... Вполне вероятно... — застрекотали Многоточия.

— Любопытно, как она сейчас выглядит? — заинтересовался Знак вопроса.

— Я помню, она была такая важная, полная, — сказала Двоеточие.

— Однако время прошло, — добавила Запятая.

— Увидим, увидим, — снова протрещали Многоточия. — Она приезжает, кажется, завтра или... Ее пойдут встречать весь алфавит...

И действительно, буква Ять приехала на следующий день. Только встречать ее пошел не весь алфавит, а Мягкий знак и буква Э, которые когда-то жили рядом с Ятью.

Обитатели типографской кассы нашли, что Ять очень постарела и похудела. Она едва держалась на ногах и говорила совсем не так решительно и четко, как прежде, а пришепечывая и присюсюкивая.

Первое время после своего возвращения Ять вообще ни с кем не общалась, она приходила в себя, осматривалась и лишь потом завела беседу с Твердым знаком.

— Скажите на милость, сударь, — спросила она, — как вы полагаете, смогу я найти себе применение в книжном деле?

— Считаю, что это невозможно, — твердо ответил Твердый знак.

— А в газетах? У вас, кажется, есть «Ведомости». А я всегда служила там.

— В «Ведомостях» у нас теперь работает товарищ буква Е, — сообщил Твердый знак. — И вполне справляется со своими обязанностями.

— Насколько мне известно, — продолжала буква Ять, — у вас в большом почете хлебоборобы. Такое старинное слово! И оно писалось через Ять.

— Теперь оно пишется через Е, — отрезал Твердый знак.

— Или вот, например, я слышала о больших успехах в космосе. А в слове «Звезда» я тоже присутствовала.

— И там вас тоже заменила товарищ буква Е, — неумолимо заявил Твердый знак.

— Боже мой, как все меняется! — загрустила Ять и начала жалобно напевать свои любимые слова: «серый», «бледный», «бес».

Она повторяла их, как слова знакомой молитвы, и так разгорячилась от приятных воспоминаний, что старая типографская краска, присохшая к ней, стала таять и капать, а другие буквы жалели Ять и думали, что это не краска, а слезы.

— Видите, старушка страдает, — лервым забеспокоился Мягкий знак. — Нужно помочь ей. Она столько пережила.

— Правильно! — воскликнул Знак восклицания. — Она любит нашу типографскую кассу и хоть через пятьдесят лет, а все-таки вернулась домой.

— В конечном счете она не виновата, что когда-то из-за нее гимназисты страдали, — сказала миролюбивое Тире. — Не нужно помнить дурное.

— Нужно выхлопотать ей пенсию. Пусть она пишет мемуары — и точка, — сказала Точка.

Так и случилось. Букве Ять выхлопотали пенсию, и она стала писать воспоминания. Первый том она посвятила тому, как ей трудно жилось за границей. Труд этот был встречен сочувственно.

Буква Ять оживилась. Подружки Многоточия болтают, что теперь она пишет второй том о своем прогрессивном значении в русском языке и что нужна реформа правописания для того, чтобы она заняла...

И тут, как всегда, Многоточия недоговаривают.

СЕРДЦЕ ПЕВЦА

От края до края по горной стране, босой, оборванный, с непокрытой головой, бродил Певец, слагая песни, вольные как ветер.

Настал день, и о Певце узнали не только жители скал и долин, — те, что делили с ним кусок хлеба и жесткое ложе, — но и правитель страны, тупой, заносчивый Царь.

— Доставьте ко мне этого грязного нищего, который смеет воспевать ткачей и кузнецов и хулить меня, их господина, — приказал Царь, и стражники рассыпались по горам и долинам.

Они нашли Певца и привели его во дворец.

— Прежде чем я решу, что с ним делать, пусть он споет, — сказал Царь и повелел своим министрам и генералам, знатым дамам и кавалерам собраться в музыкальном зале дворца.

Они пришли туда разодетые в бархат и шелка, пахнущие духами, а Певец, оборванный, босой, стоял перед ними, и все разглядывали его в бинокли и подзорные трубы.

— Какой он тощий, — удивился Главный повар, — можно подумать, что он никогда не ел моих трюфельных тортов.

— От него несет козьим молоком, — поморщилась самая красивая и знатная дама.

— Пусть он поет! — приказал Царь и подал знак Главному хранителю ля-диеза.

Главный хранитель ля-диеза взмахнул золотой палочкой, но Певец продолжал молчать.

— Пой! — закричал Царь.

Певец посмотрел на Царя, его министров и генералов, на знатных дам и кавалеров и начал петь. Он пел о том, как прекрасна и бедна страна, которой правит Царь. В поте лица люди сеют хлеб, выращивают виноград, добывают золото и драгоценные камни. Плоды трудов попадают в руки жадных богачей, а сами труженики ютятся в лачугах дымных городов, мрут от голода и болезней. Но так не будет вечно.

Гролом гремел голос Певца. В ужасе дрожали министры и генералы, попадали в обморок знатные дамы, а с головы первого красавца сорвало парик, и все увидели, что она голая, как колено.

— Довольно! — закричал Царь страшным голосом. — Уберите его.

Двенадцать стражников кинулись к Певцу, скрутили ему руки и увели в подземную тюрьму, откуда ни один звук не мог долететь до царских ушей.

Больше недели пролежал Царь в кровати, заткнув уши ватой, а когда выздоровел, надел военные доспехи и созвал Государственный совет.

— Что это значит? Как посмел ничтожный оборванец петь дерзкие песни в моем дворце?! — воскликнул Царь, но генералы молчали, пока не заговорил Главный советник по хитрости.

— Ваше величество, — сказал Советник, целуя царскую туфлю на левой ноге, — вы, конечно, соизволили заметить, что этот нищий сошел с ума. Ни одному здравому человеку не пришли бы в голову такие безумные мысли.

— Он сумасшедший! — хором воскликнули министры и генералы, но Царь велел им замолчать и приказал двенадцати учнейшим докторам осмотреть Певца.

Двенадцать учёнейших докторов спустились в подземную темницу, где, прикованный цепями к стене, сидел Певец.

Они осмотрели больного, пощупали его живот, выслушали сердце и, проделав все это, вернулись во дворец.

— Ваше величество, — начал самый старый и самый ученый доктор, — мы внимательно обследовали больного и нашли, что у него обыкновенные мозги, хороший желудок...

— Короче! — перебил Царь, который очень любил говорить и поэтому терпеть не мог слушать других. — Короче, сумасшедший он или нет?

— Увы, нет, ваше величество, он вполне здоров, только у него слишком большое сердце. Ни у кого из ваших придворных нет такого сердца.

— Пошли вон! — топнул ногой Царь и снова созвал Государственный совет.

— Что мы будем делать с этим дерзким нищим? — спросил Царь у своих министров и генералов. — Ученые доктора сказали, что он вполне здоров, только у него слишком большое сердце.

— Ваше величество, — сказал Военный министр, — я полагаю, что полезно отрубить ему голову. Это хорошее средство, и многим оно помогло.

— Короче! — сказал Царь и посмотрел на Главного советника по хитрости.

— Ваше величество, — сказал Советник, целуя царскую туфлю на правой ноге, — вы видите дальше всех, знаете больше всех и спрашиваете нас затем, чтобы убедиться, как мы глупы и как вы мудры.

— Верно! — сказал Царь и даже вспотел от удовольствия. — Говори дальше!

— Ваше величество, — продолжал Советник, — уважаемый Военный министр предложил отрубить голову дерзкому нищему. Это хорошо придумано, это гуманно и справедливо. Но нельзя забывать, что скажет народ. Из грязного оборванца сделают мученика и святого, песни его будут распевать каждый мальчишка.

— Короче! — перебил Царь, чувствуя острый зуд в языке.

— Ваше величество, — сказал Советник, целуя царскую туфлю на левой ноге, — врачи нашли, что у этого оборванца слишком большое сердце. Я думаю, вернее так думаете вы, ваше величество, а я смею лишь угадывать ваши мысли, что нам нужно...

Тут Главный советник по хитрости склонился к самому уху Царя и начал ему нашептывать такие приятные слова, что Царь засмеялся радостным младенческим смехом, снял корону и принялся играть ею, как мячиком.

— Быть по сему! — повелел Царь и распустил Государственный совет.

В тот же день в подземную тюрьму, где томился Певец, пришли Главный тюремщик, Главный советник по хитрости, двенадцать генералов и оркестр царских трубачей.

Гордо, встретил их Певец и, усмехнувшись, сказал:

— Вот уж никогда не думал, что жалкого оборванца будут провожать на казнь с таким почетом.

Но Главный тюремщик разбил цепи, сковывавшие Певца, двенадцать генералов склонились перед ним в низком поклоне, а Главный советник по хитрости сказал, обращаясь к Певцу:

— Ваша светлость, мы пришли просить вас перейти в другие покои.

Оркестр царских трубачей сыграл туш, и Главный советник по хитрости и двенадцать генералов торжественно повели Певца в роскошный замок, который не уступал по красоте царскому дворцу.

— Зачем вы привели меня сюда? — спросил Певец. — Пустите меня домой, если Царь дарует мне свободу.

— Ваша светлость, — сказал Главный советник по хитрости, склоняясь перед Певцом, — теперь этот замок будет вашим домом. Такова воля Царя.

И он ушел, а Певец остался в роскошном замке, где было столько комнат, что их не обойдешь и за год, и столько слуг, что из них можно было составить целое войско.

В ярости метался Певец по комнатам, пытаясь выбраться на свободу, пока в изнеможении не упал на один из золотых диванов, обитых парчой.

Тут к нему приблизился Главный дворецкий и ласково произнес:

— Ваша светлость, вы, наверное, устали и хотите отдохнуть.

— Да, — сказал Певец, — я хочу помыться в горном ручье и отдохнуть на уступах скал.

— Увы, — сказал Главный дворецкий, — в этом замке нет ручья. К вашим услугам бассейн с теплой розовой водой.

— Какая гадость! — воскликнул Певец. — Я не хочу вашего бассейна, не хочу розовой воды.

— Ваша светлость, — почтительно произнес Главный дворецкий, — больше мы ничего не можем предложить вам.

— Хорошо, — сказал Певец, — ведите меня туда.

Главный дворецкий и двенадцать слуг отвели Певца в комнату с бассейном. Они хотели помочь Певцу раз-

даться, но он раскидал их в стороны, сбросил свои лохмотья и погрузился в теплую розовую воду.

Должно быть, он очень устал и намучился в подземной темнице, потому что скоро уснул в бассейне, и двенадцать слуг отнесли его в спальню и положили на высокую постель с мягкой периной.

Ночью Певец проснулся и почувствовал, что от мягкой перины у него болит все тело. Он спрыгнул с постели и лег спать на полу. Там и нашел его утром Главный дворецкий.

Когда об этом узнал Главный советник по хитрости, он приказал, чтобы во всем замке пол устлали коврами, еще более мягкими, чем перина, и Певцу ничего не оставалось, как перебраться на постель.

Прошло время, и он привык к мягкой постели, к бассейну с теплой розовой водой, к новому костюму, в котором можно было двигаться только мягкими шажками, привык к трюфельным тортам, к тому, что двенадцать слуг одевали и раздевали его каждый день.

Он растолстел, и однажды старый ученый доктор, осмотрев его, сказал Главному советнику по хитрости, что сердце у Певца стало таким же маленьким, как у Главного лакея.

Советник сообщил об этом Царю, и Царь повелел своим министрам и генералам, знатым дамам и кавалерам собраться в музыкальном зале дворца.

Они пришли туда разодетые в бархат и шелка, а Певец в модном костюме, надушенный и завитой, стоял перед ними, и все разглядывали его в бинокли и подзорные трубы.

— Какой он гладкий! — восхитился Главный повар. — Сразу видно, чем он питается.

— Как он прекрасен! — воскликнула самая красивая и знатная дама.

— Пусть он поет! — приказал Царь и подал знак Главному хранителю ля-диеза.

Главный хранитель ля-диеза взмахнул золотой палочкой, и Певец начал петь.

Он пел о том, как хорошо купаться в бассейне с розовой теплой водой, спать на мягкой перине, есть трюфельные торты, носить ботинки с золотыми пряжками.

Он пел, но никто не слышал ни звука, даже Главный доносчик, у которого были самые большие уши в стране.

— Довольно! — закричал Царь страшным голосом и посмотрел на Главного советника по хитрости. — Что это значит?

— Ваше величество, — сказал Главный советник, целуя Царя в правое плечо, — он потерял голос. Теперь он не страшен нам.

— Гоните его вон! — приказал Царь.

Двенадцать стражников схватили Певца, вытащили его из музыкального зала, сорвали с него модный костюм и туфли с золотыми пряжками, бросили ему старые лохмотья и вытолкнули за ворота дворца.

Певец долго шел от селения к селению, от города к городу. Он видел, как люди в поте лица сеют хлеб, выращивают виноград, добывают золото и драгоценные камни, видел, как плоды трудов попадают в руки жадных богачей, а сами труженики ютятся в дымных лачугах, мрут от голода и болезней.

Он шел и думал вслух о своем народе, и сердце его росло и росло.

Босой, оборванный, с непокрытой головой, он брел от края до края вдоль горной страны, слагая песни, вольные как ветер.

СИРЕНЕВАЯ ЗВЕЗДА

Чабан полюбил звезду.

Он был молод, горяч и одинок.

Звезда была маленькая, тусклая. Она едва мерцала сиреневым светом в бриллиантовом сверканье других звезд.

Чабан пел песни. Он пел о том, как прекрасна его возлюбленная, как нежна и застенчива она. Пел о том, что звезды и любовь бессмертны, и еще о том, что, какие бы горести ни постигали человека, он всегда останется сильным и смелым, недоступным для бед и печалей, если у него будет своя звезда.

Однажды в степь приехал известный Поэт. Он услышал, как поет Чабан, и спросил:

— Где ты взял эти песни, кто сочинил их?

— Сочинил? — удивился Чабан. — Что значит «сочинить»?

Поэт посмотрел на Чабана так, словно тот был жителем чужой планеты.

— Сочинять — это творить, выносить тему, оперить ее в слова и рифмы.

— Что такое рифма? — спросил Чабан.

Поэт рассердился. Он любил юмор, но терпеть не мог, когда смеялись над ним самим.

— Рифмой, — сухо произнес он, — называется созвучное окончание стихотворных строк. Рифмы бывают мужские, женские, дактилические, гипердактилические, смежные, охватные, перекрестные. Понял?

— Нет, — сказал Чабан.

Поэт рассмеялся:

— Откровенно говоря, я и сам этого никогда не понимал. По-моему, рифмы бывают хорошие и плохие. Вот и все. А вообще, как бы тебе объяснить... Ну вот — небо сливается с землей на горизонте, это тоже рифма. И это особенно красиво, когда закат или восход солнца.

— Я знаю, что такое закат и восход, — сказал Чабан. — Знаю, какой будет завтра ветер, куда гнать моих овец, чтобы они нашли корм, знаю, где моя звезда.

— Покажи мне ее.

— Смотри вон туда.

Чабан поднял руку к небу. Поэт долго смотрел на золотую россыпь звезд, смотрел до тех пор, пока слезы не потекли у него из глаз, но так и не увидел неприметную сиреневую звезду.

— Я не вижу, — сокрушался он, — но если ты видишь то, что действительно существует и чего не видят другие люди, значит, ты настоящий поэт. Ты сам слагаешь свои песни. Это — стихи. Их нужно напечатать.

Вскоре Поэт вернулся в столицу. Он пришел к Редактору толстого журнала и положил перед ним измятую тетрадь.

— Стихи? — жалобно поморщился Редактор.

Он сочинял статью «Поэзия в жизни и жизнь в поэзии», и ему было не до стихов.

— Это не мои, — сказал Поэт. — Их написал Чабан, тот самый, о котором часто пишут в газетах и говорят с трибун.

— Чабан? — оживился Редактор. — Это хорошо. У нас еще не было автора Чабана. Это ново и современно. Где ты разыскал его?

— Я нашел его в степи. Он понятия не имеет о рифмах, но это настоящий поэт.

— Оставь материал, я займусь им позже, — сказал Редактор. — Сейчас я занят, я ищу смысл в поэзии.

В тот же день Редактор прочел песни Чабана. Ему стало грустно и хорошо. Он растрогался, поднял вечное перо и хотел было уже написать «в набор», но что-то засосало у него под ложечкой.

Он был опытный редактор, и всегда что-то сосало у него под ложечкой, когда нужно было написать «в набор».

Редактор задумался. Он думал, думал и наконец решил послать стихи на отзыв Астроному.

Астроном был молод и полон сознания собственной учености.

Он изучил песни Чабана и отстучал свое мнение на пишущей машинке.

Он писал, что анализ качества поэзии не входит в его компетенцию, но он решительно протестует против научной неосведомленности автора.

«Чабан воспекает некую сиреневую звезду! — восклицал ученый. — Что это за звезда? К какой группе светил она относится? Неясно. Автор утверждает, будто бы любовь и звезды бессмертны. О первой не берусь судить, ибо она находится вне сферы моих исследований, однако конечность существования звезд известна каждому школьнику».

Редактор прочел отзыв Астронома и облегченно вздохнул:

— Как хорошо, что мы не поторопились со стихами. Вот была бы история!

Он вызвал помощника по начинающим и поручил написать Чабану вежливый, мотивированный отказ.

Помощник по начинающим написал Чабану, что тема, затронутая им, недостаточно научно проработана, непонятна широкому читателю и редакция будет рада, если Чабан пришлет стихотворный материал, посвященный продуктивным кормам, предназначенным для тонкорунных овец.

Неделю спустя, звездной летней ночью, молодой Астроном гулял по бульварам столицы с девушкой, развивая смелые теории происхождения вселенной, а девушка рассеянно слушала его и мечтала о чем-то своем.

И вдруг ученый умолк, увидев на небе неприметную сиреневую звезду.

Сам не понимая того, как это случилось, он произнес нараспев строки из антинаучной песни Чабана и сказал своей спутнице, что любит ее и станет самым счастливым на свете, если она всегда будет с ним, потому что никакие беды и печали не страшны человеку, когда у него есть своя звезда. И еще он сказал, что любовь и звезды бессмертны.

В ту же ночь, на другом краю города, Редактор толстого журнала ворочался без сна в постели и все думал о том, что давно не видел восхода солнца и утренних звезд.

А Чабан в далекой степи, получив письмо от помощника по начинающим, прочел его, улыбнулся и сказал:

— Нет, никогда из меня не выйдет поэта.

И запел о любви и звездах.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В общем, я никогда не стал бы рассказывать эту историю, если бы не боялся, что трещотка Сорока не разнесет ее по свету, извратив и перепутав все.

А было вот что: в одной из рощ жили папа Соловей, мама Соловьяха и сын Соловушка.

Папа Соловей был примерным отцом и мужем, и, хотя каждую весну и лето пел песни розам, мама несколько не обижалась на него.

Правда, не очень-то приятно, когда в любви признаются не тебе — законной супруге, да еще так открыто и громко, но что поделаешь: папа — певец. Розы поцветут и увянут, а семейная жизнь останется.

Сын Соловушка унаследовал талант отца и сладко высвистывал сольные партии в хоре соловьиных мальчиков.

Время шло, и вот однажды юного отпрыска музыкальной фамилии вызвали на прослушивание в Соловьиный Совет.

Папа Соловей, скрывая волнение, нахохлился, чем невольно выдал свою принадлежность к семейству воробьиных, мама хлопала крыльями и, незаметно постукивая клювом по старому ясеню, прощепетала:

— Тьфу, тьфу, сухо дерево!

Да и было из-за чего тревожиться.

Председателем Советов состоял Соловей Соловейч, птица авторитетная, известная далеко за пределами рощи. Он давно уже пел плохо, но мог освистать любого.

На этот раз все обошлось благополучно. Старик расстрогался, в горле у него забулькало, он издал несколько одобрительных звуков, отметив, что у молодого исполнителя красивый тембр голоса, чистый тон, правда верхнее ля оставляет желать лучшего, но это поправимо, и, если Соловушка будет работать над собой и следовать традициям, из него выйдет настоящий певец.

Дома, когда утихли первые восторги и высохли первые слезы радости, сын спросил:

— Папа, что такое традиция?

— Традиция?.. М-м... — задумался отец, — как тебе объяснить? Это очень сложно.

— Ничего сложного, — перебила мать, — делай, что делали до тебя, и не выдумывай ничего лишнего.

Целый месяц папа разучивал с наследником арию «Розы и грезы», ту самую, которую с успехом пел, когда еще был женихом, а мама — худенькой птичкой.

Соловушка старательно повторял все фиоритуры, но они звучали у него пусто и холодно.

— Ворона, бесчувственный галчонок! — сердился отец.

— Но, папа, это же устарело — «Грезы и розы». Это смешно!

— Слышишь, мать? — возмущался папа, срываясь на фальцет. — Ты слышишь?.. Им смешно!.. Вот она, молодежь!

На первый концерт папа Соловей сопровождал сына.

Была ночь. Желтая круглая луна весело подмигивала Соловушке.

Пернатые путешественники летели долго, пока не прибыли на Поляну Цветов.

— Вот она, — сказал папа Соловей и показал на пышную, перезрелую розу. — Пой ей о любви.

— Ей? — удивилась Соловушка. — Да ведь она совсем старуха. Она клонится к земле и хочет спать. Лучше я исполню ей колыбельную.

— Пой о любви! — строго приказал отец.

И Соловушка запел. Он выводил ту же самую мелодию, которой учил его отец, повторял те же звуки, но почему-то песня звучала так насмешливо и дерзко, что пучеглазый Филин от хохота свалился с дуба, желтая луна стала приплясывать и гримасничать, а перезрелая роза, обиженно дрожа, роняла лепестки.

— Марш домой, негодяй! — больно клюнул в голову отец сына.

Дома родители устроили послеполетный разбор.

— Я его понимаю, — вздыхала Соловуха, — ну разве можно приказывать сердцу. Пусть Соловушка сам найдет свою розу. А ты, наверное, подсунул ему какую-нибудь из своих бывших... Я тебя знаю.

— Ну что ты!.. — оправдывался отец. — Хорошо, пусть поет кому хочет, но добром это не кончится.

Настала ночь. Соловушка один полетел на Поляну Цветов и выбрал зеленый, молоденький бутон.

Соловушка засвистел, запел о том, как весела и хороша жизнь и незачем бояться подставлять лепестки солнцу, ветру, дождю, незачем прятать красоту от неба, от звезд, от птиц. Нужно быть смелым, любить, пока ты молод. Нет ничего на свете лучше любви.

Соловушка пел, и неприметный зеленый бутон раскрылся и стал молодой, прекрасной розой.

Едва наступило утро, длинноносый Дятел принялся за дело.

— Тук-тук, так-так... — стучал он. — Слышали? Это неслыханно! В нашей устойчивой роще раздаются... тук-тук, так-так... такие слова... К чему он призывал юное поколение?.. Видели — одна уже распустилась! Скоро распустятся и другие... Тук-тук, так-так...

Дятел стучал до тех пор, пока его стук не достиг ушей Соловья Соловейча.

— Что?! . Как?! . Кто пел такие песни?.. Кто проповедует распущенность?.. Кто он такой, откуда взялся? — грозно засвистел Соловей Соловейч.

— Это Соловушка, сын Соловья и Соловьихи, — завертела хвостом Сорока-трещотка, секретарь Соловьиного Совета.

— Позвать отца! — приказал начальник.

Робкий, трепещущий, предстал Соловей перед авторитетной птицей. Он оправдывался, трещал, что Соловушка еще молод и неразумен, что его не поняли...

— Хорошо! — сказал Соловей Соловейч. — Я выслушаю его лично.

В ту же ночь Соловей Соловейч, папа Соловей и трещотка Сорока вылетели на Поляну Цветов. Они засели в кустах и ждали.

Соловушка появился, когда луна взошла на небе. Он выбрал зеленый, молоденький бутон и запел.

— Тук-тук, так-так... Слышите, слышите? — застучал Дятел. — Какие звуки!.. Какие рифмы... Неслыханно!..

— Слышите, слышите? — затрещала Сорока.

Соловей Соловейч набрал полную грудь воздуха и хотел было уже грозно свистнуть, как вдруг увидел, что зеленый молоденький бутон раскрылся, вслед за ним

раскрылись и расцвели другие бутоны и стали прекрасными розами.

Соловушка пел, и ему вторили и зяблики, и малиновки, и дрозды, и пеночки.

— Освистите его, освистите! — трещала Сорока.

— Молчи! — сердито сказал Соловей Соловейч. — Молчи! Всех не освистишь.

И улетел домой.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Право, уж не знаю, как случилось такое чудо, но рыжий Кот — лежебока и бездельник — стал редактором журнала.

Многие удивлялись этому, но сам Кот находил, что все в порядке вещей.

— А почему, собственно, мне и не быть? — рассуждал он. — Гибкость у меня исключительная, моральный облик безупречный.

В тот же день на дверях кухонного чулана повисла дощечка с надписью: «Мир животных» — литературно-художественный журнал, а чуть пониже другая: «Главный редактор В. В. Кошкин. Прием до шести утра».

В чулане Кот-редактор провел первое совещание. Поглаживая пушистые усы, то закрывая зеленые глаза, то открывая их, он мурлыкал:

— Уважаемые товарищи, двери нашего журнала широко открыты для всех. Пусть каждый пишет о том, что он знает, что его волнует. Пусть корова поведает простым коровьим языком о пользе молока, сова поделится опытом ночного виденья, карась расскажет, какие виды крючков наиболее желательны. Разумеется, свое место в нашем журнале найдут и кошки. Кто не знает, как они мудры, красивы, чадолюбивы? Однако эти ум-

нейшие и благороднейшие животные подвергаются травле со стороны собак. Я не против собак вообще, но выражаю против тех недостойных выпадов, которые они позволяют себе по нашему адресу. Я вношу предложение ввести в журнале сатирический отдел и назвать его «Собачья чушь».

Главный редактор неосторожно выпустил когти и, тотчас же спрятав их, промурлыкал:

— Есть у кого-нибудь вопросы?

— Разрешите, Василий Васильевич, — слабо мяукнул один из литературных котят. — Разрешите спросить, какие будут указания относительно мышей и крыс?

Главный редактор расправил усы:

— Мыши и крысы — пережиток, но в наш век техники с ними успешно борются мышеловки. Мыши и крысы для нас не главное зло.

На этом совещание закончилось, а под чуланом крысы и мыши еще долго обсуждали его.

— Слышали, слышали? — пищал серый круглый крысенок. — Он сказал, что мы не главное зло. Вероятно, у кошек переменялись установки.

— Молчи! — прокрипела старая боевая крыса. — Что ты понимаешь в кошках? Я не верю им ни на крупинку пшена.

Прошло немного времени, и все смогли убедиться, что у главного редактора слова не расходятся с делом. В одном из первых номеров журнала была напечатана острая статья облезлого пса Тарзана, памфлет «Собака есть собака».

С незаурядной эрудицией и боевым задором Тарзан обрушивался на представителей собачьей породы, доказывая, что для собак характерно: а) отсутствие культуры (ворчат на кого попало), б) подхалимство (стоят на задних лапах и виляют хвостом), в) агрессивность (охотятся

за мирными животными типа зайцев), г) суеверие (воют на луну и искусственные спутники).

После опубликования этой статьи порядочные собаки перестали подавать ее автору лапу, а Тарзан был приглашен заведовать отделом критики и публицистики.

Не все из плана, намеченного Котом-редактором, удалось осуществить. Очерк коровы о пользе молока был признан слишком пресным, заметки караса не появились, так как самого караса поймали на крючок, о котором он собирался писать.

Среди материалов, отвергнутых лично редактором, значились: «Рассказы белого медведя о глубинах Белого моря» (мелко по теме, надо писать об океане), повесть рысака «Дни беговые» (нетипичная для лошадей среда). Особенно же пострадал соловей, предложивший сборник песен «Ночные трели».

Кот-редактор посмотрел на пернатого певца горящими глазами, поднял шерсть и, прошипев: «Примитив-но!» — съел его с потрохами.

Зато в журнале появились такие произведения, как роман старой львицы «В джунглях», цикл лирических стихов Мурлыки сибирского, очерк тигра «В камышах» и поэма «Моя помойка» в десять тысяч строк, нацарапанная самим главным редактором.

Бойкий Тарзан тут же безудержно расхвалил поэму, попутно облаяв с десяток поэтических щенков.

Кот-редактор торжествовал. Он растолстел так, что еле двигался, перестал фырчать и мяукать и только значительно шевелил усами.

А в это время крысы и мыши жили беспечной жизнью. Они вылезли из подполья, разгуливали стаей и в одиночку, визжали от смеха, повторяя строфы редакторской поэмы, и растащили весь журнал.

Кот-редактор ничего не замечал. Он сладко спал, а

его ближайшие помощники занимались разоблачением собак.

Год спустя Кота-редактора сняли.

Главным редактором журнала «Мир животных» стал сторожевой пес Байкал.

Многие удивлялись этому, но сам пес находил, что все в порядке вещей.

— А почему, собственно, мне и не быть редактором? — рассуждал он. — Нюх у меня отличный, служу я превосходно, знаю, на кого огрызнуться и перед кем стоять на задних лапах.

Вскоре главный редактор сменил всю редколлегия. Уцелел только заведующий отделом критики и публицистики, облезлый дворовый пес Тарзан. Он признал свои ошибки и написал статью-памфлет, в которой доказывал, что кошки лживы, лицемерны, блудливы и недостойно ведут себя.

Пес-редактор умилялся, читая вслух эту статью, а крысы и мыши хохотали до слез.

«КИЛБУБ»

Жил на свете Писатель. Человек он был немолодой, писал повести и рассказы по старинке, так, что в них были и начало и конец, и любовь, и ненависть, и другие чувства.

Читателям нравились эти повести и рассказы. Они не залеживались в книжных магазинах и библиотеках, а модные критики только качали головами:

- Не то! Совсем не то!
- Смотрите-ка, концы с концами сводит.
- Традиционалист! Синтаксис соблюдает.
- Рутинер!
- Ну что вы скажете?
- Да уж, ничего не скажешь! Старомоден!
- Куда больше!

Потолковав так, они бодро отстукивали на пишущих машинках статьи, которые печатали газеты и журналы, потому что редакторы очень боялись прослыть в глазах модных критиков отсталыми людьми.

Писатель читал статьи, вздыхал, грустно сморкался и спрашивал жену:

— Нет, ты объясни, пожалуйста, зачем они так меня?.. За что?

Жена нежно гладила его седую голову и давала ему таблетку.

— А ты плюнь на них, милый.

Писатель глотал таблетку, плевал на критиков, писал по-прежнему, а те по-прежнему обзывали его иностранными словами.

Но чем дальше шло время, тем труднее жилось Писателю.

Сначала его взрослые дети тихонько посмеивались над ним и называли за глаза отжившим стариком, потом Писателя перестали сажать в президиум на торжественных собраниях и наконец одно издательство вернуло ему по почте новую рукопись.

Писатель не на шутку расстроился, слег в постель, стоял, охал, говорил, что не вынесет такого позора.

Любящая жена утешала его:

— Мой дорогой, это судьба гениев. Современники не признавали их при жизни.

— Вот и отлично, — лепетал угасающим голосом Писатель. — Далекие потомки оценят меня.

Закрыв глаза, он видел свой памятник в городском саду. У подножья лежали букеты свежих роз.

— Милый мой, ты бессмертен! — восклицала жена. — Но твои книги нужны народу сейчас, как воздух и хлеб.

— Ты думаешь? — безразличным тоном спрашивал Писатель, чувствуя, как приятная теплота разливается по его телу. — Но почему же они...

— Интриганы! — возмущалась жена. — Мелкие завистники!.. Бездарные, жалкие личности!.. Ты не можешь доставлять радость своим врагам. Ты должен пойти в издательство.

— Никогда! — бушевал Писатель. — Ты еще увидишь, эти шакалы приползут ко мне на коленях!

Такие семейные беседы продолжались изо дня в день. Постепенно жена становилась все настойчивей, и Писатель уступил.

Он поднялся с постели, побрился, надел свой лучший костюм, взял рукопись, толстую трость с набалдашником и отправился в издательство.

Минуя секретарей, заведующих отделами и рецензентов, Писатель величественно проплыл в кабинет к Главному редактору.

Он не замечал, как за его спиной переглядывались и хихикали:

— Смотрите, сам зубр явился!

— Наше славное прошлре прибыло!

Главный редактор встретил Писателя улыбаясь, как несостоятельный должник.

— Рад, очень рад, наш уважаемый, — сказал он, называя Писателя по имени-отчеству.

— Добрый день, — сухо ответил Писатель, называя Главного редактора по фамилии.

— Прошу садиться, — сказал Главный редактор.

Писатель с трудом втиснул свое маститое тело в модное креслице на рахитичных ножках и уперся пронизательным взглядом в переносицу Главного редактора.

Главный редактор зябко поежился и, усаживаясь за стол, сказал:

— Печень.

Писатель не выразил сочувствия. Он вынул из портфеля толстую рукопись и положил ее на стол.

Главный редактор болезненно сморщился, снова сказал «печень», и снова это не произвело впечатления на Писателя.

Минуты две они молчали, потом Писатель похлопал белой, пухлой рукой по рукописи и сказал:

— Ну?

— «Бублик». Роман», — прочел Главный редактор.

Писатель постучал палкой по столу.

— Ну? — жестко произнес он.

— Мне нравится, — сказал Главный редактор, — я за. Он поднял вверх обе руки и поспешно добавил: — Но они? ..

— Кто они? — спросил Писатель.

Главный редактор заерзал в кресле, запыхтел и с трудом выдал из себя:

— Видите ли, я не решаю один, а они говорят, что ваш стиль...

— Это мой стиль, — неумолимо сказал Писатель.

Главный редактор вытер пот со лба.

— Они говорят, что у вас все слишком ясно и понятно, а сейчас, когда поток информации велик... Словом, надо писать так, чтобы читатель не знал, что он знает, или, вернее, знал, чего он не знает...

Тут Главный редактор окончательно запутался.

— В общем, я за, но они... Не могу я один, понимаюте? — умоляюще закончил он.

— Какого же черта вы здесь сидите? — сказал Писатель, переходя на присущий ему стиль.

Главный редактор вспомнил о занимаемой им должности.

— Я попросил бы... — начал он.

Писатель высоко поднял палку.

— Нет, это я попросил бы... Значит, вы отвергаете мой роман?

— Мы не отвергаем, но не можем принять, — нехотя улыбнулся Главный редактор, радуясь, что нашел удачную форму отказа.

Писатель, тяжело дыша, поднялся из модного кресла и произнес речь. Он сказал Главному редактору все, что думал о нем в течение последних десяти лет. Он стучал палкой так, что сыпалась штукатурка с потолка, он объявил, что ноги его здесь больше не будет.

Главный редактор стоял навтыжку и молчал.

Затем Писатель положил рукопись в портфель, вышел из кабинета и хлопнул дверью. Главный редактор продолжал стоять, держа руки по швам. Загудел лифт, хлопнула дверь, ведущая на улицу, и тогда Главный редактор закрылся:

— Рутинер!.. Традиционалист!..

Писатель вернулся домой и поведал жене со всеми подробностями, на какие был способен мастер художественного слова, о том, что случилось.

— Не беспокойся, милый, — менее уверенно, чем прежде, сказала жена, — есть еще и другие издательства.

В других издательствах повторилось то же самое, что и в первом. Везде Писателя встречали приветливо, и везде ему говорили, что он пишет просто, но несовершенно.

— Ну и пусть, — угрюмо твердил Писатель, — пусть рукопись пролежит в столе хоть сто лет... Она принадлежит будущему...

Жена была моложе Писателя и поэтому жила настоящим.

— Милый, — осторожно сказала она, — может быть, ты пойдешь им навстречу?..

— Ни за что! — гордо воскликнул Писатель. — У меня рука не поднимется.

Тогда жена решила помочь ему.

Несколько дней она читала романы и повести, расхаживая модными критиками. Затем она решительно приступила к работе — разрезала рукопись романа по абзацам, перемешала листки, словно карточки лото, зачеркнула подзаголовок «роман» и написала вместо него «не-что».

В таком виде она представила рукопись мужу, предвзвешенно дав ему две таблетки.

Кончив чтение, Писатель закричал дурным голосом:
— Как ты смела!.. Это же кошмар!.. Бред!..

— Не сердись, милый, я пошутила, — сказала жена и на другой день потихоньку отвезла рукопись в самый модный журнал.

Спустя неделю Редактор самого модного журнала встречал Писателя у себя в кабинете с договором в руках.

— Это то, что нужно!.. Это прекрасно!.. — потя от восторга, говорил он, и модные критики, поддерживая его, перебивали друг друга:

— Новое слово!..

— Восхитительно непонятно!..

— Лабиринт мысли!..

— Кибернетическое чувство времени.

А Редактор уже ласково протягивал Писателю ручку для подписания договора.

Писатель растерялся. «Неужели они правы, они и жена? — думал он. — Неужели я действительно не чувствовал времени, отстал?.. Быть может, я постарел?»

Между тем критики не переставали ликовать и восхищаться. Лишь один из них, самый молодой, молчал.

— А вы что скажете? — спросил его Писатель.

— Суперсовременно! — ответил критик. — Вот только название...

— Что название?.. — удивился Писатель.

— «Бублик» — это слишком архаично... Понятно... Лучше назовите это «Килбуб»...

— Как? — не понял Писатель.

— «Килбуб»... Это синтез «Бублика»... Это «Бублик» наоборот...

— «Килбуб»!.. Гениально!.. Интеллектуально!.. Сверхлогично! — закричали критики.

И Писатель согласился.

Когда бывший роман «Бублик», ныне «нечто» под названием «Килбуб», вышел в свет, модные критики вознесли его в своих статьях до небес.

Но «Килбуб» лежал горами на прилавках книжных магазинов, пылился на полках библиотек.

— Не дорос наш читатель, не дорос! — сокрушались модные критики.

Жена Писателя торжествовала. А Писатель плакал.

Кто его знает почему? Впрочем, ведь он был уже молодой человек, подверженный старомодным чувствам.

ЗУБ МУДРОСТИ

Жило на свете семейство зубов — дружные, сильные ребята, все как на подбор. Ничего не боялись: ни жары, ни холода. Отчаянные молодцы.

Служили они много лет одному и тому же хозяину. Он был очень ими доволен и при случае показывал их своим знакомым — посмотрите, какие у меня работники.

И вот как-то хозяин занемог. Он начал охать и ахать, держаться рукой за щеку, стонать днем и ночью.

Семейство зубов не могло понять, что с ним случилось, и так бы, наверное, и не уразумело, если бы их сосед Язык не проболтался:

— Простофили вы, настоящие простофили!.. Не замечаете, что Зуб мудрости режется.

— Режется! — воскликнул Зуб-резец. — Извините, но это моя специальность. Я люблю, самую крупную кость мигом перережу. Это мне пустяки.

— Чудак вы! — еще быстрее заболтал Язык. — Не понимаете сути вопроса. Вы режете, а Зуб мудрости прорезывается.

— Так, так, — рассудительно произнес Коренной зуб, — мудрость никогда не рождается без боли.

Он был большой философ и всегда смотрел в корень событий.

Прошло несколько дней, хозяин перестал стонать и охать. Зуб мудрости явился на свет.

Был он зуб как зуб, ничего особенного все семейство в нем не обнаружило, но, поприветствовав его звонким щелканьем, стало ждать, пока он осмотрится и покажет, на что способен.

А Зуб мудрости вовсе не собирался утомлять себя трудом.

«Пусть работают разные там резцы, коренные и передние зубы, — подумал он, — они больше никуда не годятся. Их много, а я один — исключительный, избранный».

Решив так, он начал бездельничать. Бездельничал неделю, другую, месяц, один, другой, третий и все размышлял о своем высоком назначении на свете.

Время шло, и от безделья Зуб мудрости начал хандрить и ныть:

— Как скучно жить!.. Как неинтересно!..

И, представьте себе, его нытье передалось другим зубам: и Коренному, и Резцу, и даже Передним — жизнерадостным малым, которые раньше весело смеялись, а теперь кривились в улыбке.

— Что с нами происходит?!.. Что случилось?! — взволновались зубы. — У нас меланхолия, апатия... Мы не хотим ни пить, ни есть... С нами такого еще никогда не было.

— Это вам передалась часть моего интеллекта, — сказал Зуб мудрости. — Без меня вы влачили жалкое существование, жили тупой животной жизнью и не замечали, как уныла и обыденна действительность. Вы занимались однообразной механической деятельностью, а сейчас благодаря мне вы увидели, что все вокруг скверно...

И он заныл еще сильнее, а вместе с ним заныли и дру-

гие зубы, стали качаться от тоски и скуки, и неизвестно, чем бы все кончилось... Но вдруг появились Щипцы и крепко ухватили Зуб мудрости.

— Ой! — закричал он. — Ой, ай!.. Ай-я-яй!.. Почему вы мне делаете больно?! Куда вы меня тащите?! Впрочём, я понимаю, вы увидели, что я нахожусь в неподходящем обществе!.. Вы хотите, чтобы я занял соответствующее мне положение... Ой!.. Конечно, я достоин лучшего... Я!..

На этом хвастливая речь оборвалась.

Щипцы вытащили Зуб мудрости и бросили его со стуком в эмалированный тазик, и все увидели, что он был насквозь гнилой.

Тотчас же Коренные зубы и Резцы облегченно вздохнули, а Передние снова начали весело улыбаться.

БАБИЙ УМ

Баба-Яга Костяная Нога решила переехать на жительство в большой город...

Перед отъездом она попрощалась со своими старинными приятелями Лешим и Водяным, посидела с ними в избушке на курьих ножках, выпила за компанию стопку болотной воды, настоенной на разрыв-траве.

— И чего это ты, старая, придумала, — покачал кудлатой головой Леший. — Куда тебя несет?.. Пропадешь ты пропадом среди дыма и копоти. Слышал я, что в городе воздух тяжелый, деревья, как бараны, стрижены и от шума голова пухнет.

— Ладно уж, не учи, — огрызнулась Баба-Яга. — У нас тоже не прежние времена. Сам видишь, ходят тут по лесу разные чертенята с ящиками, в которых стальные пруты понатыканы. Такой вой поднимут, жуть берет!

— Это верно, — почесал в бороде Леший, — молодежь нынче вредная пошла. Скорее они тебя напугают, чем ты ее.

Но Водяной не отступал:

— Неладное ты замыслила, Яга. Смотри, у нас в лесу красота дивная. Озера чистые, ясные, каждый камушек на дне светится, ручьи весной реками текут, а в городе, говорят, и воды вдоволь на всех нету.

— Говорят, говорят, — усмехнулась беззубым ртом Баба-Яга. — Наслушался ты сорочьих сплетен!.. У нас только летом искупаться можно, и то все косточки стынут, радикулит пронзает. А там круглый год ванны с душами, принимай хоть с утра до вечера.

— Это так, — приглядел косматые брови Леший. — Ничего не скажешь — культура!.. Да там и без тебя старух хватает.

— Не бойся, сыщу себе теплое местечко.

— Гляди-ка не промахнись!

— Не промахнусь, я женщина сообразительная.

— Ну и ступай! — рассердился Водяной.

— И пойду, — сказала Баба-Яга.

И пошла, а Леший с Водяным опрокинули еще по стопочке и все потешались над Бабой-Ягой:

— Вот дура баба!.. Бабий ум.

А Баба-Яга не торопясь, пешочком по лесу доковыляла до станции, села в поезд и поехала.

Скоро она пригелась в тепле, задремала, и вдруг почувствовала, кто-то ее за плечо тронул:

— Просыпайтесь, бабушка.

Открыла она глаза и увидела, что перед ней — мужчина в железнодорожной форме.

— Куда едете? — спросил он. — Билет попрошу.

— Сейчас, миленький, сейчас, родненький, — закудала Баба-Яга и начала искать билет. Она рылась во всех юбках, за пазухой шарила и в кошелке — нигде нет. Да и не могло быть, потому что не покупала она билета, хотела так проехать, даром.

— Куда он девался, проклятуший! — тарахтела Баба-Яга. — Вот был как был, и нет как нет.

— Ну что же, — сказал контролер, — придется вам платить штраф и брать другой билет.

Баба-Яга расхныкалась:

— Нету у меня денежки, славенький, ни копеечки!.. Все на билет потратила.. Бедная я старушечка, убогая.

— Это нас не касается, — сказал контролер, — или платите, или придется вам сойти со мной на следующей остановке.

Баба-Яга вся залилась слезами:

— Ой, добренький, ой, родненький!.. За что же это!.. Не виновата я.

А в вагоне шум поднялся страшный. Одни пассажиры кричат: «Безобразие!.. Старуха, а будто мальчишка-безбилетник зайцем проскочить хочет!..» Другие грудью стоят за Бабу-Ягу: «Как вам не стыдно почтенную женщину обижать?.. Это у нее склероз!..»

Контролер молчит. Тут какой-то интеллигентный седой мужчина вмешался:

— Разрешите, я за вас заплачу?.. Пустяк это. Позвольте мне вам помочь как пенсионер пенсионеру. Должна у нас быть солидарность.

И заплатил.

— Спасибо, родной, век помнить буду, — прошамкала Яга, а сама подумала: «Городских-то, видать, легче провести, чем деревенских».

Баба-Яга приехала в город в час пик. Однако не растерялась — вошла в автобус с передней площадки, и сразу ей место уступили.

Первым делом Баба-Яга отправилась к Домовому. Он тоже был из лесных жителей, но уже давным-давно переехал в город.

Жил он с молодой женой — хорошенькой ведьмой — в отдельной квартире со всеми удобствами.

Жена Домового, приняв Бабу-Ягу за нищую, сначала не хотела пускать ее на порог, но потом, когда разобралась, в чем дело, смиростивилась, оставила стариков бе-

седовать, а сама ушла в кино с каким-то лохматым чертом.

— Ну давай, рассказывай, — сказала Баба-Яга Домовому, — как ты здесь живешь-можешь.

— Чего там рассказывать, — вздохнул Домовой. — Много было, да уплыло. В старые времена управхозом числился. Ничего, подходящая жизнь. Свои трудности, понятно, были. Уж очень жильцы донимали всяческими претензиями. Ну так я от них в печные трубы прятался. Они бегают, кричат: «Где управхоз?», а я сижу в трубе, похохатываю. Да, затем вместо печей паровое отопление завели. Управхозов сменили на техников с образованием, и я не у дел остался. Ничего, и теперь не горюю... Квартыры помогаю менять. Хоть стар, а все еще дурачусь, путаю людей по привычке. А ты что думаешь делать?

— Не знаю, — сказала Баба-Яга, — осмотреться нужно.

— Осмотрись, осмотрись, ты женщина способная, найдешь себе занятие. Только сперва нужно прописаться, жилплощадь получить. Хочешь, я тебе помогу в кооператив вступить? Деньги-то у тебя есть?

Баба-Яга застучала клюкой по полу, зашипела:

— Кш, непутевый!.. Откуда у меня деньги?

— А нет, так и соваться нечего.

— Ладно, это мы после узнаем. Ты вот мне скажи, где у вас, на какой улице сидит начальник по жилплощади?

— Это пожалуйста. Заседает он на Непролазной улице в доме номер тринадцать. Туда, что ли, пойдешь?

— Пойду, — сказала Баба-Яга.

И ушла. А Домовой ей вслед посмеивался, как Леший с Водяным:

— Дура баба!.. Бабий ум...

Баба-Яга не долго, не скоро, а все-таки разыскала Непролазную улицу и дом номер тринадцать. Огромный

домина. Выше самой высокой сосны. Коридоры узкие, как тропинки, комнат больше, чем деревьев в лесу, не поймешь, ткнуться в какую.

Баба-Яга потянула одной ноздрей, потянула другой, почуяла запах начальника и заковыляла к нему в приемную.

Там полно народа разного, а у дверей кабинета сидит девица с волосами, до самых плеч распущенными. По всему видно, бывшая русалка. Каждому посетителю она объясняет холодным озерным голосом:

— Сегодня больше приема не будет... Начальник не принимает...

Посмотрела она на Бабу-Ягу и спросила:

— А вы по какому вопросу?

— По личному, — сощурилась Баба-Яга.

— По личному начальник не...

— А ты не спеши, девушка, — ухмыльнулась Яга, — послушай меня.

И шепнула что-то начальнической русалке в розовое ушко.

Та, как услышала, вскочила — и к Бабе-Яге:

— Садитесь, пожалуйста, отдохайте, я ему сейчас доложу.

Не прошло и пяти минут, как она явилась снова:

— Будьте добры, проходите, он вас ждет.

Баба-Яга прошла в кабинет, а там ей навстречу из-за стола встал начальник, белый, откормленный.

Баба-Яга посмотрела на него и в слезы.

— Простите, — сказал начальник. — Тут какая-то неувязка вышла. Я вас совсем не знаю.

Баба-Яга разрыдалась:

— Ох, и времена настали!.. Родную мать признать не хочешь!.. Да и где тебе!.. Столько лет меня не видел и весточки не шлешь!.. Я уж думала, не помер

ли. А ты смотри какой гладкий стал на городских хлебах.

Начальник даже поежился. Вспомнил — действительно забыл он мать, и денег не посылал, и письма написать было некогда — все государственные дела.

А Баба-Яга поняла, о чем он думает.

— Чего глядишь, любименький?.. Страшная я?.. Ничего не скажешь, трудно жить в наших лесных условиях. Вот и состарилась, износилась. Вижу, смерть близка. Дай, думаю, повидать тебя. Вот и приехала.

— Так вы, значит, в гости? — с надеждой спросил начальник.

— Зачем в гости?.. Совсем прибыла.

Начальник побледнел весь, схватился рукой за сердце, еле дышит.

Но Баба-Яга его успокоила:

— Ты не тревожься, миленький. Я у тебя жить не буду. Знаю, тебе тоже нелегко — семья, жена, детки интеллигентные. Не к лицу им такая деревенская бабушка. Не стану тебя стеснять. А ты вот что сделай: подбери для меня где-нибудь комнатенку, чтобы я могла жить в ней тихо, спокойно, по-стариковски.

Как только начальник услышал про комнату, сразу заговорил официальным голосом:

— Комнату?.. Но позвольте!.. На каком основании, гражданин?

— А ты подумай, поколдуй, миленький.

Начальник думал, думал и, верно, наколдовал, потому что в тот же день Бабе-Яге предоставили комнату с постоянной пропиской.

Квартира была маленькая, жильцов всего два семейства.

— Спасибо, сынок, больше мне ничего не надо, — сказала Баба-Яга и поклонилась начальнику.

Прошло немного времени, и Баба-Яга не поладила с соседями, стала подавать на них заявления в товарищеский суд и писать письма в газеты. И опять колдовство приключилось: дом пошел на капитальный ремонт. Жильцы сразу уехали, а Баба-Яга задержалась.

— Нет, не поеду!.. — сказала. — Давайте отдельную квартиру с удобствами. Довольно я целую жизнь в избе прожила, в глуши намучилась. Уважьте старуху.

Уважили Бабу-Ягу, выбрали однокомнатную квартиру в центре города, а Баба-Яга не согласилась.

— Воздуху мало... Заводы близко... Машины под окнами снуют, спать мешают.

Повезли ее посмотреть квартиру в новый район, где и заводов нет, и машины не ходят.

— Нет, — сказала Баба-Яга. — Коридоры узкие, некуда мне сундуки ставить. Извините, миленькие, мы, старухи, никак не можем со своим барахлом расстаться.

Нашли ей квартиру с широкими коридорами, с встроенными в стены шкафами, опять не понравилось.

— Хороша квартира, а кино рядом нет. Хочу я на старости лет пожить культурной жизнью.

Совсем сбились с ног люди, которым Баба-Яга была поручена.

В конце концов нашли и воздух, и коридоры широкие, и культуру. Все есть. Переселили Бабу-Ягу и потом три дня пили на радостях.

Зажила Баба-Яга в свое удовольствие. В комнату трех жильцов пустила, сама на кухне устроилась с курочками и свинкой, выхлопотала себе пенсию, гадает в дамских парикмахерских, на киностудии в детских фильмах в роли Бабы-Яги снимается, лесную свою избушку на курьих ножках летом дачникам сдает.

Узнали об этом Леший с Водяным, ахнули:

— Вот тебе и дура баба!.. Вот тебе и бабий ум!

НОВЫЙ ЖИЛЕЦ

В этой квартире все жили дружно, и каждый был занят своим делом. По утрам будильник громко будил всех, а потом целый день неутомимо отстукивал:

— Тик-так, тик-так!.. Так надо жить, чтобы не терять ни одной минуты. Помните, время дорого.

Кухонная швабра и веник трудились вместе, не боясь самой черной работы, котелок варил обед, кожаный портфель и лакированная сумочка уходили на службу, в детской комнате рыжий лохматый клоун смешил толстощекую куклу Матрешку, игрушечные каменщики складывали дом, машинист на башенном кране звонил в колокол и предупреждал об опасности зазевавшегося Ваньку-встаньку.

И лишь старый дубовый шкаф в передней скучал. Он давно стоял на одном месте, и у него не было никаких впечатлений.

Так продолжалось до тех пор, пока в квартире не появился новый жилец.

— Здравствуйте, здравствуйте, — затрещал он, выскочив из детской комнаты. — Я — Волчок-трещотка.

— Очень приятно познаком... — начал шкаф, но Волчок уже умчался в спальню и там, подпрыгивая на одной ноге, танцуя и жужжа, обежал все углы.

— Кажется, он очень общителен, и он так быстро движется, — сказал старый шкаф авоське, висевшей на крючке. Он, вероятно, везде бывает и сумеет рассказать много интересного.

— Авось, — меланхолично ответила авоська. Она никогда не высказывалась определенно.

Но тут Волчок-трещотка снова появился в передней и затрещал:

— Это потр-трясающе, неслыханно... Это чудовищно!.. Все забились по своим углам, нужно встречаться!.. Нужно знать друг о друге... Я помогу, я сообщу, я расскажу...

— Мы будем очень благодарны вам, — сказал старый шкаф, — если вы...

Но Волчка и след простыл. Он метался по всей квартире, трещал, заглядывал повсюду и наконец снова выбежал в переднюю, танцуя и припрыгивая на одной ножке.

— Ну, что вам удалось узнать? — спросил его шкаф.

— Много, очень много, — трещал Волчок. — Совершенно сногшибательные сообщения. Вы, конечно, знаете старую швабру. Вечно она ходит непричесанная в каком-то тряпье. Ну, так вот, эта старуха вообразила себя пальмой и влюбилась в фикус. Страшно смешно... А веник, ее верный друг, облысел от огорчения. На днях его выбросят в помойное ведро. Так ему и надо. Какой же мужчина будет убиваться из-за старой карги? Это еще что — мелочь, чепуха!.. Слушайте дальше. Вы, наверное, думаете, что у ступки и пестика счастливый брак? Он ее колотит каждый день, а она молчит... А котелок, он же протекает и давно не варит. Чайник не умеет вести себя в обществе, кипятится и плюет на всех. А в буфете, подумайте только, что творится в буфете!.. Фарфоровые тарелки ходят в гости в соседнюю квартиру и затем бол-

тают, что там пьют и едят... Графин такой важный, пузатый... На днях он напился и заслужил свое. Десять суток его не выпускают из буфета... А этот воображала чемодан. Здорово он отличился во время последнего путешествия. Ему намяли бока... А портфель, он ведь из крокодиловой кожи, проглатывает самые важные бумаги и потом проливает над ними крокодиловы слезы. А этот пустозвон будильник! Он отстаёт от жизни... А рыжий клоун! Он поёт чужие куплеты. А... А... А...

Тут Волчок-трещотка начал качаться, вилять бедрами и упал на пол. Завод его кончился.

— Ужас, какой ужас! — прокряхтел старый шкаф. — Хорошо, что он открыл мне правду, а я-то думал, что рядом со мной живут приличные, порядочные вещи.

ПОЛЕЗНАЯ ПТИЦА

Был лес как лес. Синицы, пеночки и трясогузки выводили птенцов и учили их летать, белка заготавливала орехи, соловей по вечерам давал сольные концерты, бобры строили плотины, и даже главный начальник Медведь занимался нужным делом — драл лыко.

Лишь одна Кукушка ничего не делала и только куковала: — «Ку-ку!.. Ку-ку!..»

Все были недовольны Кукушкой. На что уж Зяблик — ни о ком дурного слова не пискнет, и тот не выдержал:

— Разве это птица, Кукушка?.. Не вьет гнезда, бросает своих детей, еще не успеют они появиться на свет.

— Она компрометирует наше общество! — возмутился Дятел. — Необходимо серьезно поговорить с ней.

— Попробуйте, — усмехнулась Сова, — посмотрим, что у вас выйдет.

— И попробую, — решительно заявил ученый Дрозд. — Слово — великая сила.

Он выбрал удобный случай и завел беседу с Кукушкой:

— Знаете ли вы, что материнство — это священный долг?

— Ку-ку! — ответила Кукушка.

— Понимаете ли вы, как важна забота о детях?

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. — отозвалась Кукушка.

— Она поняла, — кивнул головой Дрозд.

А на следующее утро Кукушка подбросила яйцо в его гнездо... Ученый Дрозд так огорчился, что целый месяц не читал лекций на моральные темы, а Сова сказала:

Пора с ней кончать. Нужно выселить ее из леса.

Послали делегацию к Медведю.

Он слушал, слушал, сосал, сосал лапу и высосал:

— Неисправимых птиц нет. Поможем Кукушке. Если она не хочет высиживать своих птенцов, пусть воспитывает чужих.

Назначили Кукушку воспитательницей в детский сад. Дали ей в обучение малышей дроздов, малиновок, галчат. Кукушка тотчас же оставила их одних. Они передрались, повыщипали друг другу перья, чуть глаза не выкололи. Доложили об этом Медведю.

— Ну что же, — проревел он. — Не у всякого есть педагогический талант. Будь я учителем, я, может быть, кого сгоряча и задрал. Попробуем ее на другом деле. Пусть кукует точное время.

Назначили Кукушку на должность лесных часов. Едва солнце взойдет, Кукушка заводит:

— Ку-ку!... Ку-ку!...

И так раз тридцать подряд, а в полночь, бывает, только прокричит:

— Ку-ку!

И все.

Освободили Кукушку и от должности лесных часов, и стал Медведь думать, куда бы ее пристроить. Думает, думает, ничего придумать не может.

— Не понимаю, — удивляется ученый Дрозд, — почему Медведь с нею возится.

— Что же тут не понять? — говорит Сова. — Все ясно. Кукушка ему многие лета кукует. Вот он и считает ее полезной птицей.

ДОЛГОЖДАННЫЙ

В лесу было прохладно и тихо.

Тонкие березы зябко вздрагивали, высоко подняв подолы зеленых сарафанов, чтобы не замочить их в лужах; соловей еще не начинал петь, боясь простудить свое музыкальное горло, а гриб Сморчок появился на свет.

— Доброе утро, — пропищал он, — доброе утро, вот и я!

Никто не ответил ему. Доктор дятел озабоченно выстукивал больную сосну, муравьи хлопотливо сновали туда-сюда в поисках строительных материалов, кукушка предсказывала, сколько солнечных дней будет в году. Она то и дело сбивалась со счета, и большеголовые вороны сердито каркали:

— Кар!.. Кар!.. Караул!..

Сморчок удивился.

«Странно, — подумал он, — очень странно. Что же такое происходит? Я первый гриб, я предвестник лета. Почему же меня не встречают с радостью? Почему все равнодушны ко мне? Должно быть, они еще не поняли, кто я такой? Но я уверен, меня оценят. Буду ждать», — решил он и еще больше сморщился от важности.

Время шло. Солнце грело сильнее. Пробудилась от сна земляника. Она была молоденькая, совсем зеленая,

но когда соловей пропел свою песню, земляника так разволновалась, раскраснелась, что стала необыкновенно хороша и скоро исчезла из леса.

Сморчок злобно шипел:

— Чушь!.. Совершенная чушь... Кому могла приглянуться эта румяная дурочка? Можно ли обращать внимание на всякую девчонку, когда есть такая фигура, как я? Разрази меня гром, если я не прав!

И гром, июльский гром разразился, хотя он, наверное, и не слышал Сморчка.

Гром весело кувырчался в небе, сверкал молниями и, надуравившись вдоволь, опрокинул на лес тысячи ведер теплого дождя.

А потом опять взошло солнце, запахло горячей хвоей и Сморчок услышал, как звонкий мальчишеский голос окликнул его:

— Добрый день, папаша!

Сморчок сначала даже не понял, что это обращаются к нему.

— Добрый день, папаша! — повторил тот же голос, и тут Сморчок увидел, что это говорит какой-то бездельник в белой, лихо надвинутой на бок шляпе.

— Чего ты кричишь? — скривившись, спросил Сморчок. — Кто ты такой? Что тебе нужно?

— Я подберезовик, — представился незнакомец. — Мы с вами родственники и принадлежим к одной семье. Надеюсь, что мы подружimsя, хотя вы значительно старше меня.

— Напрасно надеешься, — угрюмо ответил Сморчок. — И пожалуйста, не приставай ко мне с глупой болтовней, я слишком занят, чтобы тратить время на пустяки.

— Ну, как хотите, — сказал бездельник в светлой шляпе и начал о чем-то переговариваться с березой.

С этого дня Сморчок окончательно замкнулся в гордом одиночестве. Он не удостоил ни словом забавные существа с желтыми напояженными головками, объяснившими, что они маслята и будут рады познакомиться с дедушкой Сморчком, он с презрением взглянул на стайку оранжевых малышей, над которыми старая осина тряслась, словно курица над цыплятами.

Светило солнце. Шли дожди. Мягко ступая по желтому ковро из листьев, осень подкралась к лесу, а Сморчок упорно ждал часа своего торжества.

Однажды он проснулся от звука незнакомых голосов. Он чуть приподнял совсем иссохшую от обид и огорчений голову и увидел мужчину и девочку.

— Смотри, — сказал мужчина девочке, — смотри, вот он, долгожданный.

Сердце Сморчка затрепетало.

— О, сладкий миг! — напыщенно воскликнул он. — О, моя поздняя, выстраданная слава!

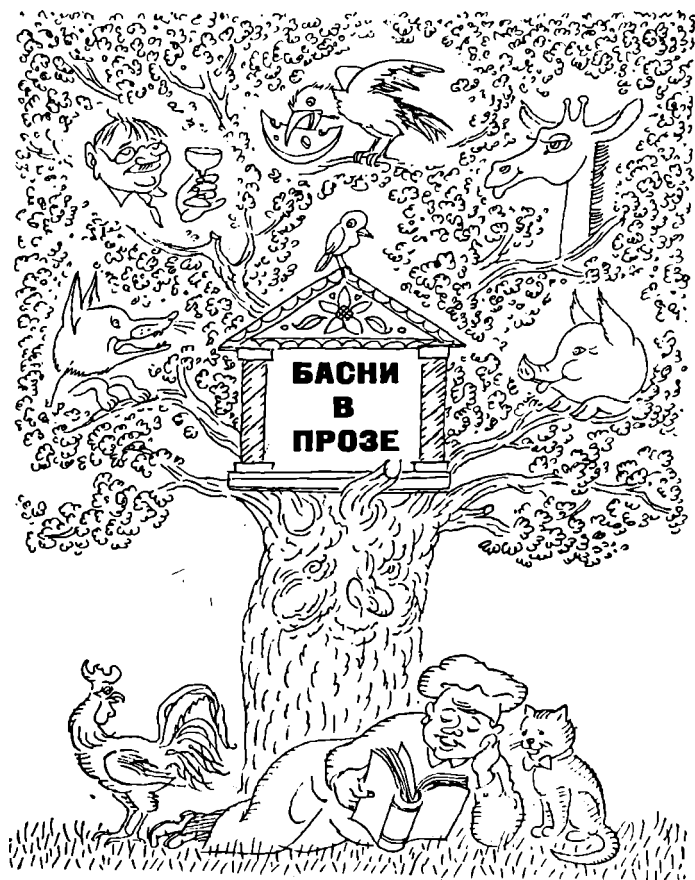
— Смотри, — повторил мужчина, показывая на сосну, у подножья которой на мягкой подушке мха развалился какой-то толстяк в коричневом берете.

Толстяк был спокоен, ленив и, казалось, не выражал восторга от того, что мужчина и девочка любовались им и называли его «долгожданным белым».

— Он появляется позже других, — объяснял мужчина. — Солнцу, дождю, деревьям, земле надо много потрудиться, чтобы родить такое чудо.

«Так вот она, людская благодарность, — горько подумал Сморчок, — вот их справедливость!.. Разве они могут по заслугам оценить того, кто был первым?!»

И Сморчок замолк навсегда.

ЛАРЧИК

Одному уважаемому человеку сослуживцы подарили ларчик.

Юбиляр был очень тронут:

— Спасибо, друзья.

А те в ответ:

— Пользуйтесь на здоровье.

Три дня Юбиляр развлекался старинной вещицей, на четвертый потерял ключ, а ларчик закрыт.

— Ничего, не беспокойся, милая, — утешил Юбиляр жену. — У нас рядом Дворец быта открылся. Для них эта техника пустяки. Они мне и ларчик откроют, и ключ подберут.

— Ну-ну, — сказала жена.

Юбиляр понес ларчик во Дворец быта. Но не тут-то было. Юбиляр кончал работу в шесть часов вечера, а Дворец закрывался в пять.

Однако Юбиляр не расстроился, не стал высказывать претензий. Он был сознательный гражданин и подумал: «Ладно, так, наверно, нужно для удобства трудящихся Дворца».

Спокойно, не нервничая, Юбиляр дождался своего выходного и опять отправился во Дворец быта. Ему там очень понравилось. Дом большой, весь в стекле, как аквариум. С улицы видно, кто что делает.

Внутри красиво, современно — мебель полированная, пластик, лампы дневного света, указатели-стрелки пока-

зывают, куда идти, чтобы не заблудиться. И везде внимательные сотрудники. Они объяснили, что Дворец быта ларчиков не принимает, и дали адрес мастерской, где занимаются сейфами и другими секретными ящиками.

— Вполне понимаю вас, — сказал Юбиляр и, поблагодарив сотрудников Дворца быта, поехал по указанному адресу.

Там его приняли еще любезней. Заведующий пригласил присесть, угостил сигаретой, выслушал и сказал:

— Увы, бессилён!.. Хотел бы, но не могу. Мы занимаемся только государственными заказами, а с частными лицами не имеем контактов.

— Так, — сказал Юбиляр. — Куда же мне податься?

— Это дело поправимое. Поезжайте-ка в ателье, которое чинит чемоданы и сумочки. Они вам даже очень будут рады, потому что им нужно план выполнять, — посоветовал заведующий и дал Юбиляру адрес ближайшего ателье.

Там его встретили как отца родного. Приемщик посмотрел на ларчик и улыбнулся:

— Да, вот это предмет!.. Искусная работа. Прямо скажем, в руках держать приятно.

Юбиляр весь засветился от радости:

— Значит, поможете?

Приемщик почесал лысину:

— Со всем бы удовольствием, но не можем.

— Почему же? Открыть не сумеете?

Приемщик обиделся:

— Как это не сумеем? У нас специалисты высокой квалификации. Только на ваш предмет ценника нет, не входит он в нашу номенклатуру. Будь это дамская сумочка или чемодан — пожалуйста...

— Понимаю вас, вполне понимаю, — сказал Юбиляр и ушел.

Вернулся он домой усталый, измученный, но, на счастье, в это время заглянул к нему давний знакомый, опытный Снабженец.

— Ладно, — сказал Снабженец. — Выручу. Поедем.

— Куда? — не понял Юбиляр.

— А куда хочешь, все равно: во Дворец быта, или в мастерскую, или в ателье.

— Да я же был там.

— Едем, говорю.

Вызвали такси, потому что у Юбиляра ноги уже не двигались, поехали в чемоданное ателье.

— Здравствуйте, мое почтение, — обратился Снабженец к тому самому приемщику, с которым Юбиляр беседовал.

— Здравствуйте.

— Будьте добры, попросите мне Толю.

— Одну минутку, — сказал приемщик и ушел за перегородку. Вскоре оттуда появился молодой человек — внешность, как у заграничного певца.

— Привет, Толя, — сказал Снабженец. — Мы к тебе. Открой вот эту штуку и ключик подбери.

Толя посмотрел на ларчик:

— Старинный?

— Старинный, — сказал Снабженец.

«Не выйдет ничего», — подумал Юбиляр и загрустил.

— Это можно, — сказал Толя. — Сколько?

— Как всегда, на маленькую, — ответил Снабженец.

— Идет.

Унес ларчик и через пять минут вернулся. И ларчик открыт, и ключ есть.

Юбиляр даже ахнул, а Снабженец толкнул его в бок.

— Видишь, тюха-матюха!.. Ларчик-то просто открывался.

СЛОН И МОСЬКА

В большой северный город прибыл Слон. Он приехал не то из Индии, не то из Африки, и не как путешественник-турист — посмотреть разные разности, показать себя и вернуться домой. Нет, Слон решил навсегда поселиться здесь и прописаться постоянно в Зоологическом саду.

Старожилы не помнили такого праздника. Здания были украшены флагами, женщины надели самые нарядные платья, мужчины побрились особенно тщательно, многие жители побросали работу и вышли навстречу Слону. Трамваи, автобусы и такси уступали ему дорогу.

Слон медленно шел по городу, вежливо качая головой, и трубил тихо, чтобы не вылетели стекла из окон:

— Ру-ру!.. Благода-ру за прием!

А со всех сторон неслись возгласы:

— Ну и громадина!

— Какие уши!

— А хобот!

— Вот это диковина!

— Добро пожаловать!

— Ура Слону!

Слон был растроган и доволен. Когда он приближался к Зоологическому саду, навстречу ему выскочила лох-

матая собачонка. Она была немолода, но никто не называл ее по имени-отчеству, как, например, Полкана Полкановича или Барбоса Барбосовича. Даже щенки звали ее Моська.

Моська очень обижалась на это. Она считала себя незаурядной личностью, хвасталась, будто бы в молодости выступала в цирке, имела огромный успех и ушла оттуда, пострадав за критику, после того, как у всех на глазах разоблачила фокусника.

Но все это была собачья чушь. На самом деле Моська никогда не работала, терлась с утра до вечера в очередях у мясных лавок, нюхала, где пахнет жареным, виляла хвостом перед поварами на кухнях, а когда пришла старость, устроилась в Зоологическом саду и выхватывала из-под носа у львов и тигров самые лакомые куски.

Увидев Слона, Моська забрызгала слюной и завизжала:

— Гав!.. Гав!.. Гав!..

Это были очень неприличные слова, но Слон не услышал и не увидел Моську.

— Ну и Моська, ай да Моська! — заливалась от смеха ее подруга — дворовая Шавка. — Моська лает на Слона!.. Как смешно, как забавно!..

— Посмотрим, кто будет смеяться последним, — огрызнулась Моська.

Слон поселился в Зоологическом саду. Ему отвели просторное помещение, и каждый день взрослые и дети, местные жители и приезжие приходили полюбоваться красавцем великаном.

А Моська все злилась и злилась и бегала от одной клетки к другой.

— Послушай! — насакивала она на Жирафа. — Ты самый высокий, ты видишь дальше других. Ты достоин быть первым среди равных. Раньше все часами любовались

тобой, а теперь толпятся около этого неуклюжего животного. Это несправедливо!..

Жираф вытягивал шею, оглядывался вокруг и обижался на взрослых и детей, на местных жителей и приезжих.

— Ваши африканские величества, — юлила Моська перед Львом и Львицей, — скажите, можно ли терпеть такое?.. Вы — бывшие царь и царица, ведете себя скромно и демократично, как рядовые звери. И что же? Вас кормят сырым мясом!.. А Слон?.. Чего только не дают ему! И какао, и кофе, и сахар, а после купания ведро водки!.. Это же возмутительно, так поощрять пьяниц, в то время как мы боремся... Нет, ваш голос должен звучать!..

Львица била хвостом, Лев ревел, а Моська мчалась дальше к обезьяньей клетке.

— Милые мартышечки, славненькие гамадрильчики, хорошенькие орангутангчики, — лебезила Моська. — Кому не известно, что вы самые близкие родственники людей? Не будь вас, человек никогда не стал бы человеком. И вот благодарность!.. Вас с семьями загоняют в тесную клетку, а одинокий Слон занимает огромные аппартаменты. Его считают фигурой, а над вами смеются.

— Позор, безобразие! — верещали гамадрилы, орангутанги и мартышки.

Бедный Слон был смущен и растерян. Он похудел, кожа на боках обвисла, хобот поник.

А Моська уже вертелась возле Медведя.

— Проснитесь, проснитесь! — отчаянно затыкала она. — Посмотрите, как все в нашем зоопарке возмущены Слоном. И только служители угождают этому африканцу. Это низкопоклонство перед Востоком!.. Вы должны поднять лапу!

Медведь поднял лапу и рывкнул грубо, по-медвежьи:

— Ах ты старая дрянь!.. Опять принялась за свое. А все и уши развесили. Разве вы, Лев и Львица, забыли, как она грызла вас за ваше происхождение?.. А у вас, гамадрилы, мартышки и орангутанги, память, что ли, отшибло? Не помните, как Моська обвиняла вас в клевете на людей, в том, что вы распространяете ложную теорию, будто человек произошел от обезьяны?!.. А ты, Жираф, запоматовал, как Моська требовала спустить с тебя шкуру за то, что ты одеваешься по западной моде?.. Теперь она травит Слона, и вы поддакиваете ей!.. Гнать ее нужно из нашего Зоосада.

— Гнать, гнать! — заверещали мартышки, гамадрилы и орангутанги.

— Гнать, гнать! — замотал длинной шеей Жираф.

— Гнать, гнать! — зарычали Лев и Львица.

У Моськи от страха сердце ушло в пятки. Она пустилась наутек, спряталась в какой-то подворотне и заскулила:

— Посмотрите, что делается! Старую, заслуженную собаку затравили!

А потом стала лаять и так облаяла Медведя, что целый год ему пришлось доказывать, что он не верблюд.

КОТ И ПОВАР

В детском саду работал Повар-грамотей. Он очень любил читать научно-познавательные сочинения, а больше всего Уголовный кодекс. С этой книгой он никогда не расставался. Стоит у плиты, кладет масло в кашу, а сам одним глазом в книгу заглядывает. Ляжет спать, положит ее под подушку, чтобы знания лучше усваивать. Так, говорит, рекомендует современная наука гипнопедия.

Кот Василий, друг и помощник Повара, удивлялся его причудам.

— Не понимаю вас, уважаемый деятель общественного питания, — мурлыкал он. — Конечно, многие в наше время интересуются детективной литературой, но ведь там есть и сюжет, и характеры, а здесь одни статьи.

— В этой книге, брат Василий, — поучал Повар, — каждый характер найдет свой сюжет. Изучи ее, сделай руководством к действию, и не пропадешь.

Вот как-то Повар читал-читал любимую книгу и загрустил.

— Что с вами? — спрашивает Кот. — Сердце? Вы поbleднели даже.

— Ничего, Васенька, просто голова разболелась. Должно быть, от умственного напряжения.

— А вы пойдите погуляйте на крыше, — советует Кот. — Примите воздушные ванны. Я всегда так делаю, помогает.

— И то верно, — согласился Повар. — На крышу я, конечно, не полезу. Я человек простой, забираться высоко не люблю. Схожу-ка в гости к приятелю. Давно мы с ним не виделись. А ты оставайся за меня. Никого посторонних не пускай и стереги съестное. Тут и сметана диетическая, и сало, и курятина, и лещи свежие.

— Вижу, — облизнулся Кот. — Не тревожьтесь, все в порядке будет. Не первый год вместе работаем.

Снял Повар халат, надел модный костюм, берет, начистил ботинки кремом «Сочи» и отправился к знакомому Кладовщику. Друзья-приятели взяли пол-литра, посидели, закусили огурчиками с помидорчиками, потолковали о женах, о международном положении, о футболе, а затем Кладовщик спрашивает:

— Ты что, выходной сегодня?

— Нет, работаем, ждем план.

— Как же ты кухню оставил?

— Очень даже просто. У меня там первый заместитель действует.

— Заместитель? Какой такой, не знаю.

— Как не знаешь? Мой друг и помощник Василий.

— Это Васька, что ли?

Повар обиделся:

— Не Васька, а Василий Васильевич. Он — сознательный. Вот я здесь с тобой культурно отдыхаю, а он там съестное стережет.

— Ну и чудак ты! — засмеялся Кладовщик. — Коту сметану доверил.

— И сало, и курятину, и лещей свежих.

— Погоришь ты, ой погоришь!

Повар поднял указательный палец:

— Доверие сейчас в нашей жизни самое главное. Прошло то время, когда в каждом коте вора видели.

А Кладовщик гнет свое:

— А ну поспорим!

Ударили по рукам. Пошли на кухню.

Всю дорогу Кладовщик торопил Повара:

— Бежим скорее, пока не поздно.

А Повар не спешит:

— Успеется! Мой Василий Васильевич лучше умрет голодной смертью, чем воспользуется общественной собственностью.

Пришли на кухню, видят: и сметана, и курятина, и лежи — все в сохранности, и кот Василий тут же на страже сидит. Кладовщик ахнул:

— Твоя взяла! .. Глазам своим не верю! .. Чудо из чудес.

Как только Кладовщик ушел, кот Василий спрашивает:

— Ну что, довольны мной?

Повар даже плюнул с досады:

— Что ты со мной, бродяга, сделал? Я к тебе, как к человеку, а ты, зверь, подвел меня.

— Не понимаю, чем я вас подвел?

— Дурак ты, Васька, — рассердился Повар, — хоть и ученый кот, а дурак! У меня же недостача продуктов, ревизия на носу. . . Я тебя нарочно одного оставил и Кладовщика как свидетеля привел. Думал, придем, застанем тебя, когда ты сметану ешь. Я тебе начну мораль читать, а ты примешься за курятину. Ну, пожурили бы меня за излишнюю доверчивость, и все. А как мне теперь быть, скажи на милость?

— Почитайте вашу любимую книгу, вдруг поможет, — посоветовал кот.

Взял Повар Уголовный кодекс, читал, читал его — и, представьте себе, выкрутился. Из детского сада, правда, его убрали, но служит он сейчас в доме отдыха, а кота Василия в общественное питание больше не берут.

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Старый Осел отправился как-то вечером в березовую рощу подышать свежим воздухом.

Он шагал в одиночестве, пока не стемнело, задумчиво обглодал куст репейника, хлебнул мутной воды из лужи и уже собирался было прилечь отдохнуть под березой, как вдруг увидел на ветке серую птичку.

Осел был подслеповат и, решив, что перед ним воробей, узрел в этом нарушение общественного порядка.

— Эй ты, воробей! — заревел он. — Почему ты находишься в столь поздний час здесь, а не в городе, по месту постоянной прописки?

Серая птичка с достоинством поклонилась:

— Извините, но вы ошиблись, уважаемый Осел, я не воробей, а соловей.

Осел был польщен, что его знают, и несколько смущен своей неосведомленностью. Ему были известны гуси, куры, утки и другие хозяйственно-полезные птицы. Но кто же этот скромный, элегантный незнакомец? Должно быть, гость из-за рубежа?

Желая сделать приезжему приятное, Осел спросил:

— Кесе ке се Соловей?

Он собирался поехать на выставку в Париж и уже выучил по-французски: «Здравствуйте» и «Сколько стоят эти туфли?»

— О нет, — возразил Соловей. — Я не иностранец. Говорите со мной, пожалуйста, по-русски.

— Наш, что ли? — недоверчиво покосился на него Осел.

— Наш. Я — певчая птица.

— Поешь, говоришь? — сказал Осел, обретая привычную для него простоту.

— Пою.

— В самодеятельности?

— Я профессионал. Специалисты считают меня мастером. Неужели не слышали?

Осел был совсем не глуп и поэтому предпочел скрыть свое невежество.

— Слышал, — буркнул он, упершись копытами в землю. — А ну-ка, изобрази.

Соловей не заставил себя просить. Он защелкал, зашвистел, рассыпался нежной серебряной трелью.

Осел был глух и толстокож и ничего не понял в соловьином пении. Однако он видел, как затаив дыхание слушали певца все птицы, роща, ручей и даже стада овец, пасшихся вдалеке.

— Массам нравится, — весело изрек он, когда Соловей кончил петь. — Голос у тебя наличествует... Только вот не мешало бы тебе проконсультироваться с нашим Петухом.

— С кем? — робко спросил певец.

— С Петухом. Ты вот по ночам поешь, спать мешаешь, а он утром будит, зовет на работу и к тому же способствует яйценосности. У него есть чему поучиться.

— Я готов, — согласился Соловей. — Но где мне найти этого Петуха?

— Эх ты, — усмехнулся Осел. — Вот тебе его адрес — Птичья улица, Куриный двор. Ты его сразу узнаешь. Рост баскетбольный, гребень красный, шпоры черные, а го-

лос... Лети туда, подучись и явишься ко мне. Дай-ка сообразить... Завтра у меня силосование, послезавтра — согласование... Сделаем так — встретимся через неделю. Понял?

— Понял.

— Лети.

Когда Соловей прилетел на Куриный двор, там все еще спали, и, боясь нарушить покой, Соловей уселся на крышу курятника.

Едва рассвело, на двор из курятника выбежал Петух.

— Ку-кареку!.. Ку-кареку!.. Ку-кареку!.. — закричал он таким страшным голосом, что у Соловья чуть не лопнула музыкальная перепонка.

И тут же одна за другой на двор высыпали куры.

— Ку-кареку!.. Ку-кареку!.. — кричал Петух, а куры кружились вокруг него, восторженно хлопали крыльями и влюбленно хлопали:

— Ко-ко-ко!.. Ко-ко-ко!..

Чуть только они на минутку умолкли, как Соловей подлетел к Петуху и вежливо шаркнул ножкой:

— Извините, пожалуйста, вы будете Петух?

Петух посмотрел на серую птичку с высоты своего гвардейского роста:

— Я Петух Петр Петрович.

— Уважаемый Петр Петрович, меня послал к вам на консультацию многоуважаемый Осел. Я хотел бы послушать, как вы поете.

— Я уже пел, — стукнул одной шпорой о другую Петух. — Разве вы не слышали моего знаменитого кукареку?.. Что вам еще нужно?

— И это вы называете пением? — удивился Соловей. — Это все, что вы можете?

— Все, — сказал Петух. — И вообще мне некогда болтать с вами, я должен заниматься с молодыми кадрами.

И еще раз прокричав: «Ку-кареку!..» — он помчался за пестрой хохлаткой.

Спустя неделю, ровно в 22.00, Осел прибыл в березовую рощу. Соловья там не было.

— Опаздывает, — ворчал Осел. — Вот эти артисты, никакой дисциплины!

Прошло полчаса, Осел впал в ярость, стучал копытами, махал хвостом.

— Безобразие, где же этот свистун?!

Наконец явилась Сорока, всезнающая и всеведущая птица.

— Где этот тип?!.. Куда он делся?.. — обрушился на нее Осел.

— О, не волнуйтесь, пожалуйста, — застрекотала Сорока. — Он улетел за тридевять земель.

— Как?!.. Бросил родные леса?!.. Я знал, что этим кончится, я предвидел, я...

— Нет, нет, — перебила его Сорока. — Он улетел законным образом, его отправили на гастроли. Он выступает сейчас в Италии, а потом будет петь в Париже. Говорят, что он пользуется там большим успехом.

Осел даже ушами захлопал от удивления:

— Его — в Италию?.. Ну да, понятно, он всем обязан мне. Это я его направил к Петуху подучиться... А он даже не явился поблагодарить меня!.. Ну, ничего, я ему скажу... Мы еще увидимся с ним в Париже...

Однако надежды Осла не оправдались. В Париж на выставку вместо него поехал другой, более современный и более образованный осел.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ

Переплетчик	5
Жилет	14
Старое кресло	21
Философ и Колбасник	27
Испанская партия	33
Аптекарь из Падуи	42
Поэт	47
Мечтатель	52
Бедный Тургин	55
Пуд соли	60
Ясно, как дважды два	63
Не беда	70

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Ошибка	77
Да будет свет	79
Уголек	82
Раковина	84
Синий георгин	88
Ночной разговор	91
Полководец и Смерть	95
Два сапога — пара	97
У старого дуба	102
Волна и Камень	105

Это может быть с каждым	108
Край света	110
Тонкая натура	112
ЛЩ 025300, ЛЩ 025320	115
Смычок и Скрипка	121
Брак по расчёту	123
Колодец	127
Принц Три-Тру	129
Проходная Пешка	139
Буква Ять	142
Сердце Певца	146
Сиреневая звезда	153
Соловей и роза	157
Необычайное происшествие	162
«Килбуб»	166
Зуб мудрости	173
Бабий ум	176
Новый жилец	183
Полезная птица	186
Долгожданный	188

БАСНИ В ПРОЗЕ

Ларчик	193
Слон и Мышка	196
Кот и Повар	200
Осел и Соловей	203

Мин Евгений Миронович
СИРЕНЕВАЯ ЗВЕЗДА

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1971, 208 стр. План выпуска 1971 г. № 37. Редактор Т. Д. Зубкова. Худож. редактор А. Ф. Третьякова. Техн. редактор З. Г. Игнатова. Корректор П. М. Вихман.

Сдано в набор 28/IV 1971 г. Подписано в печать 26/VII 1971 г. М 11080. Бумага 70/108^{1/32} № 2. Печ. л. 6^{1/2} (9,1). Уч.-изд. л. 7,92. Тираж 30 000 экз. Заказ № 785. Цена 35 коп.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

Larisa_F

